

Джейн

ван Лавин – Гудолл

В ТЕНИ ЧЕЛОВЕКА

В тени человека

Джейн Лавик-Гудолл

Предисловие к русскому изданию

Среди большого количества вышедших у нас книг по этологии книга Джейн ван Лавик-Гудолл не может остаться незамеченной, так как она посвящена изучению поведения наших ближайших родственников человекообразных обезьян шимпанзе.

Нельзя сказать, чтобы шимпанзе как объект научного исследования не получили должного освещения в литературе. В многочисленных научных трудах отражены результаты экспериментов по изучению физиологии и психологии шимпанзе в неволе. Однако сведения о биологии этих обезьян в естественных условиях обитания оставались до сих пор отрывочными и разноречивыми.

Между тем уже в начале 60-х годов были опубликованы результаты подробных исследований поведения других человекообразных обезьян на воле горилл (Дж. Шаллер) и орангутанов (Б.Харриссон). Очередь была за шимпанзе. И эту тяжелую задачу взяла на себя английская исследовательница Джейн Гудолл. Конечно, и у нее были предшественники. Г. Ниссен по заданию лаборатории психологии Йельского университета наблюдал за жизнью шимпанзе, проведя два с лишним месяца на опытной станции в Гвинее. Природные места обитания шимпанзе обследовал и В. Рейнольдс. Однако эти полевые наблюдения и путевые записи носили характер предварительных исследований. Многие из экологии и этологии шимпанзе оставались далеко не выясненным, например, характер их стадности, взаимоотношений в сообществе и доминантной иерархии, миграций, питания, суточного цикла, гнездостроительства и т.д. Вот почему подробное исследование разных сторон биологии этих обезьян представлялось важнейшей и необходимой, хотя и нелегкой, задачей.

Это великолепно понимал профессор Л. Лики выдающийся палеонтолог и антрополог, ученый со всемирно известным именем. Он предложил Джейн Гудолл, еще не имевшей специального образования в области этологии, саму идею эксперимента и всячески способствовал ее осуществлению. Интерес этот понятен за последние полвека в Африке было сделано много замечательных открытий в области палеоантропологии, обнаружены костные остатки древнейших предшественников человека. Найти в поведении наших ближайших, ныне живущих родственников черты, проливающие свет на эволюцию человека, вот идея, которой увлекся Лики.

Вооружившись лишь биноклем, Джейн Гудолл бесстрашно отправилась в самые дебри тропической Африки, чтобы во всех подробностях увидеть повседневную жизнь шимпанзе. Нет необходимости говорить о том, сколь рискованным было подобное предприятие читатель убедится в этом, прочитав книгу. Но смелость и мужество отважной женщины были вознаграждены интереснейшими результатами десятилетних наблюдений за сообществом шимпанзе в заповеднике (позднее национальном парке) Гомбе, расположенном на восточном берегу озера Танганьика (Танзания). Картины из жизни обезьян написаны так подробно и так ярко, что кажется, будто мы сами вместе с исследовательницей побывали в джунглях Африки.

Большое место в книге отведено описанию и характеристикам внутригрупповых взаимоотношений шимпанзе: самка детеныш, самки самцы, молодые особи взрослые особи. Чрезвычайно интересна своеобразная иерархия в стаде шимпанзе. При рассмотрении внутренних противоречий в стаде обезьян[1] необходимо иметь в виду, что ряд особенностей во взаимоотношениях между полами у шимпанзе данной группы, равно как и у других африканских шимпанзе, объективно направлен к главному биологическому результату к процветанию группы и, тем самым, всего вида.

В своем описании поведения шимпанзе и мотивов их поступков автор не избежала антропоморфизма этой, по выражению Яна Дембовского, Харибды зоопсихолога. Налет гоминизации животных особенно заметен в описаниях полового ухаживания самцов и самок, а также в описании взаимоотношений между матерью и детенышами.

Позиция автора отчасти объяснима Джейн Гудолл относится к объектам своего исследования с необычайной любовью и сочувствием. Она стремится своей книгой помочь сохранить столь редкостных сородичей человека. Не случайно и название книги В тени человека: люди, превосходящие по интеллекту своего ближайшего родственника, должны помочь ему выжить, не дать ему исчезнуть с лица земли. Между тем численность человекообразных обезьян катастрофически уменьшается. В африканских джунглях к югу

от главной излучины реки Конго, к северу от реки Луибала в последние годы шло полное истребление редкого вида карликовых шимпанзе бонобо (*Pan paniscus*). Весьма неблагоприятно обстоят дела и с численностью остальных представителей рода *Pan*. Вот почему появление книги Дж. Гудолл, призывающей к охране природы ее ценной фауны и флоры, следует признать необычайно своевременным.

Экологические и этологические наблюдения Гудолл открыли много нового и интересного для приматологов и антропологов. Действительно, шимпанзе в долине Гомбе-Стрим оказались способными к разнообразным приемам использования предметов окружающей среды при добывании пищи. При этом обезьяны в ряде случаев видоизменяли их.

Исключительно важны наблюдения Гудолл над тем, как шимпанзе употребляют природные предметы в качестве орудия или оружия для усиления естественных средств защиты и нападения. Такая деятельность чрезвычайно наглядно регистрировалась с помощью фотоаппаратуры Гуго ван Лавиком мужем Джейн Гудолл. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что вся столь обильно документированная орудийная деятельность швейнфуртовских шимпанзе ни в одном из приведенных в книге примеров не носит характера истинно трудовой деятельности. Выше подправки природных орудий с помощью собственных рук и неловкого швыряния камней в противника шимпанзе исследуемой группы не поднимались.

Поэтому нельзя согласиться с мнением автора о необходимости пересмотра самого определения человека (стр. 38). Исходя из работ советских исследователей, можно сказать, что примеры употребления и даже изготовления орудий шимпанзе Гомбе-Стрима не выходят за рамки чисто биологической адаптации, за рамки приспособления к условиям окружающей среды. Основным критерием трудовой деятельности следует считать употребление орудия-посредника, то есть изготовление орудия путем обработки одного другим. Только в этом случае речь может идти об изготовлении орудия труда.

Как показали эксперименты Г. Ф. Хрустова, на которые ссылается в своей книге Дж. ван Лавик-Гудолл, ни один из них (подопытных животных. М. Н.) не сделал попытки обработать неподатливый материал предложенным вместе с ним каменным орудием или чем-либо иным, кроме своих естественных орудий, органов своего тела[2]. А между тем несомненно, что в лабораторных условиях животное проявляет большие способности, чем в естественных условиях обитания. Кроме того, экспериментатор применял многократный показ решения всей задачи с помощью орудия. Как справедливо замечает Дж. ван Лавик-Гудолл, для окончательного ответа на этот вопрос необходимы эксперименты с большим количеством животных. Однако автор эксперимента неоднократно подчеркивал, что в данном случае речь идет не о статистическом, а о методологическом, принципиально ином подходе, при котором чрезвычайная трудность выявилась с достаточной очевидностью[3].

Эксперименты другого советского исследователя, К. Э. Фабри, показали, что внимание обезьяны привлекают изменения предмета, находящегося у нее в руках, то есть орудия, но не изменения, происходящие с объектом воздействия, то есть субстратом. Однако в трудовом процессе, предполагающем оперирование двумя предметами объектом труда и орудием труда, решающее значение имеют изменения объекта воздействия, то есть объекта труда. Следовательно, у обезьян налицо и принципиально иная установка, делающая невозможным изготовление орудия труда[4].

Переход грани между животным и человеком мог быть осуществлен лишь в недрах наиболее смышленного, самого активного вида этих обезьян, лучше всех других приспособившегося к трудным условиям жизни.

Чрезвычайно интересен в наблюдениях Гудолл тот факт, что шимпанзе сообща, а то и поодиночке охотятся на других млекопитающих, в том числе и на обезьян. Шимпанзе нападают на поросят кистеухой свиньи, на небольших лесных антилоп, а из обезьян на гверец, на голубых и краснохвостых мартышек и, наконец, при случае на детенышей павиана анубиса.

Для приматолога, антрополога и этолога большой интерес представляет описание и объяснение различных эмоциональных состояний шимпанзе. При классификации звуков и сигналов шимпанзе Дж. ван Лавик-Гудолл безусловно использовала классический труд своей замечательной предшественницы нашей талантливой исследовательницы психологии обезьян Н. Н. Ладыгиной-Котс[5].

К числу важных аспектов биологии шимпанзе следует отнести сооружение ими гнезд: такому строительству у человекообразных обезьян всегда уделялось большое внимание. Наиболее глубоко эта форма поведения была проанализирована Н. Н. Ладыгиной-Котс[6].

Гнездостроительство, различные формы взаимоотношения особей в сообществе, миграции и питание, употребление орудий, возрастное развитие и процессы полового созревания вот неполный перечень проблем, которые затрагивает в своей книге Дж. ван Лавик-Гудолл. Не вызывает сомнений, что ее богатейшие наблюдения дадут большой материал не только приматологам, антропологам и этологам, но и специалистам в области палеоантропологии. Трудно отказаться от мысли, что жизнедеятельность небольшой популяции шимпанзе может иметь некоторое сходство с образом жизни ископаемых форм человекообразных обезьян, близких к биологически более развитым австралопитековым и послуживших источником возникновения наидревнейших людей на Земле.

Для многочисленного круга читателей, уже знакомого с Джейн Гудолл по некоторым публикациям в нашей печати[7], эта книга дает полное и подробное представление о жизни наших ближайших собратьев в мире животных.

М. Ф. Нестурх,

профессор Института и Музея антропологии МГУ

Предисловие

Читателю этой книги выпала счастливая возможность познакомиться с одним из тех исследований, которые заставляют человека изменить представление о самом себе.

Среди огромного количества живых существ, населяющих нашу планету, едва ли найдется еще одно, которое было бы столь же сходно с человеком, как шимпанзе. Недавние исследования показали, что сходство это гораздо глубже, чем предполагали раньше. Идет ли речь об иммунных реакциях, форме головного мозга, структуре белков крови или самого генетического материала (ДНК), шимпанзе обнаруживают удивительную близость к человеку, оставляя далеко позади представителей других видов. Эксперименты Иеркса и Кёлера[8] пионеров в области изучения поведения высших

приматов показали, что шимпанзе обладают поразительными поведенческими возможностями. Вот почему ученые всегда стремились узнать, как ведет себя животное в естественных условиях обитания, а не за решеткой вольеры или клетки.

Но шли годы, сменяли друг друга десятилетия, а наши знания о жизни шимпанзе на воле оставались по существу неизменными. Иногда начинало казаться, что тайна шимпанзе так и не будет раскрыта, ведь и эти животные, подобно многим другим уже вымершим видам, постепенно исчезают с лица земли под неумолимым натиском человека.

Проникнуть в тайну жизни диких шимпанзе и в самом деле невероятно сложно, по мнению многих специалистов попросту невозможно. Шимпанзе обитают в густых, труднодоступных лесах, где исследователя подстерегают всякие опасности; обезьяны не позволяют вести за ними наблюдения с близкого расстояния, и это обстоятельство затрудняет работу исследователя, мешает ему составить детальное описание поведения шимпанзе на воле. Наконец, мало кто из ученых мог отважиться на проведение длительного, многолетнего эксперимента. Все это и заставляло приматологов прийти к выводу, что проблема едва ли будет решена.

Но вот в начале 60-х годов из Танганьики стали поступать сведения, что молодая женщина по фамилии Гудолл взялась за это трудное и опасное дело. Первое время шимпанзе убегали, едва завидев ее на расстоянии пятисот метров, и угрожали ей, если она заставляла их врасплох. Непривычный климат, малярия и другие трудности значительно осложняли работу мужественной исследовательницы. Лишь через два года обезьяны стали подпускать ее на близкое расстояние, и лишь через четыре года она смогла вести действительно полные и подробные наблюдения. Уже одно то, что она не отказалась от своих намерений, действительно научный подвиг. В конце концов барьер был сломлен таинственная завеса, долгое время окутывавшая жизнь ближайших родственников человека, начала приподниматься перед взорами исследователей.

Этому эксперименту уже пошел одиннадцатый год. Сейчас у Джейн Гудолл нет недостатка в прекрасных помощниках, которые внимательно следят за всеми аспектами поведения шимпанзе. Исследований подобного рода в истории изучения поведения животных еще не было не только потому, что уникален сам объект исследования, но и потому, что в поле зрения оказываются отдельные животные со всеми их индивидуальными особенностями, и потому, что детальнейшие и всесторонние наблюдения аккуратно записываются и фиксируются, а великолепные фотографии Гуго ван Лавика придают этим записям подлинную достоверность; потому что прослежены изменения жизненного цикла животных на протяжении десяти лет, поведение отдельных обезьян изучается внутри их сообщества, не нарушены естественные условия обитания шимпанзе, а само исследование выполняется с необычайной тщательностью и полнотой.

Вырисовывающаяся картина поражает воображение. Перед нами предстает существо, обладающее незаурядными способностями, живущее в сообществе себе подобных, способное к прочным и длительным привязанностям, располагающее сложной коммуникативной системой арсеналом поз, жестов, гримас и звуков, которые, правда, столь же далеки от человеческого языка, как и привязанности обезьян от человеческой любви и дружбы. Это существо не только эффективно использует орудия, но и изготавливает их; делится со своими собратьями пищей; способно обманывать и запугивать; обладает повышенной возбудимостью и агрессивностью; употребляет предметы в качестве средств нападения. Шимпанзе охотятся и убивают мелких животных представителей других видов, причем нередко эта охота носит организованный

коллективный характер. Наконец, шимпанзе приветствуют и успокаивают друг друга, выражают почтение и агрессивность, удивительно напоминая поведение человека в аналогичных ситуациях.

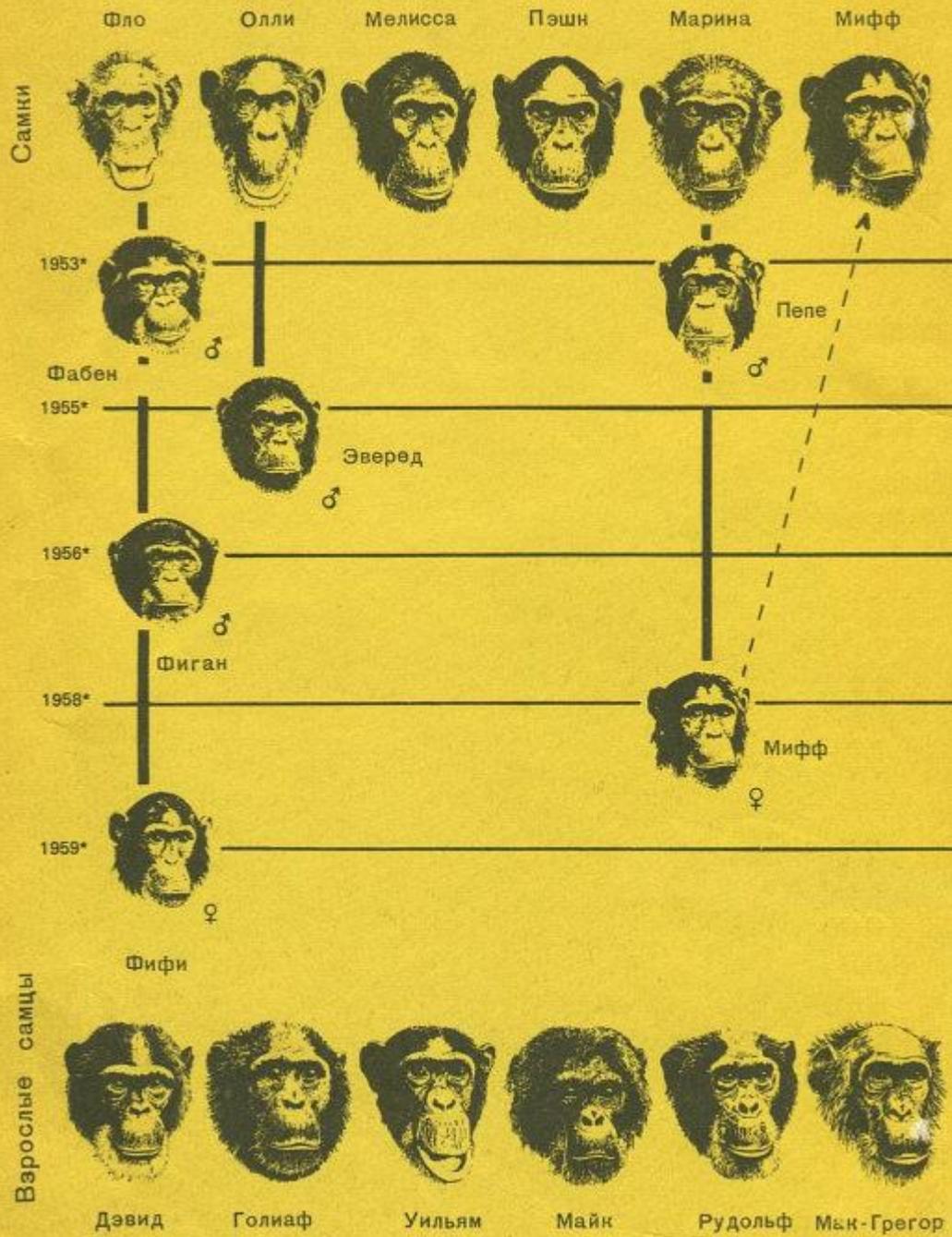
Совершенно очевидно, что для человека изучение шимпанзе представляет огромный интерес. Это исследование в большей степени, чем какое-либо другое, восполняет пробел в знаниях о нашем ближайшем родственнике.

Чтение этой превосходно написанной книги помогло мне по-новому взглянуть на человека: увидеть его тесные связи с другими живыми организмами; понять и оценить их общее наследие в области механизмов поведения и в то же время охватить во всей полноте те решающие отличия, которые и делают его человеком. Эта книга больше, чем любая другая книга нашего времени, заставляет оглянуться на тот долгий и трудный путь, который проделало человечество, прежде чем достигло сегодняшнего уровня, и помогает с должной скромностью, но с высоты нашего современного понимания оценить то место, которое занимает человек в системе живой природы.

Дэвид Гамбург,

профессор медицинского факультета Стэнфордского университета

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

* Приблизительный год рождения

1. Начало

Вэнн, Луису, Гуго в память о Дэвиде Седобородом

И этот день мало чем отличается от предыдущих. С раннего утра я карабкаюсь по крутым склонам, с трудом продираясь сквозь густой кустарник. То и дело приходится останавливаться, прислушиваться к малейшему шороху и внимательнейшим образом осматривать окрестности. Уже пять часов, а мне до сих пор не встретился ни один шимпанзе. Через два часа наступят сумерки, и тогда заповедник Гомбе-Стрим погрузится во тьму. Еще засветло я добираюсь до Вершины своего излюбленного наблюдательного пункта и устраиваюсь здесь в надежде, что мне повезет хотя бы в конце дня и я увижу, как шимпанзе строят свои гнезда.

Мое внимание привлекла группа мартышек, которые резвятся на деревьях у подножия горы. И вдруг крик шимпанзе. Быстро обшариваю биноклем густые кроны деревьев, но звук замирает, прежде чем мне удастся установить, откуда он исходит. Наконец, после нескольких минут тщательных поисков я обнаруживаю четырех шимпанзе. Небольшая потасовка уже кончилась, и они уписывают какие-то желтые плоды, напоминающие сливы.

Расстояние между мной и шимпанзе слишком велико, чтобы уловить все детали их поведения, и я решаюсь подойти поближе. Внимательно осмотрев местность, я вижу недалеко от обезьян группу вполне подходящих для этой цели деревьев: если пробраться незамеченной к тому большому фиговому дереву, обезьяны будут видны гораздо лучше. Для осуществления этого плана мне потребовалось минут десять. И когда я, соблюдая величайшую осторожность, добираюсь наконец до толстого сучковатого ствола, то обнаруживаю, что ветви дерева пусты шимпанзе исчезли. Мной овладевает ставшее уже хорошо знакомым чувство отчаяния: снова в который раз! обезьяны заметили меня и бесшумно скрылись. Но вдруг сердце мое замерло

На расстоянии каких-нибудь двадцати метров на земле сидели два взрослых самца и пристально смотрели на меня. Затаив дыхание, я ждала, что они в панике бросятся в гущу леса так было всегда, когда я неожиданно сталкивалась с шимпанзе нос к носу. Однако на этот раз ничего похожего не произошло. Два крупных шимпанзе продолжали внимательно следить за мной. Очень медленно я опустилась на землю, и они через несколько секунд принялись спокойно обыскивать друг друга. Я отказываюсь верить собственным глазам. Но вдруг на другой стороне поляны я заметила еще две головы сквозь густую траву на меня смотрели самка и детеныш. Они мгновенно скрылись, как только я повернулась в их сторону, но вскоре вновь появились, сначала одна, потом другой, на нижних ветках дерева, которое росло примерно в сорока метрах от меня. Они уселись там и настороженно, почти не шевелясь, разглядывали меня.

Более полугода я старалась преодолеть у шимпанзе присущий им инстинктивный страх перед человеком, который заставлял животных бесследно исчезать при моем появлении. Вначале они убегали, едва завидев меня на другой стороне ложины метрах в пятистах. Но дистанция постепенно сокращалась, и вот теперь два самца сидели так близко от меня, что я отлично слышала их дыхание. Это был, несомненно, один из самых волнующих моментов, который мне когда-либо доводилось переживать. Две царственные особы занимались обыскиванием в моем присутствии значит, они признали меня. Я хорошо знала обоих самцов: один из них, Дэвид Седобородый, всегда боялся меня меньше других, вторым был Голиаф, который получил это прозвище вовсе не из-за гигантских размеров, а из-за своего великолепного телосложения и главенствующего положения среди других самцов. Черная шерсть обезьян красиво лоснилась при мягком вечернем освещении.

Процедура обыскивания продолжалась немногим более десяти минут, а потом Дэвид встал и пристально посмотрел на меня. Как раз в этот момент солнце начало скрываться за горизонтом и отбросило удлиненную тень от меня прямо на Дэвида. Эта минута надолго врезалась в мою память: радость от первого близкого контакта с дикими шимпанзе и капризный случай, заставивший мою тень упасть на Дэвида именно тогда, когда тот, казалось, пытался проникнуть в мои мысли. Впоследствии этот эпизод приобрел почти символический смысл, ибо из всех живых существ ныне только человек с его высокоразвитым мозгом и интеллектом затмевает и превосходит шимпанзе; только человек, обладающий огнестрельным оружием и осваивающий джунгли, может поставить под сомнение само существование шимпанзе в дикой природе и, наконец, лишь человек

может взять шимпанзе под свою защиту[10]. Однако в тот момент я не думала об этом. Я просто любовалась Дэвидом и Голиафом.

Уныние и отчаяние всех предыдущих месяцев не шли ни в какое сравнение с тем ликованием, которое охватило меня, когда группа наконец двинулась в путь; я стала торопливо спускаться вниз к своему палаточному лагерю на берегу озера Танганьика.

Все началось три года назад, с того памятного дня, когда я впервые встретилась в Найроби с доктором Л. С. Лики[11], знаменитым антропологом и палеонтологом. А может быть, все началось гораздо раньше, еще в далеком детстве. Когда мне исполнился год, мама подарила мне игрушечного шимпанзе, большую лохматую обезьяну, которая была выпущена в продажу в честь знаменательного события рождения первого за всю историю Лондонского зоопарка детеныша шимпанзе. Мамины друзья пришли в ужас и наперебой твердили, что от одного вида этого страшного создания у ребенка начнутся кошмары. Однако Джубили (так звали моего шимпанзе и его знаменитого собрата) стал моей любимой игрушкой и неразлучным спутником. Я до сих пор храню эту старую облезлую обезьянку.

Животные начали интересовать меня, едва я научилась ползать. Одно из самых ранних детских воспоминаний связано с тесным душным курятником, куда я забралась, чтобы увидеть как курица несет яйца. Меня нашли только через пять часов. В доме уже поднялся настоящий переполох, а мама даже заявила в полицию об исчезновении ребенка.

Года через четыре, когда мне исполнилось восемь лет, я впервые решила, что как только вырасту, поеду в Африку и буду жить среди диких животных. И хотя, окончив школу в восемнадцать лет, я поступила на курсы секретарей, а потом устроилась на работу, стремление поехать в Африку все еще жило во мне. Вот почему, получив приглашение от школьной подруги погостить на ферме ее родителей в Кении, я в тот же день уволилась со студии документальных фильмов, без сожаления расставшись с завидной должностью, и устроилась на лето официанткой в своем родном городе Борнмуте мне нужно было скопить денег для этой поездки, а сделать сбережения в Лондоне задача не из легких.

Через месяц после приезда в Африку кто-то посоветовал мне повидать доктора Лики: Если вы любите животных, непременно зайдите к нему. В то время я уже присмотрела для себя довольно скучную работу в какой-то конторе, поскольку мне не хотелось злоупотреблять гостеприимством подруги. Я встретилась с Луисом Лики в Найроби в Национальном музее естественной истории (так теперь именуется это учреждение), где в то время он занимал должность куратора музея. Лики, должно быть, почувствовал, что мой интерес к животным не случаен и сразу же предложил мне место помощника секретаря.

Я многому научилась в музее. Все сотрудники были опытными натуралистами, энтузиастами своего дела. Они с радостью поделились со мной частью своих знаний. Но самая большая удача выпала мне, когда Луис Лики и его жена Мэри взяли меня в очередную палеонтологическую экспедицию в Олдувайское ущелье на равнинах Серенгети. Это было до открытия зинджантропа (щелкунчика) и *Homo habilis*[12], до того, как Серенгети стал доступен туристам. Местность была совершенно безлюдной едва ли кто-нибудь мог бы предположить, что через несколько лет здесь пройдут оживленные магистрали с туристскими автобусами, а в воздухе раздастся гул самолетов. Сами раскопки были необычайно интересными. В течение долгих часов я извлекала из глины и камней Олдувайского ущелья остатки существ, которые жили миллионы лет назад. Я

привыкла к этой работе, но иногда меня охватывал благоговейный ужас при виде какой-нибудь кости. Вот эта, эта самая кость, которую я сейчас держу в руке, некогда была частью живого существа, способного двигаться, есть, спать, размножаться. Как оно выглядело? Какого цвета была его шерсть? Какой запах оно издавало?

С особенным удовольствием мне вспоминаются вечера этих экспедиционных месяцев. Работа на раскопках заканчивалась обычно в шесть часов вечера, и я вместе с другой сотрудницей возвращалась в лагерь. Мы шли выше по ущелью, через выжженные солнцем равнины, где еще днем изнывали от жары. Во время сухого сезона Олдувай превращается почти в пустыню, но, проходя через заросли низкого колючего кустарника, мы часто встречали дикдиков, изящных миниатюрных антилоп величиной с зайца. Иногда нам попадались небольшие стада газелей или жирафов, а несколько раз мы видели, как по ущелью уныло брел черный двурогий носорог. Однажды мы лицом к лицу столкнулись с молодым львом; он был всего в каких-нибудь десяти метрах от нас, когда мы услышали глухое рычание, а потом увидели и самого зверя. Мы в это время находились на дне ущелья, где попадаются островки густой растительности, и начали медленно пятиться к одному из них. Лев наблюдал за нашими движениями, судорожно помахивая хвостом. Потом, как я полагаю, из чистого любопытства, он пошел следом за нами; так продолжалось до тех пор, пока мы не начали карабкаться в гору, намеренно выбрав для этого открытый безлесный склон. Лев отстал и исчез в кустах, и мы больше никогда его не встречали.

К концу нашего пребывания в Олдувае Луис Лики начал рассказывать мне о шимпанзе, живущих по берегам озера Танганьика. Шимпанзе обитают только в Африке, занимая значительную область экваториального лесного пояса от океанского побережья на западе до озера Танганьика на востоке. Группа, о которой рассказывал Луис, относится, по определению систематиков, к швейнфуртовской разновидности шимпанзе, *Pan troglodytes schweinfurthii*[13]. Шимпанзе живут в гористой местности и полностью отрезаны от цивилизованного мира. Луис говорил о недюжинном терпении, выносливости и самоотверженности, которыми должен обладать человек, решивший посвятить себя исследованию этой группы животных.

Лишь один ученый, продолжал Луис, сделал серьезную попытку проследить за поведением шимпанзе на воле. Это был профессор Генри Ниссен, который смог провести в джунглях Гвинеи два с половиной месяца. Этот срок был слишком малым, чтобы выполнить по-настоящему серьезное исследование, на которое едва ли хватит и двух лет. Луис еще многое рассказал мне во время этой первой беседы. Он объяснил, почему его особенно интересует поведение группы шимпанзе, живущей по берегам озера: костные остатки доисторического человека чаще всего находят именно на берегах озер, и Луис предполагал, что изучение поведения обезьян поможет понять особенности поведения наших далеких предков.

Я решила, что он шутит, когда после небольшой паузы он предложил мне взяться за эту работу. И хотя это было именно то дело, о котором я мечтала, у меня не было специальной подготовки для того, чтобы вести научное исследование поведения животных, о чем я и сказала Лики. Однако Луис, по-видимому, хорошо представлял, что делает. Он убедил меня, что университетское образование совсем не обязательно, оно может оказаться и в некотором роде неблагоприятным фактором. Он хотел выбрать человека с не предвзятым мнением, не связанного с той или иной теорией, человека, который предпринял бы подобное исследование исключительно ради любви к истине и который к тому же сочувственно относился бы к животным.

Поэтому я с большим восторгом и очень искренне приняла его предложение. Но где достать необходимые средства? Это была нелегкая задача. Луису пришлось доказать необходимость не только самого исследования, но и убедить всех, что он не ошибся в своем выборе, доверяя молодой и неопытной девушке столь сложную и ответственную задачу. Наконец нужная сумма была найдена: Фонд Уилки в Иллинойсе выделил средства, достаточные для приобретения небольшой лодки, палатки, авиабилетов и организации полугодовых полевых исследований. Я всегда буду благодарна Лейтону Уилки, который поверил в меня лишь по заочной рекомендации Луиса.

Тем временем я уже вернулась в Англию и, узнав об этой новости, начала вновь готовиться к поездке в Африку. Местные власти той территории, на которой мне предстояло работать, разрешили приступить к исследованию, но с одним условием: они и слышать не хотели, что английская девушка будет в полном одиночестве жить в джунглях, и требовали, чтобы меня сопровождал кто-нибудь из европейцев. И тогда моя мать, Вэнн Гудолл, которая уже бывала в Африке, вызвалась стать моим спутником в этом рискованном предприятии.

В 1960 году мы приехали в Найроби. Вначале все складывалось как нельзя лучше. Заповедник Гомбе-Стрим (ныне Национальный парк Гомбе)[14], где жили мои шимпанзе, подчинялся Департаменту дичи Танганьики, и глава департамента Уорден без проволочек выдал необходимое разрешение для проведения исследований. Он был весьма любезен и сообщил нам много ценных сведений о климате и географических условиях заповедника: назвал высоту местности над уровнем моря, суточные и сезонные колебания температур, обрисовал характер почвы и ее растительного покрова, а также перечислил основные виды животных, с которыми мы могли встретиться. Наконец пришло известие, что небольшая алюминиевая лодка, которую купил для нас Луис, благополучно прибыла в Кигому. И доктор Бернар Веркур, директор Гербария Восточной Африки, вызвался отвезти меня и маму в Кигому; попутно он хотел собрать образцы местной флоры, так как растительный мир этого района был мало изучен.

Мы уже были готовы к отъезду, и вот тут-то и начались неприятности. Из Кигомы пришло известие о беспорядках среди африканских рыбаков в районе заповедника, наш выезд задерживался на неопределенное время.

К счастью, Луис тут же предложил мне заняться изучением поведения верветок[15] на одном из островов озера Виктория. Целую неделю мы пробирались на моторном катере к необитаемому острову Лолви. Нос лодки лениво разрезал грязную воду. С нами был Хассан, капитан маленького судна, и его помощник африканцы из племени какамега[16]. Хассан, проработавший с Луисом около тридцати лет, был удивительным человеком. Всегда спокойный и выдержанный, он никогда не терял присутствия духа в критических ситуациях, к тому же обладал острым умом и чувством юмора. Все это делало его незаменимым товарищем, и я была счастлива, когда он впоследствии согласился поехать со мной в заповедник шимпанзе.

Мы провели на острове три недели. Жили прямо на катере, стоявшем на якоре в небольшой бухточке. Ночью нас убаюкивал мягкий шорох волн. По утрам еще до восхода солнца Хассан отвозил меня в лодке на берег, и я проводила там целый день, наблюдая за маргитками до наступления темноты. Если светила луна, я задерживалась и дольше, а потом возвращалась к лодке, и Хассан перевозил меня обратно. Наш скудный ужин обычно состоял из тушеных бобов, яиц или консервированных сосисок, но мы с Вэнн вовсе не замечали этого и, быстро поедая его, обменивались новостями.

Пребывание на острове многому научило меня. Я узнала, как нужно вести дневник, какая одежда наиболее пригодна для работы в поле, какие жесты и движения человека пугают обезьян, а какие нет. И хотя поведение шимпанзе во многом отличалось от поведения мартышек, знания, которые я приобрела на острове Лолви, помогли мне начать работу в Гомбе-Стримере.

Меня даже слегка огорчило долгожданное известие из Найроби ведь я должна была расстаться с мартышками как раз тогда, когда я стала различать отдельных членов стада и постигать их поведение. Всегда трудно бросить начатую работу. Но стоило нам приехать в Найроби, и я уже думала только о путешествии в Кигому и предстоящей встрече с шимпанзе. Поскольку почти все было готово еще до нашего отъезда на Лолви, мы с Бернардом Веркуром уже через несколько дней отправились в путь. Нам предстояло проехать более тысячи километров.

Само путешествие было небогато событиями правда, наш лендровер трижды ломался и был так перегружен, что начинал угрожающе дрожать, едва мы прибавляли скорость. И вот после трехдневной дорожной пыли мы наконец очутились в Кигоме. Но тут мы столкнулись с непредвиденными обстоятельствами. Со времени нашего отъезда из Найроби изменилась политическая ситуация в Конго[17], расположенном в сорока километрах западнее Кигомы, на другом берегу озера Танганьика. Мы прибыли в воскресенье и, проехав по главной улице города, затененной манговыми деревьями, убедились, что все официальные учреждения закрыты.

Наконец мы разыскали представителя местной власти, и он, извиняясь, но вполне определенно объяснил, что в настоящее время я не смогу приступить к работе в заповеднике.

Все мы ходили в несколько подавленном настроении. Строго ограниченные средства не позволяли мне и Вэнн останавливаться в отеле, поэтому было решено разбить где-нибудь временный лагерь. Нам посоветовали расположиться на территории сада кигомской тюрьмы, и это оказалось совсем не так уж плохо, как может показаться на первый взгляд. Сад содержался в прекрасном состоянии, и ветви цитрусовых деревьев сгибались под тяжестью ароматных апельсинов и мандаринов. С места нашей стоянки открывался великолепный вид на озеро. Единственное, что омрачало наше существование, это нашествие москитов по вечерам.

За время вынужденного безделья мы как следует изучили Кигому маленький африканский городок, по европейским или американским меркам, пожалуй, даже деревеньку.

Центр активной жизни города сосредоточен на берегу озера возле естественной гавани, где причаливают лодки, курсирующие вдоль озера в Бурунди, Замбию и Малави, а также на противоположный берег в Конго. Рядом с гаванью расположены административные учреждения, полицейский участок, железнодорожная станция и почтовое отделение.

Одна из основных достопримечательностей любого африканского городка это ярко расцвеченный всеми красками рынок, где тщательно подобранные фрукты и овощи разложены для продажи небольшими кучками. Преуспевающие торговцы важно восседали под каменными навесами, а остальные сидели прямо на базарной площади, аккуратно разложив свои товары на мешковине или здесь же на красной пыли. Изобилие бананов, зеленых и оранжевых апельсинов, темно-пурпурных морщинистых плодов

страстоцвета[18] создавало неповторимую цветовую гамму, которую оттеняли стоявшие рядом бутылки и кувшины ярко-красного растительного масла, приготовленного из плодов масличной пальмы.

Кигома гордится своей главной улицей, которая начинается от административного центра и поднимается вверх, проходя по основной части города. С обеих ее сторон посажены высокие тенистые манговые деревья, за которыми тянутся ряды бесчисленных мелких лавчонок, или дукасов, как их называют в Восточной Африке.

Ассортимент товаров повсюду был одним и тем же: груды чайников и посуды, тапочек и рубашек, карманных фонарей и будильников. Во многих магазинчиках продавались большие разноцветные квадратные куски ярко окрашенной материи, известные в Африке под названием кангасы. Африканские женщины покупают непременно пару кангасов: один из них обвертывается вокруг тела на уровне подмышек и свисает до колен, из другого сооружается головной убор. Прямо на улице можно встретить расположившегося со своей швейной машиной портного, а рядом с крошечной обувной лавчонкой в пыли какого-нибудь старого индийца, который так ловко орудует руками и ступнями, поддерживая ими кусок кожи, когда зашивает, приколачивает и склеивает туфли, что невольно залюбуешься этой картиной.

Удалось нам познакомиться и с некоторыми жителями Кигомы в основном государственными служащими и их женами. Все они относились к нам очень дружелюбно и проявляли необычайное гостеприимство. Как-то вечером Вэнн, боясь обидеть отказом кого-нибудь из вновь обретенных друзей, вынуждена была принять сразу две горячие ванны сначала в одном доме, а потом в другом. Бернар, который был уверен, что мы обе слегка чокнутые, стоически возил ее по городу в своем лендровере.

Прошла неделя Я уже почти отказалась от мысли когда-нибудь увидеть шимпанзе и была готова к тому, что нас в любую минуту могут отправить обратно в Найроби. Но в это время в Кигому вернулся Дэвид Энсти, чиновник, ездивший в Гомбе-Стрим, и после длительного совещания мне было разрешено приступить к работе в заповеднике. Путешествие по озеру на катере, который предоставили нам власти для перевозки нашего оборудования, показалось мне дивным сном. Трудно было поверить в реальность происходящего. Но вот гавань Кигомы осталась позади, и катер взял курс на север вдоль восточного побережья озера.

2. Первые шаги

Сухой сезон был в разгаре, и над озером висела легкая голубоватая дымка, которая полностью скрывала из виду противоположный берег, лежащий всего в каких-нибудь сорока километрах. Казалось, мы плывем не по узкому озеру, а по огромному безбрежному морю. Свежий бриз, густая синева воды и легкая зыбь со вспененными белыми гребешками усиливали иллюзию морского путешествия.

Я всматривалась в гористый восточный берег, мимо которого мы проплывали. На всем протяжении от Кигомы до заповедника возвышались крутые скалы, достигавшие семисотпятидесятиметровой высоты. Их пустынные и выветренные склоны лишь изредка оживлялись островками леса, растущего, как правило, по ущельям, вдоль сбегаящих к озеру быстрых горных речушек. Береговую линию перерезали скалистые мысы со скрывавшимися между ними удлинёнными бухточками. Мы шли прямым курсом от мыса к мысу, а справа оставались лодки рыбаков, которые старались держаться ближе к берегу и не выходить за пределы бухточек. Дэвид Энсти, который сопровождал нас, чтобы

познакомить с местными жителями, объяснил, что здесь нередко возникают неожиданные шквалы, вызывающие сильное волнение на озере.

Деревушки рыбаков гнездились по склонам гор или у самого устья рек. Жилища в основном были простыми хижины, сделанные из глины и травы, хотя иногда попадались и более крупные постройки, крытые блестящим рифленым железом.

Когда позади осталось немногим более десяти километров, Дэвид указал на большую скалу она отмечала южную границу заповедника шимпанзе. И почти сразу же ландшафт резко изменился: густо поросшие лесом горы перемежались долинами с буйной тропической растительностью. Хижины рыбаков были разбросаны вдоль песчаных береговых отмелей. Дэвид объяснил нам, что это временные жилища в период сухого сезона африканцам разрешают ловить рыбу на территории заповедника, и они здесь же на берегу сушат свой улов. Недавно разгорелась ссора как раз из-за такого кусочка пляжа, который никак не могли поделить между собой рыбаки двух деревень. С началом дождей рыбаки возвращаются в свои родные места, находящиеся за пределами заповедника.

Я часто стараюсь припомнить, о чем я думала, впервые разглядывая дикую местность, где мне предстояло поселиться. Вэнн позже рассказала мне, что крутизна склонов и непроходимые на вид леса привели ее в ужас. А Дэвид Энсти спустя несколько месяцев признался, что он был твердо уверен в провале моей затеи и собирался недель через шесть встречать меня в Кигоме вместе со всем моим скарбом. Я же не испытывала ни волнения, ни страха, а лишь странное чувство отрешенности. Что может быть общего между мной, обыкновенной девушкой в джинсах, стоящей на борту катера, и той еще не знакомой мне исследовательницей, которая должна посвятить себя изучению диких шимпанзе? И все же перемена во мне произошла быстрее, чем можно было предположить: проснувшись впервые в лагере, я поняла, что прежняя Джейн осталась за пределами заповедника.

После двухчасового плавания наш катер бросил якорь в бухточке деревни Касекела, где жили два егеря, осуществлявшие надзор за всей территорией заповедника. Дэвид Энсти настоял на том, чтобы, по крайней мере на первых порах, мы разбили свой лагерь где-нибудь неподалеку от них.

Мы спускаем на воду свою лодку, и вот уже ее нос врежется в белый песок отмели. Встречать нас собралась целая толпа: оба егеря, несколько африканцев, которым разрешено жить в заповеднике, чтобы егеря не чувствовали себя одинокими, и рыбаки из ближайших хижин. Мы ступаем из лодки прямо в воду, в ласковые, тихо шуршащие волны, и уж потом на берег. Нас приветствует один из егерей и вслед за ним почетный старейшина деревни Касекела Идди Матата. Этот высокий белобородый старик выглядит очень колоритно: в красном тюрбане и красном пиджаке европейского покроя, надетом прямо поверх развевающихся белых одежд, на ногах деревянные башмаки. Идди Матата держится очень торжественно, подчеркивая значительность события, и произносит длинную речь на суахили. В ответ мы дарим ему небольшой подарок, который, по совету Дэвида, захватили из Кигомы специально для него.

Когда с церемониями было покончено, мы с Вэнн вслед за Дэвидом вошли в густые заросли. Узенькая тропка метров через тридцать вывела нас на небольшую лужайку. Здесь мы решили разбить лагерь и с помощью Дэвида и егерей поставили большую палатку. Место для стоянки выбрано превосходное. Масличные пальмы отбрасывают на лужайку густую тень, а за палаткой бежит маленький журчащий ручей. Метрах в пятидесяти отсюда, прямо на берегу озера, мы поставили палатки для повара Доминика, которого наняли еще в Кигоме.

Теперь можно и немного осмотреться. Высокая трава на горных склонах выгорела во время недавнего лесного пожара, и обуглившаяся земля была очень скользкой. Время приближалось к четырем часам, но солнце все еще жгло немилосердно, я взобралась на гору, едва переводя дух и обливаясь потом. Внизу расстилалась величавая гладь озера и просторная долина с пышной растительностью, яркую зелень которой оттеняли почерневшие горные склоны.

Я села на большой плоский, горячий от солнца камень. Скоро мимо меня прошло стадо павианов. Их было около шестидесяти, и они выискивали на почерневшей земле остатки разных насекомых. Увидев меня, некоторые из них забрались на деревья и начали судорожно раскачивать ветви, явно угрожая мне, а два взрослых самца громко и тревожно залаяли. Но в целом мое присутствие не вызвало особого беспокойства в стаде, и вскоре павианы медленно двинулись дальше, занятые своими собственными делами. Через несколько минут я заметила бушбока, изящное животное немногим больше козы с каштановой шерстью и спиралевидными рогами. Он замер, уставившись на меня, потом неожиданно повернулся и ускакал прочь, издавая звуки, похожие на собачий лай. Беленький кончик его хвоста быстро промелькнул среди деревьев.

Прошло не больше часа, и я начала спускаться в лагерь, вся перепачканная с ног до головы черной обгоревшей землей; и тем не менее я была счастлива, так как больше не чувствовала себя чужой в этих местах. На ночь я вытащила свою раскладушку из палатки и, глядя на далекие звезды, заснула под мерный шорох пальмовых листьев.

Утром я хотела тотчас же отправиться на поиски шимпанзе, но оказалось, что прежде всего нужно было встретиться с африканцами. Дэвид Энсти объяснил, что мой приезд очень обеспокоил их: они не могли поверить, что молодая девушка приехала из Англии лишь для того, чтобы взглянуть на обезьян. Прошел слух, что администрация специально подслала меня шпионить за местными жителями. Вот почему Дэвид и решил устроить мою встречу с ними. Африканцы настаивали, чтобы в странствиях по лесу меня обязательно сопровождал сын старейшины крупной рыболовецкой деревни, расположенной к северу от заповедника. Ему вменялось в обязанность следить за тем, чтобы я правильно регистрировала количество встретившихся мне обезьян. Африканцы боялись, что я буду сознательно преувеличивать число шимпанзе, записывая, скажем, десять или двадцать вместо одной увиденной обезьяны. Позже я узнала, что местные жители все еще надеялись отвоевать территорию заповедника и получить еще восемь тысяч гектаров земли в собственное пользование. Естественно, они боялись, что завышенные цифры помешают им осуществить свой проект.

Кроме того, Дэвид считал, что для поддержания престижа необходимо, чтобы меня сопровождал носильщик. Все это очень огорчило меня, так как я прекрасно понимала, что каждый лишний человек будет помехой при установлении контакта с пугливыми обезьянами. Поэтому спать я легла в тот вечер в весьма подавленном настроении.

Однако утром при ярком солнце мои опасения полностью рассеялись. Я договорилась встретиться с сыном вождя в долине, возле северной границы заповедника, так как егерь Адольф сообщил, что накануне видел там шимпанзе. У Дэвида тоже были кое-какие дела в деревне Мвамгонго, поэтому он подвез меня, Адольфа и носильщика Рашида на катере к условленному месту.

Кроме сына вождя, нас ждали еще пять или шесть африканцев. Я снова пришла в ужас а что если все они захотят отправиться со мной? Но и на этот раз волнения оказались явно преждевременными. В ответ на вопрос молодого человека о моих намерениях я

неопределенно махнула рукой в сторону крутого лесистого склона. Сын вождя был явно озадачен и стал тихо беседовать со своими спутниками на киха, языке племени ха[19]. Через несколько минут он подошел ко мне и извинился, что не сможет сопровождать меня, сославшись на свое нездоровье. Очевидно, он предполагал, что я буду разъезжать на лодке вдоль озера и подсчитывать тех обезьян, которых увижу в бинокль. Мысль о крутых склонах пришла ему явно не по душе, по крайней мере с тех пор я больше никогда не встречалась с ним.

Мы уже собрались уходить, но тут подбежали два рыбака и предложили нам последовать за ними. Они привели нас к дереву, растущему возле одной из хижин. Кора на этом дереве была разодрана в десятках мест. По словам туземцев, прошлой ночью одинокий буйвол гнался за рыбаком, и когда тот, спасаясь от преследования, залез на дерево, буйвол в бешенстве кидался на дерево, словно стремясь пронзить ствол рогами. Я так и не поняла, хотели ли рыбаки просто сообщить егерю о случившемся или они старались запугать меня, но вид израненного дерева действительно произвел впечатление и довольно долго преследовал меня во время странствий по джунглям.

Наконец мы тронулись в путь и скоро вошли в настоящие лесные дебри. Я впервые оказалась в африканских джунглях, о которых столько мечтала. В лесу царил полумрак: густые кроны деревьев на высоте тридцати метров над землей сливались в сплошной полог и почти не пропускали солнечного света. Идти было сравнительно легко: мелкие деревья и кустарники не росли здесь из-за недостатка солнца. Стволы исполинских деревьев были обвиты лианами; то здесь, то там виднелись красные и белые цветки, особенно заметные на фоне темной зелени. Мы шли вдоль быстро бегущего мелкого ручья, иногда переходя его вброд, если на другой стороне тропа была лучше. Несколько раз прямо над головой пролетел зимородок и какая-то еще, не известная мне птица, где-то наверху на фоне голубого неба промелькнули ярко-красные хвосты мартышек[20].

Минут через двадцать Адольф свернул в сторону и повел нас по направлению к горному склону. Деревья здесь были не очень высокие, подлесок гораздо гуще, а стелющиеся лианы так цепко обвивали кустарник, что создавали непроходимую изгородь, под

которой нам то и дело приходилось проползать. Наконец Адольф остановился возле гигантского дерева, сплошь усыпанного мелкими оранжевыми и красными плодами. Это была мсулула, на которой, по-видимому, вчера кормились шимпанзе, так как земля под деревом была усеяна сломанными веточками и наполовину съеденными плодами. Мне совсем не хотелось оставлять следы под деревом, чтобы не встревожить шимпанзе, и я быстро шепнула моим проводникам, что нам надо отойти подальше, лучше всего на противоположный склон.

Минут через десять мы уже сидели на небольшой лужайке, расположенной на другой стороне лощины, как раз напротив дерева мсулулы. Это было единственное открытое место, с которого можно было вести наблюдение, и я поразились, как смог Рашид издали разглядеть его. На лужайке царили тишина и покой, несмотря на обилие всевозможных звуков: где-то вдалеке шумел горный поток, в траве стрекотали цикады, из леса доносилось пение птиц и отрывистый лай павианов.

И вдруг внизу, в долине, раздались призывные крики шимпанзе. Конечно, я не слышала их в зоопарке, но здесь, в сердце африканского леса, эти звуки воспринимались совершенно иначе. Сначала один из самцов издал несколько низких резонирующих уханий громких ухающих звуков, в промежутках между которыми было отчетливо

слышно, как животное с шумом набирает в грудь воздух[21]. Крики становились все громче и громче и в конце концов перешли в пронзительный вопль. К первому шимпанзе присоединился второй, потом третий. Какофония ухающих воплей заполнила всю долину, но вот раздалась другие звуки странные и гулкие, они эхом отдавались в узком ущелье, и скоро стало казаться, что мы сидим внутри гудящего барабана. Я не сразу поняла, что слышу те самые звуки, которые описал Ниссен, наблюдая, как шимпанзе барабанят по стволам деревьев.

Группа находилась возле дерева мсулулы, и я с нетерпением вглядывалась в противоположный склон, следя за малейшим движением ветвей. Тем не менее не я, а Рашид первым заметил, как один из шимпанзе вскарабкался на гигантское дерево. За ним последовали другие, и вскоре около шестнадцати обезьян, среди которых была и самка с детенышем, уже кормились плодами мсулулы.

Группа провела на дереве около двух часов. Я была явно разочарована, так как за это время не смогла почти ничего увидеть: лишь иногда среди густой листвы мелькала обезьянья рука и срывала плод. Потом в полнейшей тишине шимпанзе один за другим слезли с дерева и скрылись в лесу. Это меня поразило шестнадцать шимпанзе, кормящихся на дереве, и ни одного звука на протяжении двух часов, за исключением громкого концерта, возвестившего об их прибытии!

После того как последний шимпанзе скрылся в лесу, я продолжала осматривать противоположный склон в бинокль, в надежде еще раз увидеть группу. И тут мои проводники заявили, что пора уходить, так как подошло время обеда. Все уговоры были тщетными. Мы вернулись обратно, но про себя я решила, что в будущем все пойдет по-другому.

Мсулула продолжала плодоносить около десяти дней, и на протяжении всего этого времени я вела постоянные наблюдения за обезьянами. Рашид и Адольф по очереди сопровождали меня, а чтобы не отлучаться на обед, они носили еду с собой. Раза три мы оставались ночевать на своем наблюдательном пункте возле небольшого костра.

За эти десять дней я увидела и узнала много нового. Иногда шимпанзе приходили кормиться большой группой, иногда вдвоем или втроем. Дважды я видела самца, который в полном одиночестве забирался на дерево и проводил там около часа. Очевидно, группы не были постоянны по составу: например, четырнадцать шимпанзе, пришедших вместе, могли уйти, тихо разделившись на две группы, притом не сразу, а с получасовым интервалом и в разных направлениях. И наоборот, встреча на дереве двух небольших обезьяньих групп, как правило, проходила очень шумно. Зато потом животные успокаивались, мирно кормились друг подле друга, вместе спускались на землю и вместе уходили. Одни группы состояли только из взрослых самцов, другие из самок и детенышей, в составе третьих были и самцы, и самки, и детеныши.

Однако подобный способ наблюдений не совсем устраивал меня густая листва мсулулы скрывала животных, и я не могла разглядеть детали поведения, уяснить для себя характер взаимоотношений между отдельными членами группы. Дважды я попыталась следить за ними с более близкого расстояния и оба раза неудачно: в первый раз шимпанзе заметили меня на пути к дереву и тут же скрылись, а во второй раз, хотя мне и удалось подойти поближе, я смогла увидеть лишь то, как они взобрались по гладкому стволу и через час спустились обратно.

И все же мне необычайно повезло: благодаря плодоносящей мсулуле я узнала за эти первые десять дней больше, чем за последующие несколько недель. Несмотря на все наши старания, мы никак не могли найти еще одного крупного плодоносящего дерева или группы деревьев, хотя и обошли более десяти долин в заповеднике.

Из-за густого подлеска ориентироваться было трудно, шум горного потока оглушал нас и не позволял прислушиваться к звукам, которые помогли бы определить местонахождение обезьян. Правда, он заглушал и наши шаги. Иногда мы случайно сталкивались с шимпанзе, но они тут же исчезали. Можно себе представить, сколько раз обезьяны наблюдали за нашими передвижениями, хотя мы и не подозревали об их присутствии, и бесшумно скрывались, стоило нам подойти ближе.

Мы решили попытаться счастья на горных склонах, но и это мало что дало: шимпанзе опять убегали, едва завидев людей, даже если нас разделяло глубокое ущелье или значительное расстояние, иногда до пятисот метров. Нужно ли говорить, что я по-прежнему не знала никаких подробностей их поведения. Временами мне казалось, что стоит избавиться от моих спутников и начать самостоятельно передвигаться по лесу, как все пойдет по-другому. Поэтому я стала оставлять проводников на вершине холма, откуда они могли наблюдать за мной, и попробовала сама подходить к шимпанзе. Но их реакция не изменилась: они тут же исчезали, едва лишь я появлялась. И это еще было не самым худшим: выпадали такие дни, когда мы вообще не встречали обезьян. Чем больше я думала о тех обязательствах, которые взяла на себя, тем мрачнее становилось у меня на душе. И все-таки даже эти трудные дни сослужили свою службу: я как следует изучила территорию заповедника и полностью освоилась в нем, стала гораздо увереннее ходить по предательски скользким склонам. Моя кожа огрубела и обветрилась и уже не распухала от каждой царапины или укуса мухи цеце. Постепенно мне удалось узнать многие звериные тропы в тех пяти долинах, которые стали основным местом моей деятельности.

Не раз встречалась я с животными, обитавшими в горах; среди них были большие кистеухие свиньи с серебристой шерстью на загривке; полосатые мангусты, копошащиеся в листве в поисках насекомых; белки, а также полосатые и пятнистые слоновьи землеройки. Постепенно я познакомилась и с различными видами обезьян, которые обитали на территории заповедника. Чаще всего мне встречались павианы: иногда они весьма терпимо относились к присутствию людей, как в то первое мое утро, а иногда начинали угрожающе лаять и лаяли до тех пор, пока не скрывались из виду. В каждой из долин я насчитала по две или три небольшие группы краснохвостых мартышек. Попадались и голубые мартышки[22]. Стада гверец[23] были гораздо многочисленнее и насчитывали до шестидесяти и более особей, причем их ареал не ограничивался одной долиной. Несколько раз нам попадалась одинокая серебристая обезьяна, ее темное лицо обрамляла белая шерсть[24]. Водились здесь также и верветки, напоминавшие мне о днях, проведенных на острове Лолви.

Больше всего мне нравилось наблюдать за гверцами. Это довольно крупные обезьяны, и иногда я ошибалась, принимая взрослых самцов за шимпанзе. Спутать их было нетрудно при слабом освещении: темно-коричневая шерсть гверца казалась почти черной, к тому же они восседали на деревьях в позе, характерной для высших обезьян, с выпрямленной спиной, придерживаясь рукой за верхнюю ветку. Но стоило подойти поближе, как всякие сомнения тут же рассеивались. Свисающие с веток длинные и толстые хвосты явственно свидетельствовали, что их владельцы не шимпанзе[25]. Гверцы смотрели на меня сквозь листву, выражением лиц напоминая удивленных старых дев в рыжих уродливых париках.

Мое первоначальное неудовольствие, связанное с тем, что мне не разрешалось ходить по джунглям в одиночестве, сменилось чувством искренней благодарности моим проводникам. За время наших совместных странствий по джунглям они показали себя незаменимыми помощниками, и я была искренне благодарна им. Особенно многому научил меня Рашид: он объяснял мне законы леса, учил прокладывать путь в непроходимой на первый взгляд чаще. Однако вскоре мне пришлось подыскивать себе нового провожатого вместо возвращавшегося в деревню Рашида. Егерь Адольф тоже решил уйти, так как не мог подолгу оставаться в джунглях без пищи. Некоторое время со мной ходил Соко из Ньянзы; его имя всегда вызывало у африканцев приступ смеха, так как означало на местном диалекте шимпанзе. Его сменил высокий и стройный Уилберт, манеры которого были достойны восхищения даже тогда, когда он почесывал живот. Последним был Шорт[26], получивший свое прозвище за очень невысокий рост.

Эти крепкие выносливые люди, всю жизнь проработавшие в джунглях, стали моими друзьями. Я искренне привязалась к ним и многому у них научилась.

3. Первые успехи

Месяца через три после нашего приезда мы с Вэнн одновременно заболели. Вне всякого сомнения, это была одна из разновидностей малярии. Поскольку врач в Кигоме заверил нас, что в районе заповедника никогда не регистрировалось это заболевание, мы не взяли с собой никаких лекарств. Теперь, лежа в раскаленной от солнца палатке и задыхаясь от жары, мы ругали его и проклинали себя за свою наивность. Но делать было нечего, оставалось лишь лежать в постели. Болезнь продолжалась около двух недель. Вэнн болела особенно тяжело: температура у нее в течение пяти дней упорно держалась на 39,4С и лишь чуть-чуть понижалась по ночам. Потом мы сами удивлялись, как она вообще осталась жива. У меня температура была немного ниже, но чувствовала я себя отвратительно. К тому же в течение всей болезни нас преследовал ужасающий запах тухлой капусты это цвело какое-то дерево, названия которого я не могу припомнить, так как для нас оно навсегда осталось малярийным деревом.

Своим выздоровлением мы были в значительной мере обязаны нашему повару Доминику. Вначале он умолял нас поехать в Кигому, но мы наотрез отказались, мотивируя это тем, что не выдержим трехчасового путешествия по озеру. И тогда Доминик взял на себя обязанности врача и сиделки. Он не отходил от нас ни на шаг и был настолько заботлив, что даже ночью по нескольку раз навещался в палатку, проверяя, все ли в порядке с его мемсахиб. Как-то раз Вэнн в беспамятстве встала с постели и вышла из палатки. Доминик нашел ее под деревом часа в три ночи и помог добраться до кровати.

Как только мне стало немного легче, я вновь принялась за работу. Прошло почти три месяца половина срока! а мне еще ничего не удалось сделать. Настроение было ужасное. Деньги таяли на глазах и все безрезультатно. Самочувствие у меня было довольно скверное, но, не желая давать себе никакой поблажки, я встала однажды раньше обычного и ушла из лагеря без провожатых. Не хотелось, чтобы кто-нибудь был свидетелем моей слабости. К тому же прохладным утром было и легче идти. Я решила подняться на гору, возвышающуюся прямо над лагерем, ту самую, на которую взбиралась в день приезда. Минут через десять сердце мое начало бешено колотиться, словно собралось выпрыгнуть из груди. Пришлось остановиться и перевести дыхание. В конце концов я все же добралась до самой вершины горы, которая поднималась над озером примерно на триста метров. Отсюда открывался превосходный вид на нашу долину, и я решила немного посидеть там и осмотреть окрестности в бинокль, надеясь увидеть шимпанзе.

Прошло около пятнадцати минут И вдруг я уловила какое-то движение на голом обожженном склоне чуть выше узкого ущелья. Присмотревшись внимательнее, я увидела трех шимпанзе, которые тоже глядели на меня. Они не убежали, хотя расстояние между нами не превышало восьмидесяти метров, а совершенно спокойно продолжали свой путь и вскоре скрылись в густых кустах. Может быть, мне в самом деле следовало все время ходить одной? Ведь даже тогда, когда я, отделившись от своих провожатых, пыталась приблизиться к обезьянам, шимпанзе наверняка знали, где находятся в это время мои спутники.

Я осталась на своей Вершине, и мне удалось в то утро увидеть шимпанзе еще несколько раз. Через некоторое время группа обезьян, крича, лая и ухая, спустилась с противоположного склона и начала кормиться на фиговых деревьях, которые росли внизу в долине. Не прошло и двадцати минут, как еще одна группа пересекла обнаженный склон в том месте, где я прежде видела трех обезьян.

Шимпанзе заметили меня, так как на каменистой безлесной вершине спрятаться было трудно. Они даже остановились и, поглядев на меня, слегка ускорили шаг, но все-таки не убежали в панике, как бывало раньше. Вскоре и эта группа, громко крича и раскачивая ветки, присоединилась к тем шимпанзе, которые уже кормились на деревьях. В течение некоторого времени все они мирно поедали фиги, а потом спустились на землю и двинулись дальше в составе одной большой группы. Мне было видно, как они шли друг за другом. Два детеныша, словно жокеи, сидели на спинах матерей. У ручья все остановились, чтобы попить, а потом, перепрыгнув через него, пошли дальше.

Это был самый удачный день со времени моего приезда в Гомбе-Стрим. Я вернулась в лагерь поздно вечером, страшно измученная и взволнованная. Вэнн, которая все еще лежала в постели, была очень обрадована моими успехами.

С этого дня дела пошли на лад. Фиговые деревья во множестве росли по всей долине вдоль ручьев и речек. Урожай в тот год был отменный, и в течение следующих двух месяцев шимпанзе ежедневно приходили кормиться фигами. Я же регулярно взбиралась на Вершину, чтобы вести наблюдение за обезьянами. Они путешествовали в одиночку, парами либо собирались в небольшие группы, но иногда эти группы разрастались и становились довольно многочисленными. Обычно шимпанзе проходили мимо, спускаясь по открытому склону, или выбирали одну из тропинок, пересекавших травянистый гребень подо мной. Постепенно они привыкли к моему присутствию я всегда была одинаково одета и не пыталась преследовать или пугать их.

Выбор постоянного места наблюдений имел и еще одно преимущество моим провожатым уже не нужно было ходить по лесу, так как они всегда точно знали, где я. Когда Шорт решил уволиться, я не стала искать ему замену. Теперь я проводила целые дни в полном одиночестве, и лишь по вечерам Адольф или другой егерь поднимался на Вершину, чтобы проведать меня и узнать, все ли в порядке.

Моя Вершина, как мне казалось, была самым лучшим в заповеднике местом для наблюдения за обезьянами. Отсюда открывался великолепный вид во всех направлениях: я могла наблюдать за тем, что происходит в нашей долине, а пройдя несколько метров к северу, видела и долину нижней Касекелы, поросшую густым лесом. Долина верхней Касекелы была покрыта редким лесом. Там несколько раз я встречала небольшое стадо буйволов, голов шестнадцать. К северу от Леса буйволов начиналось узкое, отвесное ущелье Млинды.

Я принесла на Вершину небольшой походный сундучок, в котором лежал чайник, немного кофе, несколько банок тушеных бобов, свитер и одеяло. Воду я брала в крошечном ручейке, бегущем через Лес буйволов. Правда, в сухой сезон он почти полностью пересыхал, но все же мне всегда удавалось зачерпнуть немного чистой прозрачной воды для этого пришлось вырыть в песчаное дно ручейка большую плоскую посудину. Если шимпанзе оставались ночевать где-нибудь неподалеку от Вершины, я тоже не возвращалась в лагерь, чтобы сэкономить время и не карабкаться утром в гору. Кто-нибудь из егерей, приходивший навещать меня вечером, обычно сообщал маме о моих намерениях.

Прошло около месяца. За это время я уже узнала о некоторых привычках шимпанзе: как правило, наевшись до отвала фигами, они переходили в долину Млинды, где в изобилии росли небольшие пурпурные плоды, напоминающие по вкусу дикие яблоки и терн. Вообще шимпанзе отдают предпочтение горьковатой и вяжущей пище.

Постепенно начала вырисовываться более или менее ясная картина жизни шимпанзе. То первое впечатление, которое возникло возле дерева мсулулы, оказалось верным: в пределах сообщества постоянно образовывались и менялись связи между индивидуумами. Чаще всего мне попадались небольшие группы от четырех до восьми особей. Нередко обезьяны путешествуют в одиночку или парами, а потом присоединяются к какой-нибудь группе. Иногда две или три небольшие группы объединяются вместе, образуя более многочисленную группу.

Когда группа обезьян спускалась по заросшему травой склону в нашу долину, где растут фиговые деревья, один, а то и несколько самцов начинали бежать, иногда выпрямившись, волоча за собой упавшие ветки и сильно топая по земле ногами. Эти движения обычно сопровождалось громким уханьем, после чего самец быстро влезал на дерево, осматривал долину и, прислушиваясь, ждал. Если в долине были другие группы шимпанзе, они отвечали такими же пронзительными воплями. Тогда вновь прибывшие быстро спускались с крутого склона к фиговым деревьям, где и происходила шумная встреча двух групп. Все протекало гораздо спокойнее, если к пирующим присоединялись самки с детенышами: новички без излишнего шума взбирались на деревья и лакомились фигами.

Хотя рассмотреть какие-то детали поведения обезьян было очень трудно мешала листва, мне все же удалось подглядеть любопытные сценки. Как-то одна самка, только что присоединившаяся к группе, быстро подошла к крупному самцу и протянула ему руку. Он удостоил ее ответным прикосновением и даже притронулся губами к ее руке. В другой раз я видела, как обнялись, приветствуя друг друга, два взрослых самца; как резвились подростки на вершинах деревьев, гоняясь друг за другом, будто они играли в салки, а потом прыгали по очереди с ветки на пружинящий нижний сук.

Малыши любят висеть и раскачиваться на ветках. Вот два из них ухватились за разные концы прутика и тянут каждый в свою сторону. В жаркий полдень или после сытной еды взрослые животные занимаются обыскиванием, тщательно осматривая шерсть друг у друга.

В это время года шимпанзе поздно устраивались на ночлег, и из-за темноты я почти ничего не могла разглядеть даже в бинокль. Но иногда они начинали строить гнезда еще засветло. Оказалось, что, за исключением малышей, всегда спавших вместе с матерью, каждое животное строило для себя отдельное гнездо и только на одну ночь. Обычно вся процедура занимает около трех минут: для этого нужно выбрать более или менее прочную

основу, например развилку ветвей или две горизонтальные ветви, положить в основание гнезда ветки помельче, укладывая каждую на определенное место и придерживая ее ногой, потом согнуть растущие вокруг небольшие зеленые веточки и гнездо готово. Но прежде чем окончательно улечься на ночь, животное обычно несколько раз садится в гнезде, срывает охапки зеленых веток и подкладывает их себе под голову и бока. Раз одна молодая самка набросала целую гору зелени и лишь после этого улеглась спать.

Как правило, гнезда расположены высоко над землей, но мне все же удалось, хотя и с большим трудом, забраться в некоторые из них и получше рассмотреть их устройство. Переплетение ветвей было довольно сложным, а само гнездо содержалось в идеальной чистоте даже среди ночи обезьяны мочились и испражнялись только через край гнезда.

За этот месяц я хорошо изучила местность и без особого труда могла ориентироваться в трех соседних долинах. Этому немало способствовали те вылазки, которые я предпринимала в поисках гнезд шимпанзе и для сбора растений, служащих им пищей. (Бернар Веркур обещал впоследствии определить их.) Теперь я прокладывала путь среди крутых склонов и узких ущелий так же безошибочно, как шофер такси отыскивает нужный дом в центре или пригородах Лондона. Этот период я всегда вспоминаю с большой радостью не только оттого, что наконец-то были достигнуты какие-то, пусть предварительные, результаты, но и оттого, что я была в лесу одна и наслаждалась этим одиночеством. Те, кто любит побыть наедине с природой, думаю, поймут меня без дальнейших объяснений. Тем же, кому незнакомо это чувство, едва ли можно объяснить словами тот почти мистический восторг, который охватывает человека при соприкосновении с красотой и величием природы. Память обычно хранит эти драгоценные минуты, хотя они как будто ничем не отличаются от других мгновений: вот я смотрю на бледный румянец занимающейся зари, а вот, запрокинув голову, гляжу сквозь листву гигантского дерева в бездонно-голубое небо. Уже стемнело, а я все еще стою возле нагретого за день ствола дерева и не могу оторвать глаз от сверкающего отблеска луны на величавой глади озера.

Однажды я на минутку остановилась возле небольшого ручейка, чтобы отдохнуть в тени и перевести дух перед тем, как начать карабкаться по крутому склону. Вдруг я заметила самку бушбока, медленно бредущую вдоль ручья. Время от времени она останавливалась, срывала какие-то растения и с хрустом жевала их. Я сидела не шевелясь, и она заметила меня только тогда, когда нас разделяло не больше десяти метров, и замерла, грациозно приподняв маленькую переднюю ножку. Я по-прежнему не двигалась, и антилопа не могла определить, что я такое, но моя фигура казалась ей странной. Я видела, как дрогнули ее ноздри, однако и обоняние не помогло ей ответить на этот вопрос я сидела против ветра. Тогда шаг за шагом, расширив ноздри, она стала подходить ко мне все ближе и ближе, в любую минуту готовая сорваться с места и убежать прочь. И вот она уже ткнулась носом прямо в мое колено. Мне до сих пор трудно поверить, что это было на самом деле, но стоит на минутку закрыть глаза, и я снова чувствую ее теплое дыхание и шелковистое прикосновение ее кожи. Я непроизвольно моргнула и она тут же умчалась, оглашая окрестности громким тревожным криком.

С леопардом все было по-другому: я сидела на Вершине и вдруг увидела, как большая грациозная кошка, помахивая хвостом и не подозревая о моем присутствии, идет прямо на меня. Со дня приезда в Африку я почему-то панически боялась леопардов и иногда силой заставляла себя идти вперед, несмотря на доносившийся до меня резкий запах дикой кошки. Я твердила себе, что это глупости и мне нечего бояться, что только раненый леопард нападает на человека.

И вот теперь леопард поднимался на холм тот самый холм, на вершине которого я сидела. Вскрабкаться на дерево? Но леопард лазит по деревьям не хуже меня. Мне уже явственно слышался приглушенный топот ног леопарда. Потом все стихло. Я попробовала было продолжить наблюдения, убедив себя, что опасность миновала. Но меня не оставляло чувство, будто кто-то следит за мной. Это было выше моих сил, и вопреки рассудку я решила оставить свой наблюдательный пункт и отправиться в долину Млинды. Вернувшись обратно спустя несколько часов, я обнаружила на камне, где обычно сидела, аккуратную кучку кошачьего помета. Наверное, леопард после моего ухода внимательно обследовал место, где восседало такое устрашающее создание, как я, и решил истребить чуждый запах с помощью своего собственного.

Нередко, странствуя по джунглям и натываясь на обезьян, я замечала, что некоторые из них довольно спокойно относятся к моему присутствию при условии, если мы находились в достаточно густом лесу, а я не пыталась подойти ближе, чем на шестьдесят-восемьдесят метров. Шло время, и шимпанзе все больше и больше привыкали ко мне. Поэтому теперь я могла, заметив группу обезьян, начавшую кормиться, спуститься со своей Вершины и подойти к ним поближе. Это позволило мне провести более детальные наблюдения.

Именно в это время я начала узнавать отдельных животных и давать им клички. Некоторые ученые убеждены в том, что животных следует различать не по именам это-де антропоморфизм, а по номерам. Мне же всегда казалось, что только имя поможет запомнить и охарактеризовать отличительные особенности каждой обезьяны, к тому же держать в голове несколько десятков номеров было гораздо труднее. Большинство кличек было дано потому, что они связывались в моем представлении с определенными животными. Несколько обезьян получили имена моих знакомых, напомнив мне их выражением лица или манерами.

Легче всего было узнать старого Мистера Мак-Грегора. Это был пожилой самец в возрасте между тридцатью и сорока годами (рекорд продолжительности жизни для шимпанзе в неволе составляет сорок семь лет), с лысыми теменем, шей и плечами; лишь небольшой венец волос вокруг головы напоминал монашескую тонзуру. В первые месяцы нашего знакомства Мистер Мак-Грегор частенько угрожал мне, в особенности если мы сталкивались с ним на близком расстоянии: резко запрокидывал назад голову и начинал раскачивать ветки. Почему-то он напоминал мне старого садовника из книжки Беатрис Поттер Сказка кролика Питера.

Старую Фло тоже было трудно с кем-нибудь спутать: она была на редкость уродлива нос луковицей, отвисшая нижняя губа, разодранные уши. Ее всегда сопровождали два младших отпрыска: двухлетняя Фифи, которая передвигалась преимущественно на спине матери, и Фиган. Ему было, наверное, лет шесть, и до наступления половой зрелости оставалось что-нибудь около года. Фло часто путешествовала вместе с другой старой самкой Олли, удлиненное лицо которой тоже относилось к числу легко запоминающихся. Мягким пушком волос на затылке она напоминала мою тетюшку Олуэн. У Олли, как и у Фло, было двое детей, которые всегда ходили за ней: дочка чуть поменьше Фифи и подросток сын, примерно на год старше Фигана.

Уильям, как мне казалось, был родным братом Олли. Особой привязанности между ними я никогда не замечала, но их лица были удивительно схожи. У обоих была длинная свисающая верхняя губа, которая тряслась при резком повороте головы. Губу Уильяма пересекали несколько тонких глубоких рубцов, которые начинались у основания носа.

Дэвида Седобородого и Голиафа я уже хорошо знала к тому времени. Они ассоциировались у меня с библейскими героями, потому что чаще всего я их видела вместе. Голиаф и в дни своего расцвета не был гигантом, но обладал превосходным телосложением и пружинистыми движениями атлета. Весил он, вероятно, около сорока пяти килограммов.

Первым из всех шимпанзе признал меня Дэвид Седобородый. Я всегда радовалась, если мне удавалось увидеть среди обезьян его красивое лицо и серебристую бороду: присутствие Дэвида и его безбоязненное отношение ко мне успокаивающе действовали на остальных, и тогда я могла подойти к животным ближе, чем обычно.

Уже в самом конце испытательного срока я сделала два по-настоящему интересных открытия, благодаря которым все предыдущие месяцы неудач и разочарований приобрели определенный смысл. И этим опять-таки я в первую очередь была обязана Дэвиду.

Однажды, наблюдая с Вершины за небольшой группой шимпанзе, расположившихся на верхних ветвях толстого дерева, я увидела, что один из них держит в руке что-то розовое и время от времени отрывает от него зубами куски. Рядом сидела самка с детенышем и просительно протягивала руку ко рту самца. Наконец она схватила небольшой розовый кусочек и положила его в рот тогда-то мне стало ясно, что шимпанзе едят мясо.

Откусив кусок, самец срывал губами немного листьев и жевал их вместе с мясом. Тщательно пережевывая эту смесь, он иногда выплевывал ее остатки в протянутую ладонь самки. Внезапно он уронил кусочек мяса, и тут же детеныш молниеносно ринулся вниз. Но ему так и не удалось полакомиться мясом едва он спустился на землю, как из кустов выскочила кистеухая свинья и кинулась на него. Громко вскрикнув, детеныш бросился обратно на дерево. Свинья же с хрюканьем продолжала носиться по земле взад и вперед. Скоро я разглядела в бинокль очертания трех маленьких полосатых поросят. Очевидно, шимпанзе поедали четвертого поросенка. Самцом был Дэвид Седобородый. Подойдя ближе, я убедилась, что он действительно ел поросенка.

В течение трех часов я наблюдала за обезьянами. Иногда Дэвид разрешал самке откусить немного мяса, а как-то раз он сам отделил небольшой кусочек и положил ей в руку. Наконец он спустился вниз, волоча за собой добычу, на которой еще оставалось мясо. Самка и детеныш последовали за ним.

Хотя я и не могла с полной уверенностью сказать, что Дэвид поймал поросенка самостоятельно, но сам факт поедания мяса обезьянами имел огромное значение. Прежде ученые считали, что шимпанзе питаются преимущественно растительной пищей и лишь иногда разнообразят меню некоторыми насекомыми и мелкими грызунами. Никто и не подозревал, что они могут охотиться на более крупных млекопитающих.

Недели через две после этого произошло еще одно, не менее важное событие. Стоял октябрь, и уже начали выпадать небольшие дожди. На почерневших склонах кое-где стала пробиваться нежная изумрудная травка, а в некоторых местах земля была покрыта настоящим ковром из ярких цветов. Обезьянья весна так я назвала это время года. Утро того памятного дня не предвещало ничего хорошего. Я уже обошла все три долины, не обнаружив никаких следов шимпанзе. С трудом преодолев крутые склоны ущелья Млинды, я взобралась на Вершину, смертельно уставшая и взмокшая от пота. Вдруг я уловила легкое движение в высокой траве на расстоянии примерно шестидесяти метров.

Быстро наведя бинокль, я увидела одинокого самца шимпанзе, который как раз в этот момент посмотрел в мою сторону. Это был Дэвид Седобородый.

Очень осторожно я прошла немного вперед, чтобы разглядеть, что он делает. Сидя на корточках возле холма из красной глины, представляющего собой гнездо термитов, он осторожно просовывал длинный стебелек травы в одно из отверстий термитника. Потом он вытащил травинку и что-то обобрал с нее губами. Я не могла больше ничего разглядеть, но тем не менее было очевидно, что Дэвид использовал стебелек травы в качестве орудия.

Прежде некоторым наблюдателям в Западной Африке доводилось видеть два случая употребления предметов в качестве орудий: во-первых, шимпанзе камнем раскалывают пальмовые орехи и, во-вторых, засовывают палки в гнезда земляных пчел, а потом слизывают с них мед. Тем не менее я никогда не думала, что смогу увидеть нечто подобное своими собственными глазами.

Дэвид провел возле термитника около часа, а потом медленно побрел прочь. Едва он исчез из виду, я кинулась к термитнику. Кругом валялись раздавленные насекомые, а множество рабочих термитов деловито восстанавливали произведенные Дэвидом разрушения. Я подняла с земли одно из брошенных орудий и, следуя примеру Дэвида, засунула его в отверстие, а когда вытащила стебелек обратно, на нем, крепко вцепившись челюстями, висели рабочие термиты и несколько красноголовых солдат. Не разжимая челюстей, термиты смешно болтались в воздухе под прямым углом к травинке.

Перед уходом я немного примяла высокую сухую траву и соорудила довольно примитивное укрытие, набросав несколько пальмовых листьев на нижнюю ветвь дерева и связав их в верхней части. Я решила обязательно прийти сюда на следующий день. Однако прошла целая неделя, прежде чем мне удалось еще раз увидеть, как шимпанзе выуживают термитов. Дважды шимпанзе приходили к термитнику, но каждый раз, заметив меня, немедленно исчезали. Однажды я была свидетелем очень красивого зрелища брачного полета крылатых термитов, так называемых царей и цариц. Неистовые взмахи больших белых крыльев уносили насекомых все выше и выше. Позднее я поняла, что с наступлением периода дождей рабочие термиты подводят ходы термитника к поверхности гнезда и замазывают их отверстия тонким слоем глины, подготавливая тем самым вылет крылатых половых особей. Между октябрём и январём рои оставляют гнезда, чтобы основать новые колонии. В это время года шимпанзе всюду удят насекомых.

На восьмой день моей бессменной вахты к термитнику снова пришел Дэвид Седобородый, на этот раз в сопровождении Голиафа. Они трудились возле гнезда почти два часа. За это время я смогла увидеть много любопытных деталей: как они расковыривают свежеработанные отверстия большим и указательным пальцами; как откусывают конец травинки, если он обломался, или же используют противоположный, целый конец; как отбрасывают одни орудия и находят другие. Голиаф однажды отошел от термитника в поисках подходящего орудия метров на пятнадцать. Нередко оба самца срывали сразу три-четыре стебелька и клали рядом с термитником, используя их по мере надобности.

Но, пожалуй, самым интересным было то, как они подбирали небольшие веточки или плети лианы и, пропустив сквозь сжатый кулак, очищали их от листьев, делая пригодными к употреблению. Это можно считать первым документированным примером того, что дикое животное не просто *использует* предмет в качестве орудия, но действительно

изменяет его в соответствии со своими нуждами, демонстрируя тем самым зачатки изготовления орудий.

Человек всегда считался единственным существом, способным производить орудия. В самом деле, одно из широко распространенных определений гласит, что человек это существо, которое изготавливает орудия по определенному плану. Конечно, шимпанзе не придерживались какого-то определенного плана при изготовлении орудий. Тем не менее благодаря наблюдениям таких вот различных случаев примитивного изготовления орудий многие ученые пришли к выводу о необходимости более точного определения человека. Иначе, по словам Луиса Лики, нам придется признать шимпанзе человеком.

Я незамедлительно сообщила Лики о своих последних наблюдениях поедании мяса и изготовлении орудий. Это помогло ему организовать необходимые средства для продолжения моей работы. Вскоре я получила от него известие, что Национальное географическое общество согласилось финансировать мои исследования еще в течение года.

4. Жизнь в лагере

Мемсахиб! Мемсахиб! Пожалуйста, пойдите со мной. Вы очень нужны, голос, неожиданно разбудивший нас, принадлежал Адольфу. На вопрос, в чем дело, он что-то невнятно пробормотал о больном ребенке.

Мы с Вэнн быстро оделись и вышли вслед за Адольфом в черноту африканской ночи. Он повел нас к маленькой деревушке, расположенной по ту сторону ручья, возле самого берега. Здесь во временных, предназначенных лишь для сухого сезона хижинах жили два егеря, около десятка рыбаков, а также почетный старейшина Идди Матата со своим многочисленным семейством. В его хижину, сложенную из кирпичей и крытую соломенной крышей, мы и пришли. Несмотря на поздний час, в доме никто не спал. Все сидели в заполненной дымом главной комнате, разговаривали и смеялись. Двое детей при виде нас поспешно забились в угол, а старшая жена Идди, кормившая своих сыновей-близнецов, приветливо улыбнулась. Адольф подвел нас к двери в другую комнату, поменьше первой, и пропустил вперед. Здесь было очень темно, на земляном полу лежала молодая женщина и возле нее новорожденный младенец, еще соединенный с матерью пуповиной. Все ясно во время родов не отошел послед. Вот почему нас подняли среди ночи.

Рядом с роженицей стоял очень взволнованный отец и какая-то девушка; все остальные, казалось, не обращали ни малейшего внимания на происходившее. Что нам было делать? С одной стороны, мы совсем не были знакомы с практическим акушерством, а с другой искренне хотели помочь бедной женщине, хотя и знали, что в случае неблагоприятного исхода вся вина падет на нас. После расспросов выяснилось, что это был первый ребенок и появился он на свет около пяти часов назад. У матери, по-видимому, уже прекратились боли, но ее была сильная дрожь. Мы посоветовали перерезать пуповину и запеленать ребенка, однако наше предложение было отвергнуто оно противоречило многовековым традициям племени.

Сбежав в лагерь за одеялом и коньяком, я разбудила Доминика и попросила его приготовить горячий чай. Все это немного подбодрило бедную мать, и она почувствовала себя лучше. Затем мы пошли к старшей жене Идди и с помощью Адольфа поговорили с ней, так как были уверены, что ее опыт принесет гораздо больше пользы, чем наш. Она согласилась прийти помочь больной, как только закончит кормить близнецов. Вскоре она

вошла, неся яркую лампочку и теплое пальмовое масло, с помощью которого она начала массировать роженице живот, одновременно осторожно потягивая за пуповину. Через десять минут послед благополучно отошел. Тогда в комнату вошел старый Идди и, гордо перерезав пуповину своему внуку ножницами, предназначенными специально для этой церемонии, сам завязал на ней узел. Мы попросили Доминика приготовить суп для матери, поздравили сиявшего от счастья отца и вернулись в лагерь с ощущением того, что хорошо потрудились, хотя на самом деле практически ничего не сделали.

Этот акушерский опыт был лишь частью обширной медицинской практики Вэнн. Мы привезли с собой в Гомбе-Стрим небольшой запас довольно простых лекарств аспирина, английскую соль, различные мази, пластыри, и вскоре после нашего приезда Вэнн пришлось вести по утрам ежедневный прием больных. Перед отъездом Дэвид Энсти сказал жителям деревни, что они могут обращаться к нам со своими недугами. Вначале африканцы приходили, как нам казалось, просто из любопытства посмотреть на двух белых женщин, которые зачем-то приехали к ним из далекого и неизвестного мира. Но вот однажды в лагерь принесли тяжелобольного человека с огромной опухолью на ноге. Оказалось, что у него были две глубокие трофические язвы, которые, как выяснилось после промывания, уже затронули кость. Вэнн была в ужасе, она долго умоляла своего пациента поехать в больницу Кигомы, но больной наотрез отказался люди едут туда лишь за тем, чтобы умереть. И тогда Вэнн решила лечить его старым, испытанным способом солевыми промываниями. Каждый день, утром и в полдень, больной брал большую миску нестерпимо горячей соленой воды и очень медленно лил ее на свои раны. Через три недели опухоль спала, а раны перестали гноиться. Прошло еще немного времени, и он совсем выздоровел.

Добрая слава бежит быстро. После этого случая клиника Вэнн приобрела огромную популярность люди приходили издалека и даже приезжали на лодках, чтобы попасть к ней на прием. Восемилетний сын Рашида Джуманн, имя которого на языке суахили означает вторник, вызвался помогать Вэнн. Он приходил почти каждое утро, разводил английскую соль, подавал больным воду запивать лекарство, нарезал пластырь. Он замечал тех пациентов, которые вторично становились в очередь, чтобы получить лишнюю порцию лекарств. Единственным вознаграждением, которое он просил за свою работу, был небольшой кусочек пластыря, который он наклеивал на микроскопическую иногда воображаемую рану.

Наша клиника помогала не только излечивать болезни, но и, что не менее важно, установить добрые отношения с местными жителями. Все подозрения, связанные с нашим приездом, были вскоре забыты. Поверив в искренность наших намерений, африканцы платили нам тем же, хотя по-прежнему думали, что мы слегка чокнутые. Вскоре многие из них заинтересовались и моей работой.

Как-то раз Доминик рассказал об одном старике по имени Мбришо, который будто бы видел, как четыре шимпанзе палками прогоняли льва. Старик жил в горах, в деревне, возле восточной границы заповедника. От егерей я слышала, что в районе заповедника действительно водились львы. Поэтому, хотя рассказ и казался маловероятным, я все-таки решила сходить в деревню Бубанго скорее всего для того, чтобы увидеть местность по ту сторону гребня. Ранним утром мы вместе с проводником из деревни Бубанго и стройным Уилбертом, который неплохо знал английский и должен был выступать в роли переводчика, отправились в путь.

Подъем на гору был довольно тяжелым и занял около четырех часов. По дороге мы встретили целую процессию африканских женщин, которые спускались вниз, навстречу

нам, направляясь к рыбацким хижинам. Они несли на головах огромные узлы, но шли с непринужденной грацией, болтая и смеясь, напоминая своими яркими нарядами каких-то сказочных птиц. В одном месте, когда я остановилась, заметив стадо гверец, нас обогнали шестеро мужчин. Один из них старик с сутулой спиной и седыми волосами шел наравне со всеми, не обращая внимания на крутизну подъема и полуденный зной. Мужчины шли той особой пружинящей походкой, по которой всегда можно узнать привычных к горам людей. Каждый раз, втыкая в землю свои дорожные посохи, они с каким-то жутким тоскливым присвистом выдыхали воздух.

По мере того как мы поднимались, пейзаж менялся. Деревьев стало значительно больше, на их стволах появились пушистые серо-зеленые лишайники, а на открытых местах невысокая упругая травка, которая напомнила мне холмы Суссекса. С вершины гребня открывался великолепный вид. На востоке, насколько хватало глаз, простирался девственный лес. Правда, за последние годы ландшафт значительно изменился большая часть леса была вырублена, хижины и поля африканцев подошли к самым границам заповедника.

Деревня Бубанго лежала прямо под нами, примостившись на склоне горы. Вокруг нее были разбросаны плантации маниоки, или мухоге. Из корня этого растения делают муку, и приготовленная из нее каша является основной пищей местных жителей. Все постройки, преимущественно небольшие хижины, были сделаны из глины и крыты соломой. На заросших травой склонах дети пасли коз, овец и даже коров.

Хижина старого Мбришо стояла у самого края тропы, по которой мы спустились в деревню. Хозяин пригласил нас войти, угостил чаем и вкусными сдобными лепешками, а когда узнал причину нашего прихода, широко улыбнулся и начал рассказывать низким, грудным голосом. Он говорил медленно и часто прерывал свой рассказ долгим протяжным наааахм. Мне так и не удалось узнать точное значение этого слова.

Скоро, однако, выяснилось, что описываемую сцену наблюдал не сам Мбришо, а его давно умерший родственник, так что основная цель моего визита не была достигнута. Но в лице Мбришо я приобрела с тех пор верного и надежного друга. Когда он навещал нас, то обязательно приносил нам в подарок несколько аккуратно завернутых в тряпочку яиц. А это чего-нибудь да стоит, если человек стар и беден! Мы очень гордились дружбой с Мбришо и были благодарны ему за подарки.

Мбришо, как и большинство местных мужчин, всю свою жизнь занимался рыболовством. Теперь он стал уже слишком стар и оставил это занятие. Здесь ловили в основном небольшую, величиной с сардину, рыбу дагаа. На лов выходили ночью в небольших двухместных лодках с яркими керосиновыми лампами. Свет привлекал рыбу, и ее вылавливали оранжевыми или красными сетями, напоминавшими по форме гигантские сачки. Заметив большую стаю, рыбаки начинали петь, топтать ногами, стучать веслом или ручкой сети по корпусу лодки. Все это, по-видимому, заставляло рыбу подниматься на поверхность. В те ночи, когда шел лов, над озером стоял такой невообразимый шум, как будто жители всех окрестных деревень решили устроить грандиозный праздник.

После того как дно лодки покроется рыбой, улов отвозят на берег, где уже другие рыбаки раскладывают его для просушки по пляжу. Если рыба ловится хорошо, каждая лодка делает за ночь два-три рейса, и восходящее солнце освещает преображенный, отливающий серебром миллионов мельчайших чешуек берег.

В течение следующего дня сами рыбаки или их жены и дети периодически спускаются к озеру и, протыкая рыбы тушки заостренными палочками, переворачивают их с боку на бок для равномерного высушивания. Вечером всю рыбу собирают в мешки, а мужчины уже готовы выйти на новый лов. Они сидят возле своих травяных хижин, разговаривают между собой и ждут, когда женщины подадут ужин угали, или кашу из маниоки, с только что выловленной рыбой, зажаренной в красном пальмовом масле.

В лунные ночи дагаа не ловится ее не привлекает свет фонаря. И тогда вяленую рыбу везут на рынок в Кигому на небольших моторных лодках, которые курсируют вдоль побережья. В самый разгар сезона эти водные такси бывают буквально забиты мешками с рыбой, так как лов рыбы выгодное дело. Ее легко сбывают на месте, в Кигоме, а также везут в другие районы Восточной Африки и даже на юг в Ньянзу, на крупные прииски.

Тот, кто не уезжал в Кигому, уходил в свою деревню навестить родных, и берег заповедника каждый месяц пустел дней на десять. Это было мое самое любимое время. Закончив работу в одном из отдаленных ущелий, я с удовольствием шла пустынным берегом. По утрам я иногда встречала здесь неуклюжего гиппопотама, который возвращался к воде после ночной кормежки в густых прибрежных зарослях. Мне не раз попадались бушбоки, кистеухие свиньи и даже буйволы, казавшиеся огромными и какими-то иссиня-черными на фоне белого песка.

Нередко встречались и животные помельче мангусты, изящные генеты с кольчатым хвостом или более крупные, густошерстые циветы[27].

Как-то раз, чтобы миновать каменистый мыс, я пошла вдоль берега по воде. Вдруг, похолодев от ужаса, я увидела прямо перед собой извивающееся черное тело змеи. В длину она достигала около двух метров. Судя по небольшому капюшону и темным полоскам на задней стороне шеи, это была водяная кобра, от смертельного яда которой еще не найдено противоядия. Пока эти мысли проносились у меня в голове, набежавшая волна мягко прибила к моей ноге змеиное тело. Я затаила дыхание и, как только волна отхлынула от берега, унеся с собой и змею, опрометью бросилась из воды с бешено колотящимся сердцем.

За несколько недель до этого мне встретила другая кобра ее белогубая разновидность. Она знаменита тем, что выплевывает яд на расстояние до двух метров, целясь своей жертве прямо в глаза. Ее яд вызывает временную потерю зрения, а иногда и слепоту. Я, как обычно, стояла и осматривала окрестности в бинокль. Случайно взглянув вниз, я увидела на земле возле ног скользкую змею. Она на мгновение остановилась и лизнула мои парусиновые туфли своим трепещущим язычком. Однако в тот раз я почти не испугалась, тогда как встреча с водяной коброй привела меня в ужас.

Озеро Танганьика это один из немногих пресноводных водоемов Восточной Африки, где совсем не водится отвратительная бильгарция[28], по крайней мере в районе Кигомы и заповедника ее не было вовсе. Превосходные пляжи и прохладная, хрустально-чистая вода обещали отличное купание. Но мне было не до купания не хватало времени, да и после встречи со змеей не возникало особенного желания. К тому же в моей памяти была еще жива история, которая произошла с женой нашего повара Доминика. Однажды она стирала белье, стоя по колени в воде, и вдруг в метре от себя заметила странный водоворот. Выпрыгнув на берег, она с ужасом увидела в том месте, где только что стояла, голову крокодила. Он был не слишком большим я сама несколько раз наблюдала за ним с берега, но нельзя сказать, чтобы встреча с таким крокодилом в воде могла доставить кому-нибудь удовольствие. Это приключение послужило, как ни странно, поводом для

постоянных шуток все африканцы еще долго со смехом изображали, как крокодил хотел схватить жену моего повара. Да и сам Доминик хохотал до слез, когда впервые рассказывал мне об этом приключении.

Опустевшие на время полнолуния берега обычно захватывают павианы. Они рыщут вдоль пляжей, где сушилась рыба, и переворачивают гальку в поисках съедобных остатков. Подходят они и к хижинам, собирая кусочки маниоки в тех местах, где женщины перетирают корешки в муку. Африканцы стараются убрать внутрь хижин все, что можно, так как нередко павианы причиняют большой вред. Я сама видела, как однажды они сломали соломенную крышу, когда искали в ней насекомых, и через образовавшееся отверстие проникли внутрь хижины, будто именно они были ее хозяевами, сожрали все, что там было съедобного, а остальное выкинули прочь.

Очень скоро так же бесцеремонно павианы стали вести себя и в нашем лагере и быстро приучили нас никогда не оставлять палатки без присмотра. Как-то недели через две после нашего приезда Вэнн пошла немного прогуляться. Когда она вернулась, лагерь изменился до неузнаваемости: все наши вещи были разбросаны как попало, а один уже насытившийся взрослый самец, восседая за перевернутым столиком, небрежно вертел каравай хлеба, который Доминик испек утром. Вэнн особенно рассердило то, что остальные павианы, сидя на деревьях, громко лаяли на нее, как будто оспаривали ее право на этот лагерь. Вскоре после этого случая Вэнн, выйдя утром из палатки, увидела сидящих полукругом пятерых крупных самцов. Они пристально наблюдали за ней, и Вэнн призналась, что от этих взглядов ей стало не по себе.

Однажды утром Вэнн, по обыкновению еще лежавшая в постели после моего ухода, услышала какой-то шум. Она открыла глаза и увидела силуэт огромного самца павиана. На мгновение оба замерли от неожиданности, а потом павиан, раскрыв пасть, устрашающе зарычал. В сумраке палатки слабо поблескивали его острые клыки, и Вэнн решила, что настал ее последний час. Громко вскрикнув от испуга, она села в кровати и замахала руками на непрошеного гостя. Тот нехотя удалился. Это был ужасный павиан старый самец, который пристрастился приходить в лагерь и целыми днями сидел в кустах, карауля момент, когда можно будет стащить хлеб или еще что-нибудь съедобное. Мы прозвали его Шайтан дьявол на языке суахили и всегда с облегчением вздыхали, когда он оставлял нас в покое.

В те дни мы особенно экономно расходовали наши припасы не только потому, что наш бюджет был строго ограничен, но еще и потому, что мы обе не любили ездить в Кигому за провизией и почтой. И хотя мы старались наведываться туда как можно реже, все-таки раз в три или четыре недели нам приходилось отправляться в путь. Обычно мы отплывали часов в шесть утра, когда озеро было спокойным, и завтракали уже в Кигоме. Затем занимались делами: закупали продукты, торговались на рынке, заказывали консервы и стояли в очереди на почте. Полдень обычно был связан для нас с приятным отдыхом мы получали приглашение на ленч от кого-нибудь из наших знакомых. Нас нередко уговаривали остаться переночевать, и когда я начинала объяснять, что не могу пропустить не только одного дня, но даже и секунды наблюдений, меня скорее всего принимали за не очень общительную особу.

Первое время с нами ездил Доминик. Он был на редкость предан нам и так отчаянно торговался на рынке, что мы не тратили и лишнего фартинга. Но, несмотря на это, мы решили оставлять Доминика в лагере. В Кигоме он не мог устоять перед соблазном в виде местного пива. Этот очень крепкий напиток, приготовляемый из бананов, был слабостью нашего повара. Перед самым отплытием лодки нам приходилось повсюду разыскивать

его, а однажды он исчез и не появлялся в лагере целую неделю. В другой раз мы с трудом привели Доминика на берег. Он был в самом веселом расположении духа и чуть не упал в воду, залезая в лодку, справедливости ради нужно сказать, что Доминик может быть очень остроумным и даже забавным, если немного выпьет. Скоро и Вэнн, и я покатывались со смеху над его шутками. Нам было очень весело, и мы незаметно миновали залив Кигомы. асположении духа и чуть не упал в воду, залезая в лодку, справедливости ради нужно сказать, что Доминик может быть очень остроумным и даже забавным, если немного выпьет. Скоро и Вэнн, и я покатывались со смеху над его шутками. Нам было очень весело, и мы незаметно миновали залив Кигомы.

Уже стемнело, так как поиски Доминика по обыкновению задержали нас. Обычно я вела лодку ближе к берегу, но в тот вечер озеро было усыпано суденышками рыбаков, и я боялась в сумерках наткнуться на одно из них. Поэтому мы плыли в километре от берега. Была пройдена уже четверть пути, как вдруг мотор лодки заглох. Никто из нас не разобрался в моторах, поэтому все наши усилия оживить его ни к чему не привели. Нам оставалось только плыть на веслах к берегу.

Доминик горделиво заявил, что довезет нас. Сидя в центре лодки, он схватил весла и с силой опустил их в воду. В следующую секунду он растянулся прямо поверх большой корзины с фруктами. Мы с трудом подняли изнемогавшего от смеха Доминика, усадили на место, и я сказала, что буду грести сама. Однако чувство собственного достоинства не позволило Доминику согласиться с моим заявлением. После жарких споров каждый из нас взял по веслу, и следующие десять минут наша лодка беспомощно кружилась на одном месте. Наконец мне удалось убедить Доминика, что гребля мой любимый вид спорта, и мы благополучно добрались до берега.

Там мы с облегчением вздохнули на якоре стояло водное такси. Вокруг нас сразу же собралась целая толпа рыбаков, а потом подошел и владелец такси. Нам пришлось долго уговаривать его, прежде чем он согласился отбуксировать нас в лагерь. Но когда лодочник назвал цену, возмущению Доминика не было предела. Он сказал, что это грабеж, попросил нас немного подождать и исчез, словно растворился в темноте.

Время шло, но мы не хотели уезжать без Доминика. Кроме того, мы были очень тронуты заботой о нашем кошельке он и в самом деле был слишком тощим. Минут через тридцать Доминик вернулся, ведя за собой четырех дюжих африканцев, которые соглашались на веслах отвезти нас в лагерь за четверть той платы, которую потребовал хозяин моторки. Это звучало великолепно, но очень скоро нашему восторженному настроению пришел конец даже если бы восемь человек одновременно сели на весла, то и тогда нам пришлось бы добираться до дому около восьми часов. Мы поблагодарили африканцев и отправились в путь с владельцем моторки. Доминик, как мне казалось, так и не простил нам, что мы предпочли более быстроходное судно и позволили себя ограбить.

Вскоре после этого Вэнн поехала в Кигому без меня. Доминик тоже остался в лагере, но с ней вместе отправился Уилберт, которому нужно было сделать кое-какие покупки. Они с Вэнн расстались рано утром и договорились встретиться на берегу в пять часов дня. Когда он наконец появился, Вэнн пришла в ужас перед ней стояла еще одна жертва бананового пива! Уилберт, слегка покачиваясь, направился к лодке и, вытащив нож, начал размахивать им и бессвязно бормотать что-то о смерти и мести. Лишь много позже Вэнн призналась, что ей стало страшно при виде высокого мужчины с налитыми кровью глазами и ножом в руках. Однако она как можно спокойнее заговорила с ним и попросила отдать ей нож. Уилберт послушно подошел к Вэнн, протянул ей нож и без единого слова залез в лодку. На обратном пути он вел себя совершенно спокойно. Мы так никогда и не

узнали, чем был вызван гнев Уилберта, а сам он, по-видимому, был настолько смущен своей выходкой, что даже не пришел к нам за ножом.

Мне очень повезло в жизни: иметь такую мать, как Вэнн, это огромное счастье. Трудно представить себе, что бы я делала без нее в эти первые месяцы пребывания в заповеднике. Она принимала больных и устанавливала добрососедские отношения с африканцами, содержала в чистоте лагерь, высушивала образцы растений для моего гербария и, что самое важное, всегда поддерживала меня в трудные минуты. Как приятно было вернуться вечером в лагерь и встретить близкого, родного человека, с которым можно было поделиться всем и радостным и печальным!

Вэнн безропотно переносила все тяготы нашей походной жизни. Питались мы в то время почти одними консервами, так как холодильника у нас еще не было. По вечерам мы купались в ванне собственной конструкции, закрепив для этого на деревянной раме кусок брезента. Воды едва хватало, чтобы кое-как вымыться, к тому же не успевали мы ее налить, как она тотчас остывала. Гигантские пауки очень любили нашу палатку, а раза два Вэнн, просыпаясь по утрам, видела прямо у себя над головой плоское зловещее тело огромной ядовитой многоножки, ползущей по стенке палатки. Кроме того, местная вода постоянно вызывала у Вэнн расстройство желудка, и не было, пожалуй, ни одного дня, когда бы она чувствовала себя совершенно здоровой.

Месяцев через пять после нашего приезда Вэнн все-таки начала собираться в Англию. К этому времени я полностью вписалась в пейзаж заповедника, и власти в Кигоме не возражали, если я буду продолжать исследования в одиночестве. У нас наладились великолепные отношения с местными жителями. Кроме того, как раз перед самым отъездом Вэнн к нам присоединился Хассан, наш старый друг еще по озеру Виктория, и мама, уезжая, знала, что оставляет меня в надежных руках. Хассан взял на себя утомительные поездки в Кигому и множество других хозяйственных дел.

С отъездом Вэнн лагерь наш словно осиротел. Все напоминало мне о маме. И даже лягушонок Терри, приходивший к нам коротать вечера, не казался мне больше забавным, потому что рядом не было Вэнн и не с кем было посмеяться над тем, как он жадно глотает летающих вокруг лампы насекомых. И когда генета Креснт тихо подходила за бананом, я ловила себя на том, что хочу обратить внимание Вэнн на ее благородное изящество.

Но время шло, и постепенно я привыкла жить одна, не испытывая при этом тягостного чувства одиночества. Меня целиком поглотила работа: весь день проходил в наблюдениях, а к вечеру накапливалось столько дел, что скучать было просто некогда. Конечно, одиночество все же сказывалось спустя год я стала замечать за собой некоторые странности: например, начала разговаривать с неодушевленными предметами. Мне ничего не стоило сказать моей Вершине С добрым утром! или на бегу бросить Привет! ручейку, где я обычно брала воду. Меня вдруг заинтересовали деревья: приложив руку к шероховатому искривленному стволу старого дерева или к гладкой прохладной коре совсем еще юного жителя леса, я, казалось, физически ощущала пульсацию жизненных соков дерева. Мне хотелось раскачиваться на ветках, как обезьяны, и спать в кроне деревьев под баюкающий шорох листьев. Но больше всего я любила сидеть в лесу во время дождя, слушать мерный стук капель по листьям, вдыхать запах влаги и чувствовать себя частью этого призрачного зелено-коричневого мира.

5. Дожди

Вскоре после отъезда Вэнн начался сезон дождей. На смену коротким дождям обезьяньей весны пришли настоящие тропические ливни, низвергавшиеся иногда в течение нескольких часов. Один из этих всемирных потоков произошел спустя неделю после смены сезонов.

В то утро я наблюдала за группой шимпанзе, поедавших фиги на большом дереве. Было хмуро и пасмурно, где-то вдали грохотал гром. В полдень упали первые тяжелые капли дождя. Шимпанзе спустились с дерева и стали карабкаться вверх по крутому травянистому склону. В группе было семь взрослых самцов, в том числе Голиаф и Дэвид Седобородый, а также несколько самок с детенышами. Добравшись до гребня, животные остановились передохнуть. Как раз в этот момент дождь полил как из ведра, а раздавшийся прямо над головой удар грома заставил меня вздрогнуть. Один из самцов, как по сигналу, выпрямился и начал ритмично раскачиваться и переступать с ноги на ногу, сопровождая эти движения громким уханьем. Сквозь шум дождя мне были слышны высокие обертоны его голоса. Внезапно он повернулся и бросился вниз к тем самым деревьям, на которых они только что кормились. Пробежав около тридцати метров, он резко остановился, схватился за ствол дерева, прыгнул на нижнюю ветвь и уселся там.

Почти сразу же вслед за ним пустились два других самца. Один из них на бегу отломил ветку, покрутил ею над головой и отшвырнул в сторону. Другой, добежав почти до самого конца склона, выпрямился и начал ритмично раскачивать ветки ближайшего дерева, потом отломил одну из них и потащил. В этот момент в игру вступил четвертый самец. Он с разбегу вспрыгнул на дерево, отломил огромную ветку, тотчас соскочил с ней и побежал вниз, волоча ее за собой. Наконец, и два последних самца с дикими воплями понеслись вниз. Между тем первый шимпанзе, инициатор спектакля, уже слез с дерева и побрел вверх по склону. За ним последовали остальные обезьяны, которые к этому времени успели добраться до конца склона и рассестись там на деревьях. Взобравшись на гребень, они снова один за другим ринулись вниз, издавая дикие вопли и волоча за собой огромные ветки.

Самки с детенышами взобрались на деревья, растущие возле вершины, и сидели там, издали наблюдая за представлением. Потоки воды низвергались с неба сплошной стеной, зигзаги молний яркими вспышками разрывали свинцово-серые тучи, раскаты грома, казалось, сотрясали все вокруг.

Я сидела на противоположном склоне узкого ущелья, укрывшись полиэтиленовой накидкой. Сильный ветер и дождь не позволяли мне вытащить блокнот или хотя бы поднести к глазам бинокль. Я могла лишь наблюдать и восхищаться силой и красотой этих великолепных созданий. Да, теперь я верила, что первобытный человек мог бросить вызов стихии!

Минут через двадцать представление окончилось. Мокрые артисты уgomонились, зрители спустились с деревьев, и вся группа исчезла за гребнем горы. Лишь один самец задержался наверху и, опершись рукой о ствол дерева, посмотрел вниз, как актер, который перед уходом со сцены в последний раз смотрит в зрительный зал. Потом и он скрылся за гребнем.

Я продолжала сидеть в каком-то оцепенении. Только свежие царапины на стволах деревьев да разбросанные по склону ветки говорили о том, что все это не померещилось мне, а было на самом деле. Если бы я знала, что подобную демонстрацию, которую мы

назвали танцем дождя, увижу всего лишь дважды за все десять лет пребывания в заповеднике, я бы наверняка удивилась еще больше. Правда, во время сильного дождя отдельные животные часто выделяют некоторые па, но групповое исполнение всего танца мне довелось видеть только два раза.

С наступлением сезона дождей трава начала расти необыкновенно быстро, в некоторых местах ее высота достигала почти четырех метров, а на оголенных гребнях двух. Стоило мне сбиться со знакомой тропы или чуточку отойти в сторону, как я теряла ориентировку и, чтобы определить путь, должна была карабкаться на дерево. Кроме того, высокая трава серьезно затрудняла наблюдения я уже не могла, сидя в удобном месте, следить за обезьянами. Даже стоя мне почти ничего не было видно. Оставалось или приминать траву на довольно большой площади, или влезать на дерево. Я почти превратилась в древесного жителя. Но, несмотря на всю мою любовь к лесу, этот способ наблюдения меня не устраивал. Слишком много времени уходило на то, чтобы выбрать подходящее дерево и обломать ветки, которые затрудняли обзор. Кроме того, при сильном ветре а это случалось довольно часто мне было трудно удерживать в руках бинокль.

Чтобы защитить бинокль от дождя, я сделала специальный чехол из полиэтилена, а на голову надевала нечто вроде кепочки с длинным козырьком. И все-таки я почти не могла пользоваться биноклем, так как из-за высокой влажности линзы запотевали изнутри. Одежда на мне совсем не просыхала высокая трава оставалась мокрой даже в те дни, когда не было дождя. Дело дошло до того, что я стала с ужасом думать об утреннем походе на Вершину и с трудом заставляла себя вылезти из теплой постели, чтобы позавтракав кусочком хлеба и чашечкой кофе, погрузиться в холодную, насквозь пропитавшуюся водой траву. Но вскоре я нашла неплохой выход из положения и стала носить все свои вещи в полиэтиленовом мешочке. Смотреть на меня в эти предрассветные часы было некому. Зато теперь, когда я знала, что скоро надену сухую одежду, леденящее прикосновение мокрой травы даже доставляло мне удовольствие. Правда, в первые дни я ходила вся расцарапанная, но потом кожа огрубела и привыкла к острой траве.

Как-то утром, поднявшись на Вершину, я чуть не наткнулась на буйвола, который мирно спал в высокой траве буквально в четырех метрах от меня. К счастью, ветер дул в мою сторону, и буйвол не заподозрил присутствия человека. А ведь все могло быть иначе Я быстро и бесшумно ретировалась, чтобы не разбудить зверя.

В другой раз прямо передо мной проплыл белый кончик хвоста леопарда. Владелец его, скрытый высокой травой, прошел мимо, должно быть, даже не подозревая, что в двух шагах от него находится человеческое существо.

И все же мне нравился сезон дождей в Гомбе; изнурительная жара сменялась приятной прохладой, влажные листья заглушали шаги, а высокая трава делала меня почти невидимой. Я бесшумно двигалась по лесу и узнавала много нового о жизни его обитателей, и в первую очередь, разумеется, о шимпанзе.

Во время сухого сезона шимпанзе обычно отдыхали в полдень прямо на земле, растянувшись под сенью деревьев. В сезон дождей из-за мокрой почвы обезьяны нередко сооружали весьма сложные дневные гнезда. Они строили их прямо под дождем, залезали туда и сидели, сгорбившись (прижав голову к коленям и обхватив их руками), до тех пор, пока дождь совсем не прекращался. По утрам животные просыпались теперь гораздо позднее обычного и часа через два-три после кормежки строили новые гнезда, чтобы опять лечь спать. Наверное, в холодные дождливые ночи им совсем не удавалось выспаться, и они сильно изнурялись. Укладываться на ночь шимпанзе тоже стали

значительно раньше. Сколько раз, возвращаясь вечером в лагерь, где меня ждала теплая сухая постель, я с жалостью думала о несчастных животных, которые в этот момент забирались в мокрые холодные гнезда. Но еще большие угрызения совести я испытывала, проснувшись иногда среди ночи от стука дождя по крыше палатки и представив себе, как бедные шимпанзе, скорчившись, сидят сейчас на своих листовых подстилках под сплошным ливнем.

В самом начале дождя шимпанзе иногда стараются найти убежище под густой сенью листвы или под склоненным стволом дерева. Но едва струйки воды начнут проникать сквозь эти ненадежные укрытия, обезьяны выбирают на открытое место и сидят там с отрешенным видом, мокрые и замерзшие. В самом лучшем положении оказываются маленькие детеныши. Я не раз видела, как старая Фло прикрывала своим телом двухлетнюю малышку Фифи, так что та и после проливного дождя оставалась абсолютно сухой. Шестилетний сын Фло Фиган, как и другие детеныши постарше, развивал тем временем бешеную деятельность, чтобы согреться: он раскачивался, уцепившись одной рукой за ветку, без передышки крутил сальто, прыгал с ветки на ветку, обдавая свою мамашу, которая сидела под деревом, каскадом брызг. Фло лишь еще ниже склонялась над Фифи и пригибала голову, чтобы ветки меньше хлестали ее по лицу. Гимнастические трюки Фигана были способом хоть как-то согреться по-видимому, с этой целью взрослые самцы устраивали шумные танцы дождя.

В непогоду шимпанзе почти не обращали на меня внимания и позволяли наблюдать за ними с близкого расстояния. Похоже, что у них и без меня хватало забот. Однажды я пробиралась сквозь пропитанный влагой лес. Было сыро, капли дождя, стуча по листьям, скатывались на землю. Сильно пахло гнилым деревом и прелой листвой. Вода капала мне на волосы и холодными струйками стекала за воротник.

Вдруг прямо перед собой я заметила сгорбившуюся фигуру шимпанзе он сидел спиной ко мне. Я моментально пригнулась, чтобы шимпанзе не увидел меня. Несколько минут был слышен только шум дождя, потом где-то раздался слабый шорох и низкий тревожный крик хуу. Я медленно повернула голову направо, но ничего не увидев, посмотрела в прежнем направлении черный силуэт впереди исчез. И сразу же раздался какой-то шорох прямо надо мной. Вскинув голову, я взглянула на дерево и увидела там Голиафа. Он в упор смотрел на меня, плотно сжав губы[29] и слегка раскачивая ветку. Я посмотрела в сторону: долгий пристальный взгляд может быть воспринят как угроза. Тут раздался шорох слева от меня, я обернулась и заметила еще один черный силуэт. Из густой травы на меня смотрели мрачные глаза шимпанзе. Затем показалась могучая черная рука, вцепившаяся в висящую лиану. Еще одно низкое хуу, на этот раз сзади. Я была окружена.

Почти сразу же Голиаф издал протяжный высокий крик враааа. Остальные шимпанзе подхватили этот зловещий вопль один из самых свирепых криков африканского леса, уступающий разве что трубному кличу приведенного в ярость слона. Возбуждение обезьян нарастало, они начали яростно раскачивать ветки, так что на меня посыпался каскад брызг и листьев. Мои нервы напряглись до предела, я силой заставляла себя оставаться на месте, хотя каждая клетка моего тела приказывала мне пуститься наутек. Притворившись, будто собираю какие-то корешки, я пригнулась к самой земле. Вдруг кто-то больно стукнул меня веткой по голове, потом черная фигура с топотом выскочила из кустов и бросилась прямо на меня, но в последнюю минуту, изменив направление, скрылась в лесу. Трудно сказать, сколько времени я провела, прижавшись к земле и ожидая, что меня вот-вот разорвут на кусочки.

Вдруг я поняла, что вокруг уже давно все тихо. Слышалось лишь мерное постукивание капель дождя. Я боязливо подняла голову и осмотрелась, но не увидела ни черных рук, ни сверкающих глаз, ни раскачивающихся веток. Признаюсь, что, вставая, я почувствовала, как у меня дрожат колени. Но, пожалуй, не менее сильным было чувство бурного восторга ведь шимпанзе стали меньше бояться меня. Однако это чувство пришло уже после того, как опасность благополучно миновала.

Период агрессивности шимпанзе и их враждебности по отношению ко мне, пришедший на смену изначальному страху и паническому бегству, длился около пяти месяцев. Недели через три после только что описанного случая я сидела на склоне узкого ущелья и ждала, когда шимпанзе придут кормиться к сгибавшемуся под тяжестью плодов дереву, которое росло на противоположной стороне лощины. Услышав позади себя отчетливые шаги шимпанзе, я пригнулась к земле и затаила дыхание не раз бывало так, что обезьяны, заведя меня на своем пути, тотчас уходили кормиться на другие деревья. Приступив к трапезе, они, как правило, меньше обращали на меня внимание голод оказывался сильнее боязни. Однако на этот раз шаги приблизились и оборвались где-то неподалеку от меня. Раздалось низкое хуу, крик встревоженного и слегка испуганного животного меня заметили. Я продолжала неподвижно лежать и вдруг совсем рядом услышала громкий крик.

Слегка приподняв голову, я увидела крупного самца, который взбирался на ближайшее ко мне дерево. Усевшись прямо надо мной, он широко раскрыл рот и начал громко кричать, издавая высокие, отрывистые и пронзительные вопли. Я пристально посмотрела в его темное лицо и карие глаза. Тогда он спустился еще ниже, так что я отлично видела его желтые зубы и розовый язык. Поймав мой взгляд, самец принялся с остервенением трясти ветку, и на меня дождем посыпались листья. Не удовлетворившись этим, он ухватился за ствол и начал основательно раскачивать дерево. Теперь посыпались сучья. Все это время самец продолжал громко кричать и довел себя до бешенства. Внезапно он умолк, слез с дерева и скрылся из виду.

Только тогда я заметила самку с малышом и детеныша постарше, которые неподвижно сидели на другом дереве и во все глаза смотрели на меня. И снова за спиной раздался шаг: самец подошел совсем близко, я это почувствовала по его тяжелому дыханию за спиной.

Вдруг послышался громкий лай, хруст веток и что-то больно ударило меня по голове. Приподнявшись, я повернулась лицом к самцу. Он стоял, готовый, казалось, в любой момент броситься на меня. Но вместо этого он вдруг отвернулся и побрел прочь, то и дело останавливаясь и оглядываясь назад. Самка с детенышами бесшумно сползла с дерева и пошла вслед за ним. Еще несколько секунд и все вокруг опустело. Я испытывала огромную радость мне удалось установить контакт с диким шимпанзе!

Прочитав через несколько лет описание этого случая в своих дневниках, я догадалась, что мне встретился тогда Джей-Би, злой раздражительный шимпанзе, вспыльчивый характер которого мы впоследствии хорошо изучили. Очевидно, моя неподвижность и полиэтиленовая накидка привели его в замешательство. Ему нужно было знать, что я такое, и для этого он пытался заставить меня двигаться. Убедившись в том, что перед ним живое существо, он удалился.

Стоит ли говорить, как мне хотелось после таких встреч поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями. Вэнн не было, и я рассказала обо всем Хассану и Доминику, а они в свою очередь старому Идди Матата. На другой же день тот пришел в лагерь и поведал

мне историю об африканце, который залез на пальму собирать плоды, не зная, что на ее вершине кормится взрослый самец. Увидев человека, шимпанзе бросился вниз и мимоходом ударил африканца по лицу, да так сильно, что у того вытек один глаз. Я же осталась живой и невредимой после встреч с разъяренными шимпанзе. Здесь не обходится без колдовства, решил старый Идди Матата, и слух этот быстро распространился по всей округе, немало способствуя укреплению моего авторитета среди местного населения.

Сезон дождей обычно заканчивался в апреле, однако в тот год они выпадали еще и в июне, но уже значительно реже. Весь заповедник превратился в гигантский парник. Тяжелые испарения, подымавшиеся под лучами тропического солнца, застревали в буйной растительности. Подъем на гору стал настоящей пыткой, иногда я карабкалась в течение нескольких часов. Влажность была так высока, что мне не хватало воздуха и, чтобы немного отдышаться, я залезала на деревья только там можно было ощутить дуновение свежего ветерка. Не мудрено, что, сидя среди ветвей, я нередко задавала себе вопрос, зачем наши предки перешли к наземному образу жизни. Эти два месяца май и июнь были очень тяжелыми для меня еще и потому, что ко мне несколько раз возвращалась малярия. Чувствовала я себя отвратительно. Можно представить, какого труда мне стоил подъем на гору. И шимпанзе, которые обычно кормились большими и шумными группами, теперь предпочитали, как назло, более мелкие группы, состоящие из двух-шести особей. Они передвигались совершенно бесшумно и целыми днями бродили по лесу в поисках деревьев мбула, или аноны.

Но вот наконец с гор подули сильные ветры и изнуряющая влажность быстро пошла на спад. Я обрела прежнюю бодрость духа. Снова созрели фиги, и работа вошла в привычную колею. Теперь мне вовсе не обязательно было карабкаться на Вершину я могла ходить по всей долине и сидеть совсем близко от деревьев, где кормились шимпанзе.

Как-то раз, наблюдая за группой с расстояния примерно тридцать метров, я услышала позади себя слабый шорох листьев и, оглянувшись, увидела, что метрах в пяти спиной ко мне сидит крупный самец. Я замерла, думая, что он не заметил меня, но через несколько минут он обернулся, равнодушно поглядел в мою сторону и спокойно продолжал жевать. Еще минут через десять он встал и так же невозмутимо двинулся прочь. Это был Майк, взрослый самец с не менее запоминающейся внешностью, чем у Дэвида Седобородого. Этот случай произошел недели через две после того памятного дня, когда Дэвид и Голиаф спокойно обыскивали друг друга у меня на глазах. Изначальный страх перед человеком, постепенно уступивший место агрессивности и враждебности, перешел теперь в спокойные ровные отношения. Большинство шимпанзе стали воспринимать меня как неотъемлемую часть их обычной, повседневной жизни: странная белая обезьяна, немного непривычная, но в конце концов не такая уж и страшная.

В августе приехала из Англии моя сестра Джуди. Национальное, географическое общество, финансировавшее мои исследования, хотело заполучить фотографии для публикации в журнале[30]. Они предлагали прислать фотографа-профессионала, но одна мысль об этом приводила меня в ужас. Я боялась, что появление совершенно незнакомого человека разрушит с таким трудом установленный контакт с шимпанзе. Написав обо всем профессору Лики, я попросила его похлопотать за Джуди не потому, что у нее был какой-то фотографический опыт, а потому, что мы внешне были с ней похожи и только она могла понять меня и пожертвовать своими интересами ради моей работы. Однако Национальное географическое общество не согласилось финансировать ее поездку, и нам пришлось прибегнуть к помощи британского еженедельника Ривэли, который взял на себя все расходы Джуди в обмен на серию будущих интервью со мной.

Бедная Джуди! Она приехала в самом конце сухого сезона, который длился всего лишь около шести недель. Я заранее соорудила небольшие укрытия возле тех деревьев, которые обычно плодоносят в сентябре и октябре. Но урожай в том году, был как нарочно очень небогатый, к тому же почти каждый день шел дождь. Джуди часами сидела в укрытии, спрятав свою фотографическую аппаратуру под полиэтиленовой накидкой. Обезьяны приходили редко, но и тогда дождь мешал Джуди сделать хорошие кадры. Тем не менее в ноябре ей все же повезло, и она впервые сняла на пленку, как шимпанзе используют орудия, выживая термитов. Кроме того, она запечатлела меня, наш лагерь, деревню рыбаков и полностью оправдала свою поездку с точки зрения финансирующей организации.

Впервые увидев меня после долгого перерыва, Джуди была поражена моей одухотворенной, как она говорила, внешностью. В течение всех восемнадцати месяцев жизни в горах, за исключением кратких визитов в Кигому и тех дней, когда малярия укладывала меня в постель, я обычно придерживалась очень строгого режима: ровно в 5.30 утра звонил будильник, я вскакивала, наскоро выпивала чашку кофе с кусочком хлеба и отправлялась на поиски шимпанзе. Скитаясь по горам и лесам, я никогда не испытывала ни голода, ни жажды. Иногда я позволяла себе невысказанную роскошь и варила кофе на Вершине. Вернувшись в полной темноте в лагерь, я ужинала и затем приводила в порядок свои записи. Часто я засиживалась за столом далеко за полночь. Такой режим был весьма эффективным средством для сбрасывания веса.

Джуди решила во что бы то ни стало подкормить меня. Они с Домиником начали готовить овсяную кашу и заварной крем, яйца и всевозможные питательные смеси. Но мне почему-то все равно не хотелось есть, а Джуди не могла видеть, как пропадает добро, и съедала все сама.

В декабре мы вынуждены были свернуть лагерь что мы делали, разумеется, под проливным дождем и перевезти все имущество в Кигому. По рекомендации Луиса Лики меня приняли в Кембриджский университет, где мне предстояло работать над диссертацией по этологии и готовиться к защите на степень доктора философии. Луис встретил нас в Найроби и отправил маме телеграмму следующего содержания: ДЕВОЧКИ ПРИБЫЛИ БЛАГОПОЛУЧНО ТЧК ОДНА ТОЛСТАЯ ДРУГАЯ ТОНКАЯ.

6. Шимпанзе приходят в лагерь

Зима 1961 года была в Англии очень суровой, а в Кембридже из-за снежных сугробов, стужи и замерзших водопроводных труб она казалась бесконечной. Холодные ветры, пришедшие прямо из ледяных пустынь Норвегии, со свистом пронеслись над плоской равниной. Где-то далеко позади остались Африка, мои шимпанзе, любимая работа. Временами мне так не хватало их. Конечно, мне было очень приятно работать в Кембридже под руководством профессора Роберта Хайнда. Но что поделывает тем временем Дэвид Седобородый? Как поживают Голиаф и Фло? Какие события произошли за время моего отсутствия?

Наконец весна растопила замерзшую землю через два месяца я снова буду в Африке. Но прежде мне предстояло выдержать два серьезных испытания, и одна мысль о них внушала мне гораздо больший страх, чем любая встреча с разъяренными шимпанзе. Я должна была выступить на двух научных конференциях в Лондоне и Нью-Йорке и рассказать о моих шимпанзе ученым, которым хотелось все узнать из первых рук. Но вот и эти препятствия остались позади. Моя шестимесячная ссылка, как ни трудно было в это поверить, закончилась, и я снова летела в Африку, пересекая пустынные просторы Сахары

в багрово-красном свете восходящего солнца картина, столь характерная для современных воздушных путешествий.

Помнят ли еще меня шимпанзе? Или мне предстоит заново приучать их к моему присутствию? Но я напрасно волновалась. Когда я снова попала в заповедник, оказалось, что шимпанзе стали относиться ко мне, пожалуй, даже чуточку терпимее, чем раньше.

Как-то, вернувшись вечером в лагерь, я увидела, что Доминик и Хассан чем-то очень взволнованы. По их рассказам, крупный самец шимпанзе пришел в лагерь и в течение целого часа лакомился орехами с пальмы, в тени которой стояла моя палатка. Вечером следующего дня я узнала, что он забредал к нам еще раз. Я решила остаться на другой день в лагере, чтобы посмотреть, не придет ли он снова.

Это было так необычно и приятно провести утро в постели, следя за разгорающейся зарей, спокойно позавтракать, а потом при свете дня сесть за пишущую машинку, которую я только что привезла из Англии, и привести в порядок наблюдения, сделанные мною накануне. Но совсем уж невероятным было то, что около десяти часов Дэвид Седобородый не спеша прошел перед моей палаткой, спокойно вскарабкался на дерево и принялся, урча от удовольствия, выковыривать красные ядра орехов из их жесткой скорлупы. Через час он спустился на землю и, задержавшись на минутку, чтобы заглянуть под тент, побрел прочь. Я была вознаграждена за те долгие месяцы неудач и огорчений, когда шимпанзе обращались в бегство, едва завидев меня на расстоянии пятисот метров. А сейчас один из них пришел в наш собственный лагерь и чувствовал себя здесь как дома.

Дэвид приходил к нам ежедневно пока на пальмовом дереве еще были орехи. Потом его визиты прекратились. Но он появился снова, когда созрели плоды на другой масляной пальме.

Я не часто оставалась в лагере наблюдения за одиноким самцом, жадно поедающим пальмовые орехи, не приносили мне ничего нового. Но иногда я с нетерпением ждала его прихода и испытывала особое удовольствие от того, что он так близко и совсем меня не боится.

Как-то раз я сидела на веранде своего палаточного домика. Дэвид проворно слез с дерева и со свойственным ему нарочито-небрежным видом направился прямо ко мне. Когда нас разделяли каких-нибудь три шага, он остановился и шерсть его поднялась дыбом, отчего он сделался вдвое крупнее; мне стало не по себе от его свирепого вида. Распушение шерсти у шимпанзе служит верным признаком какого-то необычайно сильного эмоционального возбуждения волнения, гнева или страха. Что же значило поведение Дэвида в этот раз? Внезапно он бросился ко мне, схватил со стола банан и торопливо отбежал в сторону. Шерсть его постепенно улеглась и он спокойно съел плод.

После этого случая я попросила Доминика выкладывать бананы всякий раз, когда он заметит Дэвида, так что теперь, даже если пальмовые орехи еще не созрели, шимпанзе иногда забредал в лагерь в поисках бананов. Но эти посещения были слишком нерегулярными, и я больше не оставалась в лагере.

Недель через восемь после возвращения в Гомбе у меня начался легкий приступ малярии. Я осталась в постели и попросила Доминика положить перед палаткой несколько бананов в надежде, что Дэвид Седобородый заглянет к нам. В то утро он действительно пришел и взял себе один банан. Когда он возвращался к кустарнику, я увидела, что там стоит второй шимпанзе, спрятавшийся в густой растительности. Это был

Голиаф. Дождавшись, когда Дэвид уселся на землю и принялся за банан, Голиаф подошел и стал пристально смотреть ему в глаза. Дэвид закручивал вокруг своей нижней губы лохмотья кожуры банана и выжимал сок, иногда вытягивая кожуру вперед и глядя на нее поверх своего носа. Голиаф дотронулся одной рукой до рта своего приятеля, прося дать ему часть кожуры. В ответ на это Дэвид выплюнул кусок хорошо пережеванной массы в руку Голиафа, и тот начал ее сосать.

На другой день Голиаф вновь пожаловал к нам в гости. Я спряталась за опущенный полог палатки и подглядывала за обезьянами в небольшое отверстие. На этот раз Голиаф, не без колебаний, с распушенной шерстью, последовал за Дэвидом до самой палатки и ухватил для себя немного бананов.

Это продолжалось несколько недель, имевших для меня особенно большое значение. Теперь я ежедневно оставляла гроздь бананов около палатки. Для этого мне приходилось посылать Хассана в северную часть заповедника в деревню Мвамгонго, где он возобновлял запас бананов.

А в нашей долине тем временем созрели фиги, и мимо лагеря то и дело проходили большие группы шимпанзе. Часть дня я проводила возле фиговых деревьев, а остальное время в лагере, в ожидании Дэвида. Он навещался почти каждый день. Голиаф тоже вскоре стал постоянным посетителем, позже к ним присоединился Уильям.

Как-то Дэвид пришел один, и я решила дать ему банан прямо из рук. Он приблизился ко мне, шерсть его поднялась, и вдруг он издал мягкий горловой звук, похожий скорее на кашель, судорожно вздернув при этом вверх подбородок. Это была мягкая форма угрозы. Вслед за тем он резко выпрямился, стал переминаться с ноги на ногу и, не теряя при этом важного вида, похлопал одной рукой по стволу пальмового дерева и лишь тогда очень осторожно взял у меня банан.

Голиаф прореагировал на мою первую попытку дать ему из рук банан совершенно иначе. Шерсть его тоже поднялась дыбом, он схватил стул и бросил его, едва не сбив меня им с ног. Потом залез в кусты и, сверкая глазами, сердито поглядывал оттуда на меня. Прошло довольно много времени, прежде чем он стал вести себя в моем присутствии так же спокойно, как Дэвид. Если я делала неожиданное, пугающее его движение, он нередко начинал угрожать мне глухо рычал, быстро поднимая и опуская одну руку, либо резкими движениями дергал за ветки.

Наконец-то я могла вести регулярные наблюдения за отдельными животными! А ведь раньше мне казалось это совершенно недостижимым. В своих ежедневных передвижениях шимпанзе никогда не пользуются какой-то определенной дорогой, поэтому я могла встретить одних и тех же животных не чаще одного или двух раз в месяц, да и то если путь их кочевки случайно пересечется с маршрутом моей вылазки в горы. Исключение составляли лишь короткие промежутки времени, когда созревали плоды на том или ином дереве. И вот теперь я могла постоянно следить за поведением Дэвида, Голиафа и Уильяма в лагере и их взаимоотношениями между собой. Кроме того, я часто наблюдала, как ведет себя каждый из них в группах шимпанзе, питающихся плодами фиговых деревьев в нашей долине.

Именно в это время я начала подозревать, что Голиаф, по-видимому, занимает высшее по рангу положение среди самцов шимпанзе на этом участке; впоследствии это действительно подтвердилось. Если Уильям и Голиаф одновременно приближались к одному и тому же банану, Уильям всегда пропуская Голиафа вперед, и тот захватывал

плод. При встрече с другим взрослым самцом на узкой лесной тропке Голиаф никогда не уступал дороги. Присоединившиеся к группе обезьяны почти всегда первым приветствовали именно Голиафа.

Однажды я своими глазами видела, как он согнал самку с ее гнезда и занял его. Эту сцену я наблюдала с Вершины, когда уже почти совсем стемнело. Молодая самка построила большое гнездо из листьев и улеглась спать, уютно свернувшись калачиком. Вдруг Голиаф вскочил на соседнюю с ней ветку, встал во весь рост, ухватился руками за верхнюю ветвь и начал неистово раскачивать ее туда-сюда над головой самки. Та с громким криком выскочила из гнезда и исчезла в темном кустарнике. Голиаф сразу успокоился, забрался в освободившееся гнездо и улегся, загнув под себя свежую ветку. А изгнанная самка принялась поспешно сооружать новое гнездо.

Уильям с длинной верхней губой, рассеченной шрамами, очевидно, стоял на самой нижней ступени иерархической лестницы. Если какой-нибудь взрослый самец проявлял агрессивные намерения по отношению к нему, Уильям тотчас жестами и позой пытался выразить подчинение и покорность: протягивал руку, чтобы дотронуться до более сильного по рангу собрата, или, негромко похрюкивая, униженно ползал перед ним. При этом у него оттягивались назад уголки губ и зубы обнажались в нервном оскале. Сначала Уильям и в лагере вел себя очень боязливо. Когда я впервые предложила ему взять банан у меня из рук, он был в полном смятении долго пристально смотрел на банан, потом начал раскачивать ветку и, наконец, жалобно похныкивая, уселся на землю. Я не выдержала и положила банан перед ним.

Значительно труднее было выяснить положение Дэвида Седобородого в стадной иерархии. В те далекие дни я знала только, что он обладает спокойным и кротким нравом. Если Уильям или кто-то из молодых самцов приближался к нему, жестами выражая свою покорность, Дэвид сразу же старался успокоить их: касался рукой туловища или головы другого животного, быстро обыскивая его шерсть. Успокаивал он и Голиафа, когда тот слишком возбужденно вел себя в лагере, например при моем появлении на чересчур близком расстоянии. В таких случаях Дэвид протягивал руку и касался живота своего товарища или же несколько раз быстро гладил Голиафа по руке, перебирая пальцами шерсть. Такие жесты, казалось, почти всегда достигали цели и успокаивали возбужденного самца.

Именно в это время в Гомбе-Стримере появился Гуго. Я наконец дала согласие на приезд профессионального фотографа, который должен был отснять моих шимпанзе. Луис порекомендовал Гуго. Национальное географическое общество воспользовалось его советом и выделило необходимые для съемок средства. Помимо фотографий, Гуго должен был подготовить документальный фильм о поведении животных, а также лекционный фильм для членов Национального географического общества.

Гуго родился в Индонезии, получил образование в Англии и Голландии. Как и меня, его привел в Африку интерес к диким животным. Карьеру фотографа он избрал только потому, что надеялся как-нибудь и когда-нибудь попасть в Африку и снять фильм о диких животных. После двухлетней работы на киностудии в Амстердаме Арманд и Микаэла Денисы пригласили его принять участие в съемках телевизионной программы Сафари. Таким образом, в Африку Гуго приехал всего на год позже меня.

Во время работы над фильмом Денисов Гуго познакомился с семьей Лики, жившей по соседству, и спустя два года согласился снять лекционный фильм об открытиях Луиса в Олдувайском ущелье. За это время Луис пришел к выводу, что Гуго тот самый человек,

который должен поехать в Гомбе-Стрим, поскольку Гуго не только прекрасно владел техникой съемок, но и по-настоящему любил и понимал животных. Луис написал мне о Гуго и его дарованиях. Одновременно он написал моей матери, что нашел для меня подходящего мужа.

Я все еще с тревогой думала о том, как отнесутся обезьяны к человеку, увешанному фото- и киноаппаратурой, но вместе с тем понимала, насколько важно снять документальный фильм о поведении шимпанзе. Кроме того, я рассчитывала на миролюбивый нрав Дэвида и не допускала мысли, что его слишком взволнует прибытие незнакомого человека.

В то первое после приезда Гуго утро Дэвид Седобородый пришел в лагерь очень рано: видно, он ночевал где-то поблизости. Я решила, что будет лучше всего, если Дэвид сначала привыкнет к новой палатке, а уж потом к ее обитателю. Поэтому Гуго остался в палатке и через щелку смотрел, как Дэвид ест бананы. А тот даже не взглянул в его сторону, пока не покончил с едой. После этого он неторопливо подошел к палатке, откинул полог и устроился на Гуго. Недовольно поворчав, он побрел прочь.

К моему великому удивлению, Голиаф и даже застенчивый Уильям, пришедшие спустя некоторое время, также довольно спокойно отнеслись к присутствию Гуго. Казалось, они считают его неотъемлемой частью обстановки лагеря. Благодаря этому Гуго в первый же день смог сделать отличные кадры, запечатлев эту троицу во всех видах: как они приветствуют друг друга и заботливо выискивают в шерсти, как выпрашивают один у другого пищу. На второй день Гуго повезло еще больше: ему удалось снять, как шимпанзе поймали и ели убитую ими обезьяну.

С того незабываемого дня, когда я впервые увидела, как Дэвид Седобородый ел поросенка, мне лишь раз довелось наблюдать поедание мяса у шимпанзе: жертвой был молодой бушбок, и опять-таки я не была уверена, что шимпанзе поймали его сами. И вот теперь мы с Гуго оказались свидетелями и охоты и убийства.

Это произошло совершенно неожиданно. Я поднялась с Гуго на Вершину, чтобы показать ему свое любимое место, и мы наблюдали за черно-красными гверецами, которые, по-видимому, отбились от своего стада. Вдруг мы увидели, как молодой самец шимпанзе осторожно вскарабкался на соседнее с обезьянами дерево, медленно полез вдоль ветки и сел. Три обезьянки сразу же пустились наутек правда, довольно неторопливо, как нам показалось. Четвертая осталась на месте, повернув голову в сторону шимпанзе. В ту же секунду другой молодой самец, выбравшись из густого подлеска, стремительно пронесся по ветке, где сидела эта обезьяна, и схватил ее. Молниеносно на то же дерево вскарабкались еще несколько шимпанзе. Крича и лая от возбуждения, они разорвали свою жертву на куски. Через минуту все было кончено.

Мы находились слишком далеко от места происшествия, чтобы снять сцену охоты на пленку. Да и произошло все так неожиданно, что Гуго едва ли успел бы что-нибудь сделать, даже если бы мы находились ближе. Но ему все-таки удалось сфотографировать, как шимпанзе поедают добычу.

После такого поразительно благоприятного начала удача изменила Гуго. Он сделал еще немало превосходных кадров с Дэвидом, Голиафом и Уильямом. Но для документального фильма всего этого было недостаточно. Гуго должен был зафиксировать по возможности все аспекты жизни шимпанзе. Получить эти кадры оказалось невероятно

трудно: шимпанзе боялись незнакомца, как раньше боялись меня. Даже Голиаф и Уильям сторонились его, когда встречали в лесу.

Вновь, как и во время пребывания здесь Джуди, я построила для Гуго несколько временных укрытий возле деревьев, на которых вот-вот должны были созреть плоды. Я даже воткнула в стенки укрытий пустые бутылки, чтобы приучить шимпанзе к поблескиванию линз фото- и киноаппаратов. Тем не менее они сразу же замечали объективы его камер, пугались и бесшумно удирали в лес.

Бедный Гуго! Чтобы не осложнять ситуацию, он никогда не брал с собой носильщика-африканца и сам таскал тяжелую аппаратуру. Долгие часы бродил он по скалистым склонам или по долинам, где обитали несметные полчища муравьев. Чаще всего Гуго вообще не встречал шимпанзе, а если они и попадались ему на глаза, то исчезали, прежде чем он успевал отснять хотя бы несколько метров будущего фильма.

И все же постепенно шимпанзе признали Гуго. Ведь он был представителем уже знакомой им породы белокожих обезьян, к одной из которых они успели привыкнуть. К тому же Дэвид Седобородый, как всегда, значительно ускорил этот процесс. Встретив меня или Гуго, он обычно отделялся от группы и подходил проверить, нет ли чу нас для него банана. Остальные шимпанзе внимательно наблюдали за его действиями и после этого гораздо спокойнее относились к присутствию Гуго.

Очень скоро после того, как Дэвид, Уильям и Голиаф начали приходить к нам в лагерь, я узнала, что им нравится жевать материю или картон. Особым успехом пользовалась пропотевшая одежда, вероятно, из-за привкуса соли. Как-то раз Гуго сидел, согнувшись в три погибели, в небольшом укрытии возле высокого плодового дерева. Шимпанзе забрались на ветки и увлеченно поедали плоды. Казалось, они совсем не замечали Гуго. Он начал снимать и вдруг почувствовал, как кто-то резко потянул камеру у него из рук. Он не сразу сообразил, что происходит, но потом увидел, как чья-то черная волосатая рука тянет к себе старую рубашку, в которую он завернул камеру, чтобы замаскировать линзы. Конечно, похитителем оказался Дэвид Седобородый. Он шел по тропе вслед за Гуго и, поравнявшись с укрытием, заметил заманчивый предмет. Гуго вцепился в другой конец рубашки и изо всех сил рванул ее к себе. Рубашка лопнула, а Дэвид с добычей куском ткани залез на дерево, присоединившись к остальной группе. Шимпанзе наблюдали за всем происходящим с нескрываемым интересом и после этого позволили Гуго произвести съемку, хотя от его укрытия почти ничего не осталось.

Прошел всего лишь месяц, а шимпанзе уже привыкли к Гуго и даже перестали обращать внимание на щелканье и жужжание его камер, если только он спокойно сидел на месте, а не ходил вокруг них. В тот год дожди начались очень рано, и Гуго, как и Джуди год назад, практически был лишен возможности проводить съемки. День за днем Гуго сидел в укрытии в ожидании обезьян. Сияет солнце, освещение великолепное, а шимпанзе все не появляются. И вот наконец они идут, Гуго хватает камеру и, как нарочно, начинает моросить дождь.

Тем не менее Гуго удалось получить первоклассный материал о поведении шимпанзе в горах. Кроме того, он продолжал снимать дружную тройцу в лагере.

Наши опыты по приручению Дэвида и его друзей с помощью бананов с первых же дней осложнялись присутствием павианов. Мимо лагеря ежедневно проходили большие стада этих обезьян, и некоторые взрослые самцы, например старый Шайтан, задерживались у нас в надежде получить бананы. Как-то раз, когда Дэвид, Голиаф и

Уильям сидели вокруг большой грозди бананов, на них набросился один особенно воинственно настроенный павиан. Уильям молниеносно улизнул от драки. Ухватив несколько бананов, он предпочел с безопасного расстояния наблюдать за развернувшимся сражением, губы его при этом тряслись от волнения. Убежал сначала и Дэвид. Но потом он подошел к Голиафу, который, не обращая внимания на суматоху, спокойно доедал свои бананы, и обхватил друга руками. Это прикосновение словно придало мужества Дэvidу: он повернулся к павиану лицом и принялся кричать и размахивать руками. А когда тот снова кинулся на него, Дэвид опять подбежал к Голиафу. На этот раз Голиаф поднялся, сделал несколько шагов по направлению к павиану, потом, выпрямившись, подпрыгнул и замахал руками, издавая яростные лающие звуки ваа. К нему присоединился и Дэвид Седобородый, хотя было видно, что он старается держаться позади своего друга. Павиан отступил, но тут же вновь налетел на Дэвида.

Это повторялось снова и снова: Голиаф насакивал на павиана, а тот, легко уклоняясь от него, каждый раз нападал на Дэвида, нанося ему сильные удары, хотя Дэвид и старался прятаться за спину друга. В конце концов Дэvidу и Голиафу пришлось отступить, а павиан, забрав свою добычу, отбежал на безопасное расстояние. Гуго сумел запечатлеть на пленке всю сцену, и этот эпизод остался одним из лучших в фильме примеров агрессивного столкновения между шимпанзе и павианами.

Национальное географическое общество согласилось финансировать работу Гуго в Гомбе-Стримере до конца ноября надо было снять, как шимпанзе используют орудия во время периода активной жизнедеятельности термитов. Я думала, что можно будет, как и в предыдущие годы, начать съемку уже в октябре. Однако вплоть до начала ноября мы не замечали никаких следов активности термитов, хотя и осматривали их гнезда каждый день. Наконец, когда до отъезда Гуго из заповедника оставалось всего две недели, термитники начали оживать. Как-то раз, осматривая недалеко от лагеря намеченное для съемки гнездо термитов, Гуго увидел на нем несколько влажных пятен. Он расчистил отверстие в одном из только что заделанных проходов, засунул в него травинку и с радостью почувствовал, как ее схватили насекомые. Шимпанзе же вели себя по меньшей мере странно. Дэвид, Уильям и Голиаф частенько проходили мимо термитника, но ни разу не попытались даже обследовать его. Гуго был в полном отчаянии. Однажды он специально шел впереди Дэвида с бананом в руке, чтобы привести шимпанзе к гнезду термитов. Когда Дэвид получил банан и начал есть его, Гуго протянул ему соломинку с вцепившимися в нее сочными насекомыми. Шимпанзе посмотрел на них и с глухим угрожающим кашлем выбил травинку из рук Гуго.

Тем не менее дней за десять до отъезда Гуго шимпанзе все-таки продемонстрировали свою ловкость в подготовке и использовании орудий. Гуго сумел снять Дэвида, Уильяма и Голиафа возле ближайшего к лагерю термитника. Получились захватывающие кадры, и Гуго надеялся с их помощью убедить Национальное географическое общество продолжить съемки шимпанзе в будущем году.

В конце ноября он уехал, и я снова осталась одна. Одиночество пока еще не тяготило меня, но уже и не доставляло такого полного счастья, которое я испытывала до приезда Гуго. В его лице я обрела друга, с которым могла делить не только свои успехи и неудачи, но и любовь к шимпанзе, лесам, горам, к дикой природе. Я показывала ему свои любимые места, куда, как мне казалось раньше, никогда не ступит нога другого белого человека. Вместе с ним мы пеклись на солнце и дрожали под дождем, накрытые полиэтиленовыми накидками. Я знала, что нашла в Гуго родственную душу человека, который понимал и глубоко ценил животных. Стоит ли удивляться тому, что теперь мне его не хватало.

Рождественские праздники того года запомнятся мне надолго. Я накупила бананов и разложила их вокруг маленького деревца, которое украсила серебряной фольгой и ватой. В это утро Голиаф и Уильям пришли в лагерь вместе и, увидев такое огромное количество бананов, громко закричали от возбуждения. Они обняли друг друга, причем Голиаф похлопывал Уильяма по широко открытому орущему рту, а тот держал свою руку на спине Голиафа. Наконец они успокоились и приступили к пиршеству, все еще продолжая тоненько повизгивать от удовольствия.

Дэвид пришел гораздо позже, сам по себе. Я села рядом с ним, как только он начал есть бананы. Он казался абсолютно спокойным, и через некоторое время я осторожно погладила его по плечу. Он машинально стряхнул мою руку, но я вновь попыталась сделать то же самое. На этот раз он действительно разрешил мне погладить его. Минуту, не больше. И опять сбросил мою руку. Но все-таки он позволил мне дотронуться до него, перенес физический контакт с человеческим существом, а ведь это был взрослый самец шимпанзе, который провел всю жизнь в джунглях. О таком рождественском подарке можно было только мечтать!

В тот день я пригласила к чаю нескольких африканцев с детьми. Сначала дети нервничали и чувствовали себя неловко. Но когда я достала для них бумажные шляпы и воздушные шарики, а также маленькие игрушки, они очень оживились и стали вести себя, как все дети на елке: бегали, шумели, возились и радовались. А воздушные шары произвели впечатление даже на величественного Идди Матату.

Когда мои гости разошлись, я почувствовала, что должна подняться на Вершину, мне необходимо было побыть в одиночестве хотя бы час. С наступлением темноты я поспешила домой, чтобы с наслаждением съесть праздничный ужин, о котором Доминик твердил все эти дни. Еще до отъезда Гуго с Домиником продумали его до мельчайших подробностей, начиная с фаршированного цыпленка и кончая чудесной подливкой к традиционному пудингу. Было уже темно, когда я вернулась в лагерь. При одной мысли об изысканной еде у меня потекли слюнки. Но меня ждало разочарование. Доминик решил по-своему отметить праздник: на столе были пустая тарелка, вилка и нож, а рядом стояла нераскрытая банка мясных консервов. Это и был мой рождественский ужин! Когда я спросила Доминика, где же цыпленок и все остальное, он громко захохотал и, несколько раз повторив: Завтра, завтра, пошел к огромной канистре емкостью восемнадцать литров, в которой, как я позже узнала, ему принес некий доброжелатель из деревни Бубанго местное пиво. На другой день Доминик искупил свою вину приготовил праздничный обед, несмотря на тяжелое похмелье.

Вскоре после рождества я должна была покинуть Гомбе-Стрим. Мне предстояло провести еще один семестр в Кембридже. Последние две недели моего пребывания в заповеднике были омрачены болезнью Уильяма. У него начался сильный насморк, глаза слезились, он беспрерывно кашлял; все его тело сотрясалось во время приступов этого сухого кашля. В первый же день болезни Уильяма я пошла из лагеря вслед за ним к этому времени я уже совершенно спокойно передвигалась по лесу в компании и Дэвида, и Уильяма, лишь Голиаф не позволял мне этого. Уильям прошел по долине несколько сотен метров, потом взобрался на дерево и построил большое гнездо из веток, устлав его листьями. В нем он пролежал часов до трех пополудни, сопя и кашляя. Иногда он затихал, наверное подремывая.

Несколько раз он совершенно определенно помочился в гнезде такое поведение настолько необычно для шимпанзе, что у меня не оставалось сомнений относительно того, как плохо он себя чувствует. Наконец он встал, пожевал немного листьев и медленно

побрел обратно в лагерь. Там он съел пару бананов, забрался на растущее возле моей палатки дерево и построил себе другое гнездо.

В тот вечер я долго не ложилась спать: была полная луна, но после полуночи набежали облака и начал накрапывать дождь. Я вышла из палатки, поднялась немного по крутому склону и теперь находилась выше гнезда Уильяма. Яркий луч моего сильного электрического фонарика осветил его, выхватив из темноты скорчившуюся фигурку: он сидел в своем мокром гнезде, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Дождь продолжал идти всю ночь с небольшими перерывами. В равномерное постукивание капель о крышу моей палатки изредка вмешивались звуки сухого кашля Уильяма. Когда же зашумел настоящий ливень, Уильям издал несколько дрожащих, тоскливых уханий и затих.

Утром он спустился вниз. Его бил сильный озноб. Дрожали даже длинные дряблые губы Уильяма, но теперь это уже совсем не казалось смешным. Как бы мне хотелось завернуть его в теплое одеяло и обложить грелками! Но я могла дать ему лишь несколько бананов.

Всю следующую неделю я провела рядом с Уильямом. Он держался недалеко от лагеря и занимал, как правило, разные гнезда. Несколько раз он присоединялся к Дэвиду и Голиафу, но, как только они уходили в сторону гор, возвращался в лагерь, будто понимал, что не может отправиться в длительное путешествие.

Однажды утром, когда я сидела рядом с Уильямом на склоне горы над нашим лагерем, я заметила, как причалила лодка с несколькими посетителями из Кигомы. К этому времени слава Дэвида Седобородого распространилась далеко за пределы заповедника, и люди иногда специально приезжали по воскресеньям в надежде увидеть его. Я должна была бы, конечно, спуститься вниз и поздороваться с прибывшими. Но я настолько привыкла к шимпанзе, что сама почти что испытывала чувство инстинктивной неприязни к незнакомцам. Уильям уже спускался к палаткам, и я пошла за ним. Он сел в кустах напротив лагеря, а я возле него. Вместе с ним мы следили за посетителями. Они выпили кофе, поболтали и, так и не увидев Дэвида, пустились в обратный путь. Интересно, что бы они подумали, если бы узнали, что я сижу в кустах рядом с шимпанзе и поглядываю на них как на чуждых пришельцев из неведомого мира.

За два дня до моего отъезда Уильям утащил одеяло из палатки Доминика. В течение некоторого времени он жевал его, потом пришел Дэвид Седобородый и присоединился к Уильяму, предварительно отведав несколько бананов. Примерно с полчаса оба миролюбиво сидели рядом, шумно и с удовольствием посасывая разные концы одеяла. Вдруг Уильям, как заправский клоун, на которого он так часто походил, натянул одеяло поверх своей головы и начал водить руками, будто он хотел на ощупь найти Дэвида и дотронуться до него через им же созданное препятствие. Дэвид с изумлением посмотрел на него и похлопал друга по руке. Вскоре оба скрылись в лесу, оставив мне лишь лежащее на земле одеяло и гулкие отзвуки сухого кашля. С тех пор я никогда больше не видела Уильяма.

7. Станция подкормки

Вернувшись в Гомбе-Стрим после вторичного пребывания в Кембридже, я узнала, что лагерь стала навещать старая Фло со своим семейством. Вместе с ней приходили двое из трех ее отпрысков: дочка Фифи, примерно трех с половиной лет, которая все еще сосала грудь (правда, всего по несколько минут каждые два-три часа), ездила на спине у матери и

спала с ней в одном гнезде, и сын Фиган, только что вступивший в период полового созревания. Он был старше Фифи года на четыре, но в отличие от других подростков почти все время проводил вместе с матерью и младшей сестрицей. Самый старший отпрыск Фло, Фабен, молодой самец лет одиннадцати, крайне редко появлялся с семейством.

Вначале наши новые гости вели себя довольно скованно: большую часть времени они проводили в окружающем лагерь густом кустарнике, лишь изредка выходя на открытое место, чтобы схватить несколько бананов. Но постепенно они привыкли к незнакомой обстановке; в присутствии Дэвида и Голиафа старая Фло чувствовала себя гораздо свободнее и подолгу задерживалась на поляне перед нашими палатками. Я, как и прежде, большей частью бродила по горам, наблюдая за жизнью шимпанзе. Но в те дни, когда группы обезьян отправлялись в дальние путешествия к южным или северным границам заповедника, я охотно оставалась в лагере в надежде, что Фло навестит нас. Рядом со мной был Гуго, которому удалось убедить Национальное географическое общество в необходимости продолжить съемки фильма о поведении шимпанзе. Вдвоем мы с нетерпением ждали посетителей и внимательно следили за ними.

Фло даже в те далекие дни выглядела очень старой. Худая, изможденная кожа да кости, с поредевшей выцветшей шерстью и стертymi до корней зубами, она производила жалкое впечатление. Но скоро нам стало ясно, что в этом слабом теле сильный дух: Фло занимала высшее по рангу положение среди самок, поведение ее отличалось крайней агрессивностью и решительностью.

Олли, которая в это время тоже стала навещать лагерь, являла собой прямую противоположность Фло. Если Фло чувствовала себя совершенно спокойно в компании взрослых самцов, выискивала у них в шерсти и даже позволяла себе выпрашивать бананы и кусочки картона, то Олли заметно нервничала. Когда же один из самцов, особенно высший по рангу, неожиданно приближался к ней, старая самка начинала хрипло, отрывисто кричать, пока не впадала в настоящую истерику. Мне кажется, что нервозность Олли имела свои причины: у нее на шее была большая опухоль, напоминающая зоб, заболевание, широко распространенное среди африканских женщин этой области[31].

Олли всегда избегала больших групп шимпанзе и перемещалась, как правило, только в сопровождении двухлетней дочери Гилки. Иногда с ними был и восьмилетний сын Олли Эверед. Именно он впервые привел мать в лагерь, так как был здесь раньше с Дэвидом и Голиафом. Когда Олли и Фло бродили по лесу, их четверо детенышей весело резвились среди деревьев. Отношения между двумя самками были весьма дружественными, но при малейшем конфликте если речь шла, например, о том, кому достанется единственный лежащий на земле банан, Фло всегда вела себя в соответствии со своим общественным статусом: стоило ей распушить редкую, будто изъеденную молью шерсть, как Олли тотчас ретировалась, негромко похрюкивая и обнажая зубы в знак покорности.

Как-то раз, когда Фиган и Эверед повздорили во время игры что нередко случалось между подростками, Фло тотчас бросилась на выручку сыну. Вздыбив шерсть, она снова и снова яростно нападала на несчастного Эвереда. Наконец тому удалось вырваться из цепких рук Фло. С криками и воплями он подбежал к матери, но Олли, хотя и выглядела чрезвычайно взволнованной и даже пыталась угрожающе лаять, не осмелилась напасть на свою более могущественную подругу, а только подошла к ней и коснулась рукой ее спины как бы в знак примирения.

К своим собственным детям Фло относилась с большей терпимостью. Как только Фифи начинала хныкать и выпрашивать пищу, мать немедленно оделяла ее бананом. Фло отказывала дочери лишь в том случае, если у нее оставался один банан. Но и тогда Фифи все же стремилась завладеть им. Начиналась отчаянная борьба: мать и дочь, вцепившись друг в друга, катались по земле и отчаянно визжали. Правда, такие случаи были достаточно редкими. Гилка никогда не посмела бы спорить с матерью. Она вообще почти не докучала ей просьбами, так как неизменно встречала отказ; в лучшем случае Гилке доставалась кожура от бананов. Но иногда, осмелев, она подходила прямо к нам, и мы совали ей в руки несколько плодов. Заметив это, Олли сразу же бросалась к дочери и выхватывала у нее бананы.

Несмотря на то что Фло довольно свободно чувствовала себя в компании взрослых самцов, она тем не менее никогда не спорила с ними из-за бананов, а терпеливо ждала, пока они наедятся, и лишь после этого осмеливалась взять то, что осталось. Но вот однажды дело было в июле 1963 года мы с Гуго с удивлением увидели, как она бросилась к бананам, торопясь присоединиться к только что начавшим трапезу Дэвиду и Голиафу. Скоро мы поняли, в чем дело: половая кожа Фло набухла и покраснела. После трехлетнего перерыва, связанного с рождением Фифи, она вновь стала привлекательной для самцов и могла позволить себе некоторое нарушение субординации.

У взрослых самок шимпанзе период течки, или эструс, сопровождается набуханием и покраснением кожи вокруг внешних половых органов. Набухание половой кожи может достигать значительных размеров и сохраняется таким в течение семи-десяти дней, после чего набухшая кожа съеживается и сморщивается. Обычно это происходит в середине менструального цикла, который длится около тридцати пяти дней. Самки подпускают самцов для спаривания только в дни максимального набухания половой кожи.

Старая Фло пользовалась необычайной популярностью у самцов. Один из ее поклонников, Рудольф, ни на шаг не отходил от своей дамы. В те дни Рудольф занимал высокое положение в табели о рангах и отличался огромными размерами тела и необычайной силой. Он повсюду сопровождал Фло, строил на ночь гнездо рядом с ее гнездом. Именно к нему подбегала Фло, испугавшись чего-нибудь, и он успокаивал ее своим прикосновением.

Как-то раз Фло привела в лагерь целую вереницу поклонников. Кроме Дэвида и Голиафа, которые тотчас вышли на лужайку и принялись есть бананы, там были Майк, Джей-Би, Мистер Мак-Грегор, Хаксли, Лики, Хью, Рудольф, Хамфри словом, почти все взрослые самцы, которых я знала. Они не решались приблизиться к палаткам и стояли в кустах. Позади них топтались несколько самок и детенышей. Потом наши новые гости все же осмелели и, соблазнившись бананами, вышли из зарослей.

Освоились они в лагере быстро и с этих пор стали его постоянными посетителями. Пришло время подумать об организации станции подкормки, которая бы служила приманкой для обезьян и позволила нам с близкого расстояния вести регулярные наблюдения за отдельными животными.

Прежде всего нас никак не устраивало простое выкладывание бананов на земле перед палатками. Во-первых, как мы убедились, взрослый самец может съесть в один присест до пятидесяти с лишним плодов, а во-вторых, нам все больше и больше докучали стада павианов. Нужно было придумать какой-то хитроумный способ распределения бананов. Решение этой проблемы заняло у нас несколько лет. Начали мы с того, что с помощью Хассана сделали бетонные ящики со стальными открывающимися наружу крышками и

врыли их в землю. Крышки запирались проволокой, прикрепленной к расположенным на некотором расстоянии рукояткам. Чтобы открыть крышку, нужно было вытащить штырь, закреплявший рукоятку, и повернуть ее натяжение проволоки ослабевало и стальные створки откидывались.

Ящики были установлены как раз в то время, когда в Гомбе-Стрим приехал молодой польский миколог Крис Пирожинский с целью изучения грибковых заболеваний в районе заповедника. Это произошло в начале декабря. Мы с Гуго собирались уезжать, и Крис согласился присмотреть за лагерем и вести наблюдения за шимпанзе во время нашего четырехмесячного отсутствия. С ним оставались прекрасные помощники Хассан и Доминик, которые с восторгом отнеслись к возможности делать самостоятельные записи в дневнике о поведении обезьян.

Мы с Гуго уже поняли, что любим друг друга. Но нам хотелось убедиться, не было ли это чувство неизбежным следствием того, что мы, двое европейцев, оказались в джунглях, вдали от привычного мира. А может, в иных, более цивилизованных условиях наши отношения изменятся? Мы были уверены в обратном, но решили все же проверить наши чувства, так как оба очень серьезно относились к браку. Я возвращалась в Кембридж, чтобы продолжить учебу, Гуго должен был присоединиться ко мне несколько позже, и мы вдвоем намеревались поехать в Вашингтон, где должны были показать фильм о шимпанзе перед членами Национального географического общества. Мы расставались на некоторое время, чтобы потом встретиться, но уже среди людей, а не обезьян. Как оказалось, все это было излишне, у нас обоих созрело окончательное решение еще в момент расставания, хотя мы ничего и не сказали друг другу.

Я уехала за неделю до рождества. Через несколько дней пришла телеграмма: СОГЛАСНА ЛИ ВЫЙТИ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ ТЧК ЛЮБЛЮ ТЧК ГУГО.

Мы решили пожениться в Лондоне после нашего возвращения из Америки. Праздник удался на славу. Фигурка Дэвида Седобородого венчала свадебный торт, а стены зала были украшены огромными цветными фотографиями Дэвида, Голиафа, Фло, Фифи и других наших друзей. К сожалению, с нами не было Луиса Лики, но он прислал приветственную речь, записанную на магнитофонной ленте. Недели за три до нашей свадьбы нам сообщили из заповедника, что Фло родила сына. Мы решили не отменять торжества, но ограничили медовый месяц тремя днями и тут же отправились в Гомбе-Стрим.

Однако добраться до шимпанзе было уже не так-то просто. Из-за сильных ливней реки вышли из берегов, дороги были размыты, и нам приходилось совершать многокилометровые объезды, а в одном месте даже перевозить лендровер на поезде. Когда мы наконец попали в заповедник, новорожденному сыну Фло исполнилось уже семь недель. Мы назвали его Флинтотом. Он был необычайно маленьким и хрупким, с совершенно голой розовой кожицей на животе и груди. Я все еще помню то неопишное волнение, которое охватило нас, когда Фло вместе с вцепившимся в нее младенцем подошла совсем близко к нам. Флинтот был само совершенство: его маленькое, бледное, морщинистое личико с блестящими темными глазами, круглыми розовыми ушками и слегка изогнутым ртом было обрамлено шапкой лоснящихся черных волос. Он вытянул одну ручку и согнул малюсенькие розовые пальчики, потом снова ухватился за шерсть Фло и начал нащупывать ротиком сосок. Фло помогла ему, приподняв его немного повыше. Он пососал минуты три, по-видимому заснул, и Фло медленно заковыляла прочь, бережно обхватив его рукой.

Самым первым новорожденного увидел Доминик. 28 февраля Фло приходила в лагерь с огромным животом, а на следующий день появилась уже с младенцем. Ее, как обычно, сопровождали Фифи и Фиган. Они оба долго и пристально рассматривали младенца, а потом Фифи занялась обыскиванием матери. После этого Фиган, казалось, потерял всякий интерес к своему новому братцу, зато Фифи была без ума от него.

У Доминика и Криса за время нашего отсутствия накопилась уйма новостей. Много новых шимпанзе, в том числе и несколько самок, начали регулярно посещать лагерь; Голиаф уступил свое лидерство Майку; Мелисса, одна из молодых самок наблюдаемой группы, забеременела. Услышали мы и менее приятные вести: поведение шимпанзе в лагере становилось ужасающе бесцеремонным. Они портили и ломали наши сооружения. Джей-Би научился вырывать из земли ящики и проволоку, так что Хассану пришлось залить их бетоном, а проволоку пропустить по дорогостоящим подземным трубкам. Тогда Джей-Би начал выкапывать трубки, так что и их пришлось заливать бетоном. Там, где не помогала грубая сила, действовала ловкость. Фиган и Эверед просовывали под проволоку палку и открывали стальные створки крышек. Увеличилось число шимпанзе, которые по примеру Дэвида забирались в палатки и разбрасывали вещи и постельные принадлежности. Пришлось убирать все имущество в массивные железные или деревянные ящики. С легкой руки Голиафа у всех обезьян вдруг проснулась страсть к брезенту. Шимпанзе усаживались небольшими группками и отрывали куски от палаток или рвали в клочья сиденья стульев и сосредоточенно жевали их. Некоторые палатки пришли в полную негодность. Потом в моду вошло дерево исчезла дверца у одного из шкафчиков, ножка у деревянного стула.

Но и это было еще не самое страшное: некоторые из самых крупных и дерзких самцов начали совершать набеги на хижины африканцев. Мы очень боялись, как бы кто-нибудь из рыбаков, пытаясь отстоять свое имущество, не напугал шимпанзе и не вызвал гнева сильных животных, а это могло привести к тяжелым последствиям африканцы и не подозревали, до какой степени шимпанзе перестали бояться людей. Мы тщательно обсудили эту проблему и пришли к единственному выводу срочно перенести станцию подкормки подальше от деревни, в глубь долины.

Как ни странно, переселение прошло сравнительно быстро и легко. Сначала с помощью Хассана мы установили в новом месте ящики для бананов, а потом перенесли туда же палатки и оборудование. Все это было сделано ночью, чтобы не вызывать беспокойства у шимпанзе.

Оставалось лишь познакомиться с новшеством самих обезьян. Утро я провела на станции подкормки в надежде, что кто-нибудь из шимпанзе случайно забредет сюда. Я приготовила для них бананы. Гуго был в нижнем лагере, и мы переговаривались с ним при помощи переносной рации. Часов в 11 Гуго сообщил мне, что в лагерь пришла большая группа обезьян и он ведет их к новому лагерю. Некоторое время он молчал, а потом я услышала его тяжелое дыхание и прерывистый голос. Я с трудом разобрала, что он говорит: он просил, чтобы я как можно быстрее разбросала вдоль тропы, ведущей к лагерю, побольше бананов.

Я схватила большую гроздь и помчалась навстречу Гуго. Вскоре я увидела его он бежал по тропе с ящиком под мышкой и бананом в руке. Швырнув назад этот единственный плод, Гуго, задыхаясь от бега, свалился на землю. И тут же на тропе показались шимпанзе. Они увидели разбросанные кругом бананы и, пронзительно крича от возбуждения, начали целоваться и обниматься в предвкушении неожиданного пира.

Постепенно их крики становились все глуше и глуше и наконец смолкли рты были набиты бананами.

Гуго рассказал мне, что он, взяв один банан, показал его Дэвиду, подхватил пустой ящик, в котором мы обычно хранили бананы, и побежал по крутой скользкой тропе, ведущей к новому лагерю. Гуго не был уверен в успехе своей затеи, но доверчивый Дэвид, издавая громкие лающие звуки, пустился за ним. Вслед за Дэвидом побежали еще несколько самцов. Гуго пришел в ужас он боялся, что взволнованные шимпанзе догонят его, выбьют ящик из рук и, обнаружив, что он пуст, придут в ярость.

Шимпанзе быстро привыкли к новому месту подкормки. Это не представляло для них особого труда, ведь они всегда кочевали по лесу в поисках пищи: вначале фиги поспевали в одной долине, потом в другой. Вот так же и бананы после чересчур долгого плодоношения в одном месте они созрели в другой части долины и, как прежде, в странных подземных ящиках.

В новом лагере, расположенном вдали от озера, шимпанзе чувствовали себя гораздо спокойнее. За бананами стали приходиться новые неизвестные нам особи. Это нас очень обрадовало мы могли наконец восполнить пробелы в наблюдениях: некоторые возрастные группы, в особенности подростки и юные самки, раньше почти совсем не посещали нашу станцию. Заметив нового пришельца, мы немедленно прятались в одной из палаток и следили за ним через окошечко с опущенной москитной сеткой. В отсутствие людей новичок быстрее привыкал к пугающей обстановке лагеря к непривычному для него виду палаток и ящиков. Мы даже вынимали из ящиков большие гроздья бананов и раскладывали их на видном месте в надежде, что вновь пришедший сможет выпросить несколько бананов у одного из наших старых знакомых или хотя бы подберет выброшенную кожуру. Однако новые гости вели себя очень нерешительно: они подолгу сидели на окружающих лагерь деревьях и внимательно следили за действиями своих сородичей. Мы же следили за ними, изнемогая от жары в раскаленной и душной палатке. Но наши страдания были не напрасными.

Как-то раз Голиаф появился возле лагеря в сопровождении незнакомой нам самки. Мы с Гуго быстро выложили перед ящиками гроздь бананов и спрятались в палатке. Увидев наш лагерь, самка молниеносно вскарабкалась на дерево и уселась там. Голиаф на минуту остановился, посмотрел на нее, потом перевел взгляд на бананы и решительно двинулся по направлению к лагерю. Пройдя несколько шагов, он снова остановился и опять посмотрел на самку. Она оставалась на прежнем месте. Голиаф пошел дальше, но в этот момент самка бесшумно спустилась с дерева и скрылась в кустах. Обнаружив ее исчезновение, Голиаф опрометью бросился назад. Через несколько минут самка уже карабкалась на дерево, а следом за ней взъерошенный Голиаф. Он начал лихорадочно обыскивать ее, но мысль о бананах, видимо, не давала ему покоя он то и дело посматривал в сторону лагеря. Голиаф не приходил уже почти десять дней, и теперь при виде бананов у него, должно быть, слюнки текли.

Наконец он спустился на землю и снова направился в лагерь, останавливаясь каждые два-три шага и оглядываясь на свою подругу. Она сидела неподвижно, но, судя по ее виду, не прочь была улизнуть. Постепенно Голиаф отдалился от самки настолько, что из-за густой листвы перестал ее видеть, поэтому ему пришлось вскарабкаться на дерево, чтобы посмотреть, на месте ли она. Самка сидела не шевелясь. Так продолжалось на протяжении всего пути до лагеря Голиаф влезал на дерево и, увидев самку, шел дальше.

Добравшись до лужайки, где стояли палатки, Голиаф столкнулся с еще более сложной проблемой с земли он не мог разглядеть самку, а деревьев поблизости не было. Трижды он поворачивал обратно, чтобы залезть на последнее дерево. Самка сидела на прежнем месте. Решившись наконец, Голиаф устремился к бананам. Он схватил всего один плод и бросился назад к дереву. Самка все еще была там, где он ее оставил. Голиаф доел банан, торопливо слез с дерева и, подбежав к бананам, схватил целую гроздь. Самка тем временем потихоньку соскользнула с дерева, то и дело оглядываясь в сторону лагеря, и, убедившись, что бдительное око Голиафа больше не следит за ней, незаметно исчезла.

Голиаф был потрясен. Бросив бананы, он начал разыскивать самку: обшаривал кусты, то и дело взбирался на деревья и высматривал ее, но так и не нашел самки и, отказавшись от бесплодных поисков, вернулся в лагерь. Там он сел на землю и принялся поедать бананы, поглядывая изредка на то место, где прежде сидела самка. Выглядел он совершенно измученным.

Вспоминается мне и другой случай. Немолодая мамаша, которую я не раз встречала в лесу, впервые пришла к лагерю. Она уселась на дереве, выбрав удобный наблюдательный пункт, а ее четырехлетний сын вошел в лагерь вместе с остальной группой обезьян. К нашему изумлению, он подошел прямо к палатке, поднял уголок полога и просунул свою маленькую черную мордашку внутрь а мы сидели, затаив дыхание и боясь пошевелиться, чтобы не испугать его. Он все так же спокойно опустил полог и начал разыскивать кожуру. Это был, без сомнения, самый смелый детеныш из всех, которых мы встречали.

Примерно в это же время мы впервые узнали о необыкновенных способностях Фигана. Число посетителей станции все возрастало, и прежняя система подкормки уже не удовлетворяла ни их, ни нас. Стальных крышек, изготовлявшихся в Кигоме по нашему заказу, было явно недостаточно, кроме того, нас беспокоило то обстоятельство, что самки и детеныши вообще не получали своей доли бананов. Поэтому мы стали прятать плоды в кроне деревьев. Подростки, в особенности Фиган, быстро научились отыскивать их. Однажды, уже после того, как группа закончила трапезу, Фиган увидел среди ветвей никем не замеченный банан. Но сразу же схватить его он не мог, так как под этим деревом сидел Голиаф. Быстро взглянув на Голиафа, Фиган отошел в сторону и сел за палаткой, откуда он не мог видеть банана. Минут через пятнадцать Голиаф поднялся и ушел, и тогда Фиган молниеносно бросился к дереву и схватил плод. Было совершенно очевидно, что Фиган оценил ситуацию: если бы он забрался на дерево раньше, Голиаф наверняка отнял бы у него плод. Оставаться на прежнем месте Фиган тоже не мог он бы то и дело поглядывал на банан и в конце концов местонахождение лакомства было бы обнаружено другими шимпанзе, которые тотчас догадались бы об этом по движению его глаз. Поэтому Фиган не только воздержался от немедленного удовлетворения своего желания, но даже на время ретировался, как хороший игрок, который делает ложный ход, чтобы не потерять всю партию, и таким образом оставляет последнее слово за собой. Мы с Гуго были потрясены действиями Фигана, и он еще не раз удивлял нас.

Как правило, стоит одному шимпанзе отделиться от группы, расположившейся на отдых, и решительно направиться прочь, как все остальные тоже встают и идут за ним. Подобное начинание может исходить не только от вожака, но и от самки и даже подростка. Однажды Фиган пришел на станцию в составе большой группы и поэтому смог ухватить всего лишь парочку бананов. Вдруг он встал и решительно затопал в лес. Остальные последовали за ним. Минут через десять он вернулся в полном одиночестве и спокойно съел свою долю бананов. Мы отнесли это за счет простого совпадения вероятнее всего, именно так оно и было в этот первый раз. Однако в дальнейшем описанная сцена повторялась снова и снова: Фиган уводил всю группу, а сам возвращался за бананами. Не

вызывало сомнений, что он делал это намеренно. Как-то раз после очередного маневра он беспечно вернулся в лагерь и обнаружил там взрослого самца, занимающего к тому же высокое положение в табели о рангах. Самец спокойно поедал бананы. Фиган долго и пристально смотрел на него, а потом истошно закричал и затопал ногами по земле. Все еще не прекращая кричать, он пустился догонять группу, которую только что увел, и его крики долго не умолкали вдали.

Наш лагерь был словно создан для молодоженов. Палатки прятались в густой тени пальмовой рощицы. Небольшая лужайка радовала глаз изумрудно-зеленой травой, а ярко-красные цветки свечных деревьев придавали особый колорит этой зелени. Порхали, собирая нектар, отливающие металлом нектарницы, а по вечерам мимо палаток пробегали осторожные бушбоки. На дальнем конце лужайки журчал ручей, в холодной горной воде которого мы купались по вечерам. Мы сами готовили завтрак и ленч. Гуго после того, как я стала его женой, почему-то решительно воспротивился возможности моего окончательного превращения в скелет. Вечером приходили Доминик и Садык, местный житель, которого мы наняли для работы в лагере. Они готовили ужин и занимались уборкой. Это было счастливое время: красота гор и лесов окружала нас, растущая любовь обогащала нашу жизнь, но едва ли не большую радость приносила нам наша работа. Мы вдвоем наблюдали за животными и узнавали о них много нового.

Через несколько недель нам удалось сделать интересное наблюдение. В тот день Гуго и я познакомились еще с одним приемом изготовления орудий у шимпанзе. Наблюдая за Олли, Гилкой и Эвередом, мы медленно брели за ними по лесу. Вдруг Эверед остановился, наклонился к стволу поваленного дерева и заглянул в небольшое углубление. Потом он сорвал немного листьев, пожевал их, вынул изо рта и запихал комок в это углубление. Когда он вынул массу изжеванных листьев, мы явственно увидели на них капли воды. Высосав жидкость из самодельной губки, Эверед снова погрузил ее в источник. В это время к нему подошла Гилка и стала внимательно наблюдать за его действиями. Когда братец, осушив источник, ушел, Гилка тоже сделала небольшую губку и засунула ее в углубление, но напиться ей не удалось, так как воды не осталось. Она бросила губку и ушла прочь. Позже, сделав небольшое искусственное углубление в стволе упавшего неподалеку от лагеря дерева, мы не раз наблюдали, как шимпанзе пользуются губками из листьев. Листья они предварительно всегда жевали, что, конечно, значительно увеличивало поглощающую способность такой губки. Это был еще один пример сознательного видоизменения предметов и использования их в качестве орудий.

Пожалуй, наибольшую радость в этом году мы получили, наблюдая за малюткой Флинтотом. Следить за развитием детеныша живущих на свободе шимпанзе, фиксировать малейшие изменения в его поведении, иллюстрировать его успехи с помощью фото- и кинокадров было по-настоящему интересно и увлекательно. Фло со своим семейством и прежде входила в число наших хороших знакомых; теперь же они стали неотъемлемой частью нашей жизни. Мы настолько свыклись с ними, что постепенно начали проникать в их психику. Интуитивно мы могли понять многие поступки обезьян, хотя и не всегда были способны объяснить их с помощью научной терминологии.

Картина развития Флинта оставалась несколько фрагментарной ведь мы опоздали на семь недель. Но вскоре нам удалось восполнить этот пробел с помощью первенца Мелиссы. Как-то раз вечером мы впервые увидели новорожденного младенца. Жара уже спала, солнце стояло совсем низко. Мелисса осторожно спускалась по склону к нашему лагерю, прижимая одной рукой к животу крошечное существо. Она то и дело останавливалась, казалось, будто что-то мешает ей и она пытается вытащить это что-то из

кустарника. Когда же она подошла ближе, мы увидели, что это была плацента, все еще соединенная с младенцем пуповиной.

Мелисса подошла прямо к нам, совершенно не опасаясь за своего первенца. Она была как во сне, глаза ее выражали полную растерянность, движения были замедленны и неточны. В лагерь пришел один из взрослых самцов, но Мелисса, которая раньше всегда спешила первая приветствовать своего более сильного собрата и старалась всячески угодить ему, теперь не обратила на него никакого внимания. Она не пошла за ним, когда он собрался уходить, а продолжала сидеть, скрестив ноги и обхватив рукой лежащего у нее на коленях младенца. Мы долго не могли разглядеть его лица нам мешала рука Мелиссы. Наконец она съела бананы, убрала руку и бросила долгий пристальный взгляд на своего первенца. Никогда в жизни мы не видели такой уродливо-смешной мордашки: большие уши, маленький сморщенный ротик, невероятно морщинистое личико землисто-голубого цвета. Глаза малыша были плотно прикрыты, и весь он походил на сморщенного гномика. Мы сразу же окрестили его Гоблином[32]. Мелисса еще некоторое время полюбовалась своим сыном, а потом, прижав его к животу, отправилась строить на ночь гнездо.

Мы с Гуго шли за ней на почтительном расстоянии. Через каждые пятнадцать-двадцать шагов Мелисса останавливалась и садилась отдыхать, потом вставала и шла дальше, волоча за собой плаценту. Уже в сумерках она забралась на высокое раскидистое дерево и стала устраиваться на ночлег. Мы едва различали ее. Ловко орудуя ногами и одной рукой, Мелисса построила большое гнездо, потратив на это восемь минут вместо обычных трех-пяти. Наконец она улеглась и затихла. Впервые с момента ухода от матери Мелисса делила гнездо с другим шимпанзе.

Мы молча возвращались в лагерь, думая, наверное, об одном и том же: о великом таинстве природы чуде рождения ребенка и вечных, как мир, чувствах молодой матери, впервые увидевшей свое дитя.

8. Фло и ее семья

Старушка Фло грелась на теплом утреннем солнце. Незадолго перед этим она всласть наелась пальмовых орехов и теперь, блаженствуя, лежала на спине и играла с Флинтом. Ухватив его тонюсенькую ручку своей огромной мозолистой лапой, она подняла малыша над собой, и он смешно болтался там, дрыгая ножками. Вот Фло протянула руку и пощекотала ему пах и шейку. В ответ Флинт широко раскрыл рот, изобразив на лице подобие улыбки. Эта игровая гримаса всегда появляется во время игры. Сидевшая возле них Фифи время от времени робко дотрагивалась до своего младшего братика.

Неподалеку резвились два старших сына Фло Фабен и Фиган. С тех пор как родился Флинт, Фабен стал проводить с семьей гораздо больше времени. Игра братьев становилась все оживленнее, я отчетливо слышала учащенное дыхание, которым и выражается почти беззвучный смех шимпанзе. Но вот Фабен, который был старше Фигана на три или четыре года, начал играть слишком грубо сидя на земле, он задирает ноги и ударял Фигана ступнями по голове. Через несколько минут Фигану это надоело. Он отошел от Фабена и направился к Фифи, намереваясь поиграть с ней. Тем временем Фло, прижав Флинта к груди, стала перебираться в тень, и Фифи пошла вслед за матерью, не обратив внимания на Фигана. Мы еще раз убедились в том, что Фифи очарована младшим братом и относится к нему с огромным интересом и все возрастающей привязанностью.

Вот и сейчас Фло сидела и покусывала шейку Флинта, щекоча ее своими стертými зубами, а Фифи тут же рядом быстро обыскивала шерстку на спине у братца. Мать не обращала на нее ни малейшего внимания, хотя раньше, когда Флинту еще не было двух месяцев, Фло не позволяла Фифи прикасаться к братишке и каждый раз отталкивала руку дочери. Чтобы потрогать Флинта, Фифи приходилось пускаться на хитрость: она начинала выискивать в шерсти у матери, подбираясь все ближе и ближе к цепким ручонкам малыша; на минутку прервав свое занятие и украдкой поглядев на мать, Фифи торопливо ласкала маленькие пальчики брата.

Когда Флинт подрос, Фло разрешила Фифи играть с ним. И та сидела теперь рядом и теребила его пальчики. Вдруг Флинт тихо заскулил видимо, Фифи сделала ему больно. Фло тотчас же оттолкнула руку дочери и прижала малыша к себе. Расстроенная Фифи надула губы и закачалась взад и вперед, не сводя глаз с Флинта и заложив руки за голову. Однако прошло совсем немного времени, и она снова, на этот раз более осторожно, начала играть с братом.

Детеныш шимпанзе, как и человеческий ребенок, подрастая, становился все более забавным и интересным не только для матери и других членов семьи, но также и для окружающих, включая и нас, исследователей. Та радость, которую мы получали, наблюдая за развитием Флинта и его успехами, могла сравниться, пожалуй, лишь с радостью воспитания собственного сына.

К концу третьего месяца Флинт научился самостоятельно передвигаться на теле матери, цепляясь за ее шерсть и помогая себе руками и ногами. В это же время его потянуло к Фифи, которая уделяла ему все больше и больше внимания. Она даже пыталась оттащить его от матери, но Фло всегда была начеку и всячески препятствовала этому. Правда, она никогда не наказывала дочь, хотя та настойчиво тянула малыша к себе. Иногда Фло просто отталкивала руку дочки или отходила с малышом в сторону. Если же Фифи чересчур упорствовала, Фло, стремясь отвлечь ее внимание от Флинта, начинала обыскивать ее или играть с ней.

От постоянного общения с младшими детьми Фло, казалось, даже помолодела. Мы не раз видели, как она затевала игры с Фиганом и двенадцатилетним Фабеном; она щекотала их или гонялась за ними вокруг ствола дерева, а маленький Флинт висел на ней, уцепившись за шерсть изо всех своих силенок. Однажды в самый разгар возни эта старая самка наклонила лысеющую голову к земле, оттолкнулась ногами и перекувырнулась. Потом, как бы почувствовав, что эта выходка ей не по возрасту, она отошла в сторону, села и с особой тщательностью занялась туалетом Флинта.

Когда Флинту исполнилось тринадцать недель, Фифи все-таки удалось забрать его у матери. Фло в этот момент была занята обыскиванием Фигана, а Фифи, поймав Флинта за ногу и не спуская глаз с матери, начала осторожно тянуть малыша к себе. Расстояние между ними все сокращалось, и наконец Флинт оказался в объятиях сестрицы: Фифи бережно положила его на живот, обхватила руками и ногами и затихла.

К нашему удивлению, Фло, казалось, ничего не заметила, по крайней мере в первые несколько минут. Но как только Флинт, никогда до этого не расстававшийся с матерью, протянул к ней ручки, скривил губы и издал жалобный и тревожный звук хуу, Фло решительно забрала его у дочери, прижала к груди и поцеловала в голову. Ища успокоения на груди у матери, Флинт потянулся к соску, но вскоре отвернулся и посмотрел на Фифи, которая сидела рядом, скрестив руки на затылке и выставив локти вперед, и не спускала с брата глаз. Минут через десять Фифи опять взяла Флинта к себе, и

снова Фло тотчас же забрала его, как только раздался жалобный писк. А Флинт, как и прежде, почувствовав себя в руках матери в полной безопасности, сразу успокоился и потянулся к груди.

После этого, случая Фифи стала брать малыша все чаще и чаще. Постепенно Флинт привык к ней и подолгу сидел у нее на руках. Иногда Фло даже позволяла дочери нести Флинта, когда они шли всей семьей по лесу.

Если же они путешествовали в составе большой группы, Фло никому не отдавала малыша. Иногда Фифи все же удавалось схватить его, и она стремительно убегала вперед. Фло, повизгивая, догоняла ее и забирала похищенного детеныша. Даже в этих случаях Фло никогда не наказывала Фифи просто она хватала дочь за лодыжку и отнимала у нее Флинта. Подчас Фло приходилось изрядно побегать вокруг деревьев, поползть под кустами и даже попрыгать по веткам, прежде чем ей удавалось вернуть себе Флинта. Нередко Фифи сама возвращалась к матери, слегка повизгивая и раскачиваясь как бы в знак послушания, но и тогда она все равно не отдавала детеныша по доброй воле.

Старшие братья на первых порах уделяли Флинту мало внимания: Фабен еще иногда пытался поиграть с малышом, а Фиган, казалось, боялся даже прикоснуться к нему. Если Флинт, по-детски дрыгая ручками и ножками, случайно дотрагивался до старшего брата, когда тот занимался выискиванием в шерсти у матери, Фиган, бросив быстрый взгляд на Фло, поскорей отодвигался подальше и старался не смотреть на Флинта. Хотя Фиган и был сильным молодым самцом, он все еще питал глубокое уважение к своей старой матери.

Мы с Гуго были свидетелями такого случая. Как-то раз Фифи забрала Флинта и занималась его туалетом метрах в десяти от Фло. Подошел Фиган и сел возле них. Флинт, не сводя с него широко раскрытых глаз, вытянул руку и попытался ухватиться за шерсть на груди брата. Тот вздрогнул от испуга, поднял вверх обе руки и замер в этой напряженной позе. Флинт тем временем придвинулся еще ближе и прижался к груди Фигана, а потом резко отпрянул от него, словно почувствовав что-то незнакомое. Фло и Фифи, с которыми он обычно общался, всегда прижимали его к себе, когда он тянулся к ним. Оттопырив губы, Флинт вернулся к Фифи, но затем, как будто все перепутав, заскулил и опять полез к старшему брату. На выручку поспешила Фло. Фиган при ее приближении несколько раз тревожно вскрикнул и поднял руки еще выше, как бы сдаваясь в плен. Фло забрала малыша, и лишь тогда Фиган медленно опустил руки, словно выходя из оцепенения.

Когда Флинту пошел пятый месяц, мамаша Фло впервые посадила его на спину: она взяла сына за руки и перекинула через плечо. Флинт почти сразу же сполз со спины и уцепился за руку матери. Фло прошла несколько метров, не обращая внимания на болтающегося у локтя Флинта, потом схватила сына и посадила на живот. На другой день Флинт держался на спине более уверенно, крепко вцепившись руками и ногами в редкую шерсть Фло. Правда, иногда он все же переползал на живот, но Фло всякий раз сажала его на место. После этого Флинт почти всегда ездил на спине Фло, и в этом не было ничего удивительного, так как все малыши шимпанзе в определенном возрасте начинают передвигаться именно таким образом. Удивительней было другое Фифи тоже стала сажать братишку на спину. Это был пример того, как обучаются детеныши шимпанзе, подражая поведению матери.

К пятимесячному возрасту Флинт великолепно овладел новым способом передвижения и лишь изредка съезжал со спины и болтался на руке или на животе матери.

В тех случаях, когда приходилось пробираться через кусты или когда шимпанзе были чем-то взволнованы, Фло сама сажала Флинта, как прежде, на живот. Скоро Флинт научился самостоятельно переползать на живот при малейшей опасности.

Примерно в это же время Флинт сделал свои первые шаги. Сначала он в течение нескольких недель учился стоять на земле на трех конечностях, уцепившись четвертой за Фло; иногда он мог даже сделать в таком положении два-три шага. Однажды утром Флинт отпустил Фло и твердо встал на землю всеми четырьмя ногами. Потом очень осторожно оторвал от земли переднюю конечность и выставил ее вперед. Затем поднял заднюю, поставил ее куда-то вбок, покачнулся и упал, при этом он ушиб нос и захныкал. Фло мгновенно схватила его и прижала к себе. Но это было только начало. Теперь Флинт ежедневно делал по несколько шагов, каждый раз увеличивая пройденное расстояние, хотя держался на ногах он крайне неустойчиво. Иногда, окончательно запутавшись в собственных руках и ногах, он падал, и Фло тотчас спешила ему на помощь. Частенько она поддерживала его рукой под животом, когда он шел своей неуверенной походкой.

Едва начав ходить, Флинт уже пытался взбираться на деревья. Как-то раз мы увидели, что он стоит, ухватившись руками за тоненькое деревце, с явным намерением залезть на него. Он задирает то одну, то другую ногу, но так и не смог удержаться за ствол и в конце концов шлепнулся на землю. Эта процедура повторялась несколько раз, но уже с поддержкой Фло, которая старалась предохранить его от падения. А уже через неделю после первой попытки Флинт вполне самостоятельно, хотя и неуклюже, вскарабкался на нижние ветки дерева. Совсем как наши дети, Флинт быстро обнаружил, что спускаться куда труднее, чем подниматься. За ним все время наблюдали Фло и Фифи; едва услышав тихий плач малыша, они спешили к нему на выручку и осторожно помогали спуститься на землю. Если ветка, на которой он раскачивался, начинала гнуться, Фло тотчас снимала его. При малейших признаках возбуждения среди членов группы Фло поспешно хватала детеныша и уносила в сторону.

Постепенно Флинт научился кое-как управлять своими конечностями при ходьбе. Правда, координация движений оставляла желать много лучшего, но он выходил из положения за счет скорости. Он уже осмеливался отойти от матери на несколько метров. Ему явно нравились эти самостоятельные вылазки от волнения его шерсть вставала дыбом, глаза делались еще огромнее, и весь он был похож на пушистый черный шарик, смешно подскакивающий и перекатывающийся.

Фифи по-прежнему была без ума от младшего брата. Она проводила с ним весь день, повсюду таскала его за собой, чистила ему шерстку, пока он спал. Фло, напротив, казалось, была не прочь хотя бы на время уклониться от своих материнских обязанностей и передать их дочери. Теперь она охотно позволяла Фифи похищать Флинта, но все время держала их в поле зрения и следила, чтобы поблизости не было какого-нибудь агрессивно настроенного самца. Не возражала она и когда другие детеныши приходили поиграть с Флинтом, но Фифи это явно не нравилось. Заметив Гилку или кого-нибудь из своих прежних товарищей возле Флинта, Фифи немедленно бросала все свои дела и, распушив шерсть, размахивая руками и топая ногами по земле, прогоняла прочь непрошеного гостя. Иногда ей удавалось отогнать и взрослых шимпанзе, но только тех, которые стояли по рангу ниже ее матери. Угрожая им, Фифи, по-видимому, была уверена, что в случае чего Фло всегда придет ей на помощь. Это было очевидно и жертвам ее агрессивности.

Однако Фифи приходилось мириться с Фабеном и Фиганом, которые теперь тоже проявляли большой интерес к своему маленькому братцу. Они часто играли с ним, щекотали его или раскачивали взад и вперед, когда он висел, уцепившись ручонками за

ветку. Но Фифи нашла способ отвлечь внимание старших братьев от Флинта. Не раз во время игры она подходила к расшумевшемуся Фигану и сама начинала возиться с ним. Подросток тотчас забывал о малыше, и Фифи, закончив игру, спокойно забирала Флинта. Мы удивлялись, с какой ловкостью она демонстрирует тот самый прием, который совсем недавно применяла мать, пытаясь отвлечь ее внимание от Флинта.

Фифи никогда не вмешивалась, если Флинт подходил к кому-нибудь из взрослых самцов; она спокойно смотрела, как Дэвид, Голиаф или Майк пошлепывали Флинта или осторожно обнимали его. Однако со временем Флинт, совсем как избалованный ребенок, стал требовать все большего внимания к себе. Как-то раз, когда он приблизился к Мистеру Мак-Грегору, старый самец встал и отошел прочь. Я подозреваю, что он сделал это не нарочно просто случилось так, что именно в этот момент он решил уйти. Флинт замер на месте, удивленно вытаращил глаза и вдруг поспешно заковылял вслед за удалявшимся самцом. Догнать его Флинт, конечно, не смог, так как то и дело тыкался носом в землю, и поэтому жалобно захныкал. Фло немедленно кинулась на выручку. С тех пор это вошло в привычку. Стоило кому-нибудь из взрослых самцов не обратить внимания на Флинта, как он тут же впадал в истерику. Самец, встревоженный плачем детеныша, как правило, останавливался и дожидался ковыляющего вслед за ним шимпанзенка, чтобы успокоить его шлепком или прикосновением.

Месяцам к восьми Флинт уже довольно устойчиво держался на ногах и принимал активное участие в шумных играх Фифи; они гонялись вокруг кочек, или катались по земле, или щекотали друг друга. Теперь Флинт мог минут по пятнадцать обходиться без матери: он самостоятельно играл или обследовал окружающие его предметы, но никогда не отходил далеко от Фло. Начался сезон ужения термитов. Как-то раз вся семья возилась около термитника: Фло удила, Фифи и Фиган поедали насекомых, но это занятие порядком надоело им, и они хотели уйти. Старушка Фло, однако, не собиралась этого делать она трудилась около двух часов, но была явно неудовлетворена результатами, так как ужение шло не очень успешно. Несколько раз Фиган вставал и решительно направлялся по тропе в лес, но, оглянувшись на Фло, возвращался назад.

Флинту, по-видимому, было безразлично, где он находится. Он лениво бродил по термитнику, иногда прихлопывал попавшегося под руку термита. Вдруг Фиган снова поднялся и подошел к Флинту. Умело имитируя позу матери, которая призывает детеныша занять свое место у нее на спине, Фиган согнул ногу и протянул руку, издавая негромкие просящие звуки. Флинт тотчас же заковылял к брату, и тот, не переставая скулить, обхватил малыша рукой и осторожно посадил на спину. Бросив взгляд на Фло, Фиган с ценной ношей торопливо пошел по тропе. Через несколько секунд Фло оставила свое занятие и присоединилась к Фигану.

В который раз мы были потрясены изобретательностью Фигана, хотя и не могли с полной уверенностью утверждать, что в своих действиях он руководствовался определенными намерениями. Через пару дней Фифи проделала абсолютно то же самое. А еще через неделю мы были свидетелями того, как Фабен приложил Флинта к груди после безуспешных попыток увести мать от термитной кучи. До этого Фабен никогда не брал Флинта на руки. Теперь у нас уже не возникало сомнений в том, что старшие отпрыски Фло нарочно похищали Флинта, чтобы заставить мать прекратить свое занятие. Правда, им это не всегда удавалось. Частенько Флинт убегал от похитителей и возвращался к матери. А иногда Фло сама отбирала Флинта и вновь принималась за ужение, в особенности если оно шло успешно. Потерпевший неудачу похититель лениво плелся за матерью, но через некоторое время возобновлял свои попытки утащить Флинта.

Флинт был, естественно, еще слишком мал и не питал никакого интереса к термитам. Ползая по термитнику, он играл с выброшенными травинками и иногда прихлопывал некоторых насекомых, но никогда не пытался есть их. Основной его пищей на протяжении этого и последующего годов оставалось материнское молоко, хотя Флинт любил пожевать и фиги и бананы. Единственное, чему он научился во время термитного сезона, слизывать с руки. Когда термиты ползают прямо на поверхности кучи, взрослые шимпанзе собирают их тыльной стороной запястья, а потом губами снимают запутавшихся в шерсти насекомых. Однако Флинт стал лизать все подряд землю, свои собственные руки, спину матери, словом, все, кроме термитов. И хотя Флинт иногда очень внимательно следил за деятельностью старших членов семьи, научиться каким-нибудь полезным навыкам он пока не мог.

Фифи, напротив, была умелым удильщиком. Когда Флинт, желая поиграть с сестрой, выхватил из термитника ее удочку и рассыпал сочных термитов, она совершенно явно рассердилась и резко оттолкнула его. Теперь она все чаще и чаще выражала неудовольствие поведением брата. Правда, иногда она все еще играла с Флинтом, но что-то было безвозвратно утрачено, и мы никогда больше не замечали у нее прежней фанатической привязанности к брату. Она уже не опекала его так ревностно, как раньше, и не охраняла от других шимпанзе.

Круг друзей Флинта стал быстро увеличиваться. Гилка или кто-нибудь еще из детенышей то и дело приходили поиграть с ним. Фифи больше не бросалась на них и не запрещала носить Флинта, чистить его шерстку и возиться с ним. Шимпанзенок и сам заметно изменился: он подрос, стал более самостоятельным. Фифи уже не могла обращаться с ним как с куклой, даже если ей хотелось по-прежнему повозиться с братом; теперь он без труда освобождался из ее объятий.

Он стал гораздо больше и тяжелее. Как-то раз Флинт спал на коленях Фифи, крепко ухватившись за ее шерсть. Хватка была, по-видимому, болезненной, и Фифи очень осторожно, чтобы не разбудить брата, отцепила сначала одну его руку, потом вторую. Флинт, потревоженный во сне, ухватился за нее еще сильнее. И тогда впервые Фифи отнесла его к матери.

В год Флинт все еще не слишком твердо стоял на ногах, но с радостью принимал участие в любой игре и научился приветствовать каждого, кто присоединялся к их группе. Между тем иерархические взаимоотношения в сообществе осложнились, так как появился новый претендент на роль вожака. Драматическое восхождение Майка и схватка характеров, которая в конце концов привела к поражению Голиафа, начались еще в период младенчества Флинта. В то время он не осознавал значения этих событий, однако у подросткового Флинта лидерство Майка не вызывало сомнений.

9. Иерархия

Восхождение Майка на высшую ступень иерархической лестницы было необычайно интересным и эффектным. В 1963 году Майк был одним из самых зависимых самцов: он получал доступ к бананам, в последнюю очередь и практически любой взрослый самец мог угрожать ему и даже нападать на него. Одно время он потерял так много шерсти из-за постоянных схваток с агрессивными самцами, что выглядел почти совсем облысевшим.

Положение Майка не изменилось и к концу года, когда мы с Гуго уезжали из заповедника, намереваясь пожениться. Вернувшись спустя четыре месяца, мы не узнали Майка. По словам Криса и Доминика, восхождение Майка началось с того, что он стал

сбирать пустые канистры из-под керосина и, используя их в качестве средств для демонстрации собственной силы, запугивал своих собратьев.

Прошло несколько дней, и мы сами стали свидетелями уникальных приемов Майка. Особенно хорошо мне запомнился один эпизод. Пять взрослых самцов, среди которых были высший по рангу Голиаф, Дэвид Седобородый и огромный Рудольф, занимались взаимообыскиванием. Эта процедура продолжалась довольно долго. Майк сидел метрах в тридцати от них и сам приводил в порядок свою шерсть, искоса поглядывая в сторону группы.

Вдруг он встал, спокойно подошел к нашей палатке и схватил за ручку пустую канистру из-под керосина. Затем вооружился второй канистрой и, выпрямившись во весь рост, вернулся на свое прежнее место. Там он, пристально глядя на остальных самцов, начал раскачиваться из стороны в сторону. Вначале Майк делал это едва заметно, но постепенно амплитуда качаний увеличилась, шерсть его встала дыбом, и он издал серию ухающих воплей. Не переставая кричать, Майк вскочил на ноги и неожиданно бросился к группе самцов, неистово колотя выставленными вперед канистрами. Пронзительные вопли смешивались с грохотом жестянок и создавали невообразимую какофонию; не мудрено, что миролюбиво настроенные самцы поспешили убраться с дороги. Майк со своими канистрами пробежал далеко вперед, и на несколько минут воцарилась тишина. Вскоре часть самцов вернулась к прерванному занятию, а часть все еще стояла поодаль, опасливо поглядывая по сторонам.

Через некоторое время вновь послышалось низкое хриплое уханье и грохот канистр, и на лужайке появился Майк. Он бежал прямо к группе самцов, заставив всех снова броситься врассыпную.

Но этого Майку было мало. С целью утратить своего основного соперника Голиафа он в третий раз начал демонстрацию. Громя канистрами, Майк ринулся на него, и Голиаф всемогущий Голиаф! поспешил уступить ему дорогу. Только тогда Майк остановился и сел, тяжело дыша. Выглядел он довольно свирепо: шерсть стояла дыбом, глаза сверкали, нижняя губа слегка отвисла, обнажая ярко-розовые десны. На поляне снова воцарилась тишина.

Рудольф первым из самцов приблизился к Майку. Негромко похрюкивая, он склонился к самой земле и прижался губами к бедру Майка в знак покорности. Потом он начал быстро обыскивать нового властелина; через некоторое время к нему присоединились еще два самца. В конце концов и Дэвид Седобородый подошел к Майку, коснулся его паха и занялся туалетом. Лишь один Голиаф по-прежнему сидел в стороне и пристально глядел на своего соперника. Было совершенно очевидно, что Майк хочет завоевать главенствующее положение в группе и бросает вызов прежде неоспоримому лидерству Голиафа.

Намеренное использование принадлежащих человеку предметов, без сомнения, свидетельствовало о незаурядных способностях Майка. Другие взрослые самцы тоже иногда завладевали керосиновыми бачками и с грохотом таскали их за собой вместо привычных веток, производя немыслимые шумовые эффекты, но только один Майк сумел закрепить случайный опыт и начал использовать канистры с определенной целью. Вскоре он научился управляться сразу с тремя канистрами. Держа их перед собой и колотя друг о друга, он пробегал по лужайке не менее шестидесяти метров. Не удивительно, что самцы более высокого ранга в страхе разбежались.

Демонстрационное поведение обычно свидетельствует о сильном эмоциональном возбуждении шимпанзе: когда обезьяна находит источник пищи, встречается с чужой группой либо просто нервничает. Однако казалось, что Майк заранее и совершенно хладнокровно планирует свои угрозы. Когда он вставал и шел за канистрами, в его поведении, как правило, не было заметно и тени нервозности или волнения. Это проявлялось гораздо позже, когда он начинал раскачиваться, взъерошивать шерсть и ухать.

Постепенно манипулирование канистрами становилось небезопасным: как-то Майк больно ударил меня жестяной по затылку, а в другой раз чуть не разбил дорогую кинокамеру. Мы убрали канистры, и тогда Майк начал хватать все, что попадет под руку. Однажды он потащил за собой треножник Гуго, к счастью без фотоаппарата, потом повалил большой шкаф, где хранилась вся наша посуда, учинив невообразимый шум и тарарам. Когда мы стали прятать вещи или закапывать их в землю, Майку пришлось довольствоваться ветками и камнями, как и всем прочим обезьянам.

Но к этому времени Майк настолько вырос в глазах своих сородичей, что за ним прочно утвердился статус главенствующего самца. Правда, сам он еще не привык к своей новой роли и продолжал всячески демонстрировать собственное превосходство. Обезьяны, занимавшие низшие ступени иерархической лестницы, имели все основания для того, чтобы бояться его: он часто кидался на самок или детенышей по самому ничтожному поводу. Особенно напряженные отношения установились, как и следовало ожидать, между Майком и Голиафом прежним предводителем группы.

Голиаф не хотел добровольно уступать почетного места. Он в свою очередь стал более агрессивным, и сам теперь нередко прибегал к устрашению соперника. Одно время, в самом начале борьбы за власть, мы с Гуго даже всерьез опасались за здоровье Голиафа. Он нападал на детенышей, расхаживал взад и вперед, волоча за собой огромные ветки, садился, распушив шерсть, бока его тяжело вздымались, слюна тоненькой струйкой сбегала из полураскрытого рта, а глаза лихорадочно блестели. Вид у Голиафа в эти минуты был настолько ужасный, что нам пришлось даже заказать в Кигоме железную клетку, в которую мы спрятались во время этих припадков безумия.

Как-то раз, когда Майк находился в лагере, раздались отчетливые, довольно мелодичные ухающие крики с характерными вибрирующими звуками это Голиаф возвещал о своем возвращении. Последние две недели он провел где-то в южной части заповедника. Майк немедленно заухал в ответ и настроился на воинственный лад: пересек лужайку, вскарабкался на дерево и уселся там, распушив шерсть и глядя в сторону долины.

Спустя несколько минут на лужайке появился Голиаф, и мы стали свидетелями захватывающего спектакля. Голиаф, должно быть, увидел Майка, так как направился прямо к нему, волоча за собой огромную ветку. Подойдя к соседнему дереву, он вскочил на него и замер. С минуту Майк выжидающе смотрел на Голиафа, а потом и сам начал демонстрировать свою силу: он раскачивал ветки, прыгал на землю, бросал камни и наконец, вскочив на дерево, где сидел Голиаф, принялся яростно трясти его. Как только он остановился, в игру вступил Голиаф: он стал раскачиваться на дереве и прыгать по веткам. В результате одного из таких прыжков он очутился совсем рядом с Майком, и тот вновь стал демонстрировать богатый арсенал своих приемов. В течение нескольких минут два достойных соперника раскачивали ветки, стоя друг перед другом, и так сотрясали дерево, что оно должно было вот-вот рухнуть. Потом соскочили на землю и продолжали поединок в кустарнике. Наконец они оба прекратили угрозы и уселись, пристально глядя

друг на друга. Первым нарушил перемирие Голиаф он встал во весь рост и начал изо всех сил трясти молодое деревце. Едва он остановился, как позади него раздался шум это Майк принялся разбрасывать камни и барабанить ногой по стволу.

Так продолжалось около получаса: самцы демонстрировали свою силу по очереди, и каждое новое демонстрирование казалось более сокрушительным, более эффективным, чем предыдущее. Но за все время баталии ни один из самцов по-настоящему так и не атаковал соперника, ограничившись лишь случайными ударами веток. Вдруг совершенно неожиданно после затянувшейся паузы Голиаф отказался от дальнейшего участия в спектакле по-видимому, у него сдали нервы. Он подбежал к Майку, склонился перед ним с громким нервным повизгиванием и начал лихорадочно перебирать шерсть победителя. Майк в течение нескольких минут полностью игнорировал старания Голиафа, но вдруг повернулся и с неменьшим рвением занялся туалетом своего побежденного соперника. Они сидели целый час, без передышки обыскивая друг друга.

Это была последняя настоящая дуэль двух самцов. Голиаф как будто признал превосходство Майка, и между ними установились весьма странные, натянутые отношения. Они приветствовали друг друга, нередко проявляя слишком бурные эмоции: обнимали, целовали в шею и похлопывали друг друга, а потом, как правило, начинали выискивать в шерсти. Тесный физический контакт, казалось, успокаивал их, снимал напряженность взаимоотношений. После этого они могли кормиться или отдыхать рядом и выглядели при этом такими миролюбивыми и дружелюбными, как будто между ними никогда и не было острого соперничества.

Одна из наиболее удивительных особенностей шимпанзе состоит в том, что эти столь вспыльчивые и при некоторых обстоятельствах агрессивные животные, как правило, поддерживают друг с другом вполне миролюбивые отношения. Однажды я вышла из лагеря вслед за небольшой группой обезьян, в составе которой были Майк, старый Джей-Би и Фло с Флинтсом, Фифи и Фиганом. Мы пересекли ручей и углубились в густой лес, растущий на противоположном склоне. Обезьяны остановились возле высоких деревьев, выбрав для отдыха одно из тех мест, где они любили растянуться и полежать в тени. Фифи вскарабкалась на дерево и построила себе небольшое гнездо. Фиган и Джей-Би задремали прямо на земле. Фло со спящим Флинтсом на руках занялась туалетом Майка. Потом и они улеглись отдыхать.

Через некоторое время Майк дотянулся до руки Фло и почти незаметно начал перебирать ее пальцы. В ответ Фло крепко сжала его руку, потом отпустила ее, даже оттолкнула прочь, но лишь для того, чтобы тотчас же вновь схватить. Спустя несколько минут Майк сел, наклонился над Фло и принялся щекотать ей шею и пах. Фло придерживала Флинта одной рукой, другой пыталась защититься. Сотрясаюсь от приступов характерного для шимпанзе беззвучного смеха, она, не в силах больше вынести этой игры, откатилась от Майка. Но Фло была возбуждена эта старая самка со стертymi до корней зубами очень скоро сама пододвинулась к Майку и стала щекотать ему ребра своими костлявыми пальцами. Настал черед Майка смеяться, он схватил ее за руки и снова начал щекотать.

Минут через десять Фло, задыхаясь от смеха, вновь, на этот раз окончательно, отошла прочь. Майк лежал на земле с самым добродушным видом. А ведь всего каких-нибудь два часа назад этот же самец яростно набросился на Фло и безжалостно отколотил ее только за то, что она осмелилась взять для себя несколько бананов из соседнего с ним ящика. Как же могла она теперь, спустя такое короткое время наслаждаться его обществом? Дело, по-видимому, в том, что самец шимпанзе, легко наносящий обиду, столь же быстро

стремится успокоить свою жертву прикосновением, похлопыванием по спине или дружеским объятием. Так было и с Фло. Жестоко избитая Майком, с пораненной о камень рукой, она тем не менее бежала вслед за обидчиком, хрипло крича до тех пор, пока Майк не остановился. Подойдя к нему, Фло почтительно склонилась к земле, и Майк несколько раз похлопал ее рукой по голове, а потом, когда она успокоилась, коснулся губами ее лба, как бы даруя окончательное прощение.

Сумел бы Майк завоевать главенствующее положение, если бы я со своими канистрами не вторглась в жизнь шимпанзе? Мы никогда не сможем ответить на этот вопрос, но мне кажется, что в конце концов он добился бы своего. Майк стремился к лидерству черта, резко выраженная у одних индивидуумов и почти полностью отсутствующая у других. Кроме того, он обладал совершенно явными способностями и незаурядным мужеством. Вскоре после его возвышения некоторые из самцов, стоявших на высших ступенях иерархической лестницы, попытались вновь ниспровергнуть самозванца. Но Майк не отступал. Как-то раз он ворвался в лагерь, швыряя камнями, и мимоходом задел Дэвида Седобородого. Дэвид не отличался особой воинственностью он всегда старался избежать неприятностей, а если ему это не удавалось, предпочитал спрятаться за спину более сильного собрата, например Голиафа; но доведенный до бешенства, он становился по-настоящему опасным.

На этот раз Дэвид с громким криком отбежал в сторону, остановился и начал издавать пронзительные, лающие звуки ваа. Затем он торопливо подошел к Голиафу и обнял его, потом повернулся в сторону Майка и вновь стал кричать. Мы с Гуго уже хорошо знали Дэвида и с первого взгляда поняли, что он в ярости. Внезапно он ринулся к Майку, к нему присоединился Голиаф, криками вторя другу. Майк с намерением продемонстрировать свою силу бросился по лужайке к другой группе самцов. Те пустились было наутек, но так как Дэвид и Голиаф продолжали кричать, остановились и присоединились к ним. Теперь против Майка было уже пять сильных взрослых самцов, в числе которых находился и прежний вожак Голиаф. Майк еще раз пересек лужайку, а вслед за ним и все остальные, с Дэвидом во главе. Громко крича, Майк залез на дерево, преследователи за ним. Мы с Гуго были уверены, что, воспользовавшись этой ситуацией, Голиаф восстановит утерянные позиции.

К нашему удивлению, Майк не перепрыгнул на соседнее дерево и не попытался удрать, а вместо этого повернулся и, все еще крича, начал бешено раскачивать ветви. В следующую секунду он совершенно неожиданно прыгнул прямо туда, где сидели пятеро самцов. Те в панике бросились наутек и буквально посыпались с дерева, налетая друг на друга. Добравшись до земли, они побежали прочь. Теперь уже Майк по пятам преследовал их. Потом он остановился и сел, с распушенной шерстью и свирепо сверкавшими глазами, а запуганные соперники, опасливо поглядывая, держались поодаль от него. Майк одержал эту победу исключительно благодаря своей смелости и мужеству.

Майк завоевал главенствующее положение среди тех сородичей, которые обитали в нашей долине. Но это было не единственное сообщество шимпанзе на территории заповедника: в южной и северной его частях я насчитала по меньшей мере еще два других. Многие животные из этих групп почти никогда не бывали в нашей долине, но, без сомнения, все три сообщества до некоторой степени смешивались между собой.

Так, один взрослый самец, принадлежавший, насколько мы знали, к южному сообществу, начал посещать нашу станцию. Обычно он проводил в окрестностях лагеря около недели, а потом надолго исчезал, видимо, возвращался к месту обитания своей группы. Когда же он стал регулярно наведываться к нам, то самцы, завсегдаи станции

подкормки, весьма недружелюбно отнеслись к непрошеному гостю, хотя сами и приводили в лагерь чужих самок.

Я не раз видела, как миролюбиво встречались друг с другом шимпанзе из разных сообществ, как они кормились рядом. Однако сам Майк с большой неохотой подпускал к своей группе обезьян, живших к северу или югу от его территории. По обыкновению, едва завидев чужака, Майк начинал запугивать его, а затем уходил, уводя за собой часть группы, в то время как остальные его подданные смешивались с вновь прибывшими.

Сообщество шимпанзе отличается необычайно сложной структурой. Полностью понять и оценить ее я смогла лишь после продолжительных наблюдений за большим количеством шимпанзе, посещающих нашу станцию, и их взаимоотношениями друг с другом. Поскольку состав групп во время ежедневных передвижений постоянно меняется, создается впечатление, что организация стада носит случайный характер. Однако это далеко не так: каждый индивидуум хорошо знает свое положение в сообществе и свое место по отношению к любому из его членов, которого он может встретить в течение дня. Стоит ли удивляться разнообразию приветственных жестов, по которым наблюдатель может безошибочно определить, в каких отношениях друг с другом находятся встречающиеся шимпанзе? Покорное повизгивание и смиренная поза, с которыми Фиган подходит к взрослому самцу, добываясь его расположения, по-видимому, означают следующее: Я знаю, что ты выше меня по рангу. Я признаю это. Я хорошо помню, что мне здорово попало на прошлой неделе. А дружеское прикосновение, которым Майк удостоил подчиненную самку в ответ на ее приветствие, может быть расшифровано таким образом: Я ценю твое уважение и в данный момент не собираюсь на тебя нападать.

По мере того как мы с Гуго все глубже проникали в жизнь сообщества шимпанзе, нам становилось ясно, что взаимоотношения между взрослыми животными могут складываться по-разному: некоторые из них мало контактировали друг с другом и сталкивались лишь в тех случаях, когда оказывались на одном плодоносящем дереве или возле привлекательной для них самки. Зато другие часто передвигались вместе и испытывали явную взаимную привязанность, которую вполне можно было охарактеризовать человеческим словом дружба. Мы узнали, что дружба шимпанзе бывает многолетней, скрепленной необычайно прочными узами, или недолговечной, случайной; научились различать индивидуальные особенности некоторых самцов и самок. И чем больше мы узнавали, тем больше поражались, насколько поступки шимпанзе и характер их взаимоотношений могут напоминать наши, человеческие.

Крепкая дружба, подобная той, которая была у Голиафа и Дэвида, встречалась в основном среди самцов шимпанзе. Майк и раздражительный Джей-Би тоже нередко путешествовали вместе. Когда я впервые познакомилась с ними, Джей-Би занимал более высокое положение в табели о рангах, чем Майк, однако после операций с канистрами он, так же как и остальные самцы, был низведен в разряд подчиненных. Но как только Майк прочно утвердился в роли вожака, Джей-Би заметно поднялся по иерархической лестнице. Благодаря близости к Майку он стал по рангу выше Голиафа и других самцов, которым ему прежде приходилось всегда уступать дорогу. Все они, за исключением Голиафа, быстро признали главенствующее положение Джей-Би, и лишь один Голиаф продолжал демонстрировать свое превосходство над ним, правда при условии, если поблизости не было Майка. Я хорошо помню, как однажды Голиаф отогнал Джей-Би, когда тот попытался подойти к его ящику с бананами. Джей-Би тотчас же отбежал прочь, но начал кричать, поглядывая в ту сторону, куда незадолго до этого отправился Майк. Тот, должно быть, находился где-то совсем неподалеку, потому что появился буквально через несколько минут, весь взъерошенный, с явным намерением выяснить, что огорчило его

друга. Увидев Майка, Джей-Би сразу подбежал к ящику, где сидел Голиаф, и тот поспешно ретировался, отрывисто вскрикивая в знак покорности, хотя Майк и не принимал активного участия в споре.

Вспоминается и другой случай съев около двадцати бананов, Джей-Би попытался открыть еще один ящик. Так как мы знали за ним свойство ломать крышки, а чинить их было очень трудно, то решили помешать ему я и Гуго подошли к ящику и сели на него. Джей-Би отошел, вскарабкался на дерево и начал кричать, адресуясь опять-таки в ту сторону, где скрылся Майк. Однако на этот раз, вполне возможно, тот не услышал призывов своего друга и, к счастью для нас, не вернулся.

Другую неразлучную пару составляли Лики и Мистер Уорзл. По характеру они были совершенно разные: Лики, как и его тезка, обладал весьма добродушным нравом и занимал довольно высокое положение в стадной иерархии; Мистер Уорзл, напротив, крайне нервный и неуравновешенный, был одним из самых зависимых существ и стоял в табели о рангах не только ниже всех взрослых, но даже и некоторых молодых самцов. Тем не менее это не мешало им проводить долгие часы в обществе друг друга они вместе бродили по лесу, кормились, строили гнезда на одном и том же или соседних деревьях, занимались взаимным обыскиванием. Чувствуя поддержку в лице своего сильного друга, Мистер Уорзл становился спокойнее и доверчивее.

От такой дружбы выигрывает не только низший по рангу. Как-то раз Голиаф пришел в лагерь один это было в тот период, когда он только что утратил пальму первенства. Он казался очень взволнованным, то и дело оглядывался назад, в ту сторону, откуда пришел, вздрагивал при каждом шорохе.

Вскоре нам стала ясна причина его беспокойства мы заметили на склоне трех самцов, одним из которых был Хью самец высокого ранга. Вздыбив шерсть, они почти бегом спускались в лагерь, походя на банду грабителей. Голиаф не собирался ждать, когда они появятся. Он стремглав пустился в противоположном направлении и бесшумно исчез в окружавшей лагерь густой растительности. Троица бросилась вдогонку и минут пять, ломая сучья, рыскала по кустарнику в поисках Голиафа. Им, однако, не повезло, они вернулись в лагерь и принялись за бананы. Вдруг Гуго глазами указал мне на склон. Посмотрев в направлении его взгляда, я увидела невдалеке Голиафа, осторожно выглядывавшего из-за ствола. Каждый раз, когда кто-нибудь из его врагов поднимал голову, Голиаф моментально исчезал позади дерева, но через несколько секунд снова появлялся. Потом мы увидели, как он осторожно карабкается вверх по склону.

В ту ночь шимпанзе спали поблизости от лагеря, а на рассвете всю округу огласил внезапный взрыв ухающих воплей. Мы проснулись. Крики неслись со стороны гнезда Голиафа. Хью и два других самца первыми пришли в лагерь, и их темные силуэты были едва различимы в неясном свете утра. Они уже начали есть бананы, как вновь раздались оглушительные вопли. А через несколько секунд появился и сам Голиаф, волоча за собой огромную ветку. Грозно размахивая ею, он пошел по поляне, наскочил на Хью, и началась отчаянная потасовка. Хью пришлось туго. Обычно самец шимпанзе атакует свою жертву в течение всего лишь нескольких секунд, однако на этот раз оба соперника снова и снова бросались друг на друга, катались по земле и наносили яростные удары. Потом Голиаф вскочил на спину Хью и, уцепившись за шерсть на его плечах, ногами отдубасил противника.

Еще в самом начале драки мы с Гуго поняли причину необычайной смелости Голиафа: поблизости раздались низкие, ухающие звуки, характерные для Дэвида Седобородого, а

вскоре появился и он сам и стал прохаживаться по лужайке неподалеку от сражающихся самцов. Дэвид, должно быть, присоединился к своему другу рано утром, и одно его присутствие придало Голиафу мужество сразиться с Хью и его бандой.

За исключением Дэвида и Голиафа, внешне совершенно не похожих друг на друга, во всех остальных парах мы всегда замечали некоторое сходство либо в облике, либо в поведении. Особенно поразительно похожи друг на друга были Лики и Мистер Уорзл. У обоих была одна удивительная особенность: часть глазного яблока вокруг радужины была окрашена не в коричневый цвет, как у остальных шимпанзе, а в белый, как у людей. Правда, у Мистера Уорзла это необычное для обезьян отсутствие пигментации было выражено значительно сильнее, что делало его особенно похожим на человека. Нам часто приходило в голову, что внешне схожие самцы, к тому же связанные узами тесной дружбы, могут быть родными братьями.

Знали мы и двух самок, которые дружили друг с другом и почти наверняка были сестрами. Крепко сложенные, с одинаковым выражением лица, они обе отличались манерой поведения, более характерной для самцов: устраивали угрожающие демонстрации, раскачивались, топали ногами по земле. Они были единственными среди взрослых самок, которые играли между собой катались по земле, щекотали друг друга, закатываясь от смеха, а в это время у каждой на спине сидел детеныш.

Над взрослыми самками в сообществах шимпанзе почти всегда главенствуют все взрослые и многие молодые самцы. Но и самки имеют свою собственную табель о рангах, согласно которой Фло в течение многих лет занимала главенствующее положение и внушала уважение и даже страх как молодым, так и старым самкам. Фло была необычайно агрессивной по отношению к представительницам своего пола, хотя в равной мере не терпела нарушения субординации и со стороны молодых самцов. Упрочению ее авторитета немало способствовало то, что два старших сына и Фифи всегда сопровождали мать и все семейство выглядело весьма устрашающе.

Мы уже говорили, что Фло перемещалась иногда вместе с мамашей Олли, но их взаимоотношения носили совершенно иной характер, чем дружба между Майком и Джей-Би или Дэвидом и Голиафом. Во-первых, Фло часто нападала на Олли, а во-вторых, ни одна из них не обращалась к другой за поддержкой в трудные минуты. Лишь однажды я была свидетельницей того, как они объединенными усилиями прогнали молодую незнакомую самку.

Эта самка недавно появилась в лагере, привлекая внимание окружающих самцов розовой припухлостью половой кожи. Она стала приходить к нам каждый день и очень быстро привыкла к необычному месту, где бананы растут в ящиках прямо из земли. Мы были рады видеть ее, так как в этот период молодые самки не баловали нас своим посещением. Фло и Олли, казалось, не обращали на гостью ни малейшего внимания, хотя и частенько кормились рядом с ней.

Но вот как-то раз молодая самка, придя в лагерь, уселась на дереве, растущем на краю поляны. Мы заметили, что припухлость у нее прошла и она явно нервничает, искоса поглядывая на нас. Мы начали поспешно доставать для нее бананы. Фло и Олли вместе с небольшой группой обезьян были здесь же и занимались взаимным обыскиванием. Заметив непрошеную гостью, они уставились на нее и распушили шерсть.

Первой поднялась Фло, вслед за ней Олли. Медленно и спокойно подошли они к дереву, где сидела жертва, но та заметила их, только когда они оказались совсем близко.

Громко крича от страха, молодая самка стала карабкаться выше. Фло и Олли немного постояли возле дерева, как бы в раздумьи глядя вверх, потом Фло стремглав вскарабкалась по стволу и ухватилась за ветку, на которой, съездившись от страха и истошно крича, сидела несчастная самка. С яростной гримасой Фло начала изо всех сил раскачивать ветку. Едва не свалившись на землю, молодая самка с трудом перепрыгнула на соседнее дерево. Фло по пятам преследовала ее, а Олли с громким лающим ваа бегала внизу. Погоня продолжалась до тех пор, пока Фло не заставила самку спуститься на землю. Здесь она догнала свою жертву и набросилась на нее с кулаками. Потом, низко пригнувшись, начала колотить по земле руками и ногами, изгоняя непрошеную гостью из своих владений. Олли, продолжая лаять, бегала вокруг.

Фло остановилась лишь после того, как незнакомка исчезла в лесной чаще. Она сорвала горсть листьев и вытерла лицо от страха молодая самка обдала ее струей жидких экскрементов. Олли подошла к приятельнице, и обе они начали прислушиваться к постепенно затихающим в чаще крикам. Потом Фло отвернулась, шерсть ее постепенно улеглась, и она медленно побрела в лагерь, где оставался на попечении Фифи восьмимесячный Флинт.

Нам еще не раз приходилось видеть, как две или несколько взрослых самок заключали неожиданный союз, чтобы прогнать за пределы станции подкормки случайно забредшую самку. В то же время они никогда не прогоняли пришлых молодых самцов. Мы не замечали также, чтобы взрослые самцы из нашей группы делали попытки выдворить кого-нибудь из новых посетителей лагеря, независимо от их пола. Чем же в таком случае было вызвано агрессивное поведение этих самок? Может быть, тем, что самки более нетерпимо относятся к вторжению на их территорию? А может быть, к этому примешиваются и более сложные эмоции скажем, старым самкам не нравится, с каким вниманием относятся к гостю их самцы. Иными словами, поведение самок может быть мотивировано тем чувством, которое мы, люди, называем ревностью. Трудно утверждать что-либо со всей определенностью, но на этот раз нам казалось, что мы недалеки от истины.

Однажды в лагерь забрела молодая самка, которая незадолго до этого перешла в нашу группу из сообщества, обитающего на севере заповедника. Она была беременна, но тем не менее привлекала внимание самцов розовой припухлостью половой кожи. У беременных самок часто наблюдается ежемесячное набухание и покраснение половой кожи. Четверо взрослых самцов, которые до ее появления вместе с Фло занимались выискиванием, тотчас бросились к вновь прибывшей самке и начали энергично перебирать ее шерсть. Фло была вне себя от ярости: распушив шерсть, она приблизилась к непрошеной госте и в упор смотрела на нее, но не осмеливалась напасть в присутствии высших по рангу собратьев.

Потом она все же подошла к группе и сама исследовала розовую припухлость молодой самки. Лишь после этого Фло отошла в сторону и, усевшись, начала приводить в порядок шерстку Флинта.

Каково же было наше изумление, когда на другой день мы заметили у самой Фло первые признаки начинающегося набухания половой кожи. Если у молодых самок появление розовой припухлости отмечалось в некоторых случаях через четырнадцать месяцев после рождения детеныша, то у пожилых мамаш, как правило, проходило не менее четырех-пяти лет, прежде чем они становились вновь привлекательными для самцов. Флинту же в это время еще не исполнилось и двух лет. Тем не менее набухание половой кожи у Фло было настолько очевидным, что Рудольф мгновенно заинтересовался им. Он подошел к самке, возбужденно толкнул ее, заставив подняться на ноги, и

внимательно осмотрел ее зад. То же самое проделали и другие самцы. На следующий день припухлость у Фло исчезла, и мы так и не смогли найти подходящего объяснения ее таинственному появлению.

Самки шимпанзе по характеру очень отличаются от самцов, хотя, как и среди людей, встречаются самки, напоминающие самцов, и наоборот. Обращаясь к сородичам высокого ранга, самки, чтобы добиться своего, нередко подражают жестам и крикам детенышей. Так, например, Мелисса, выпрашивая что-нибудь у самца, умоляюще протягивает руку и дотрагивается до него, неоднократно повторяя этот жест. Если это не помогает, она начинает хныкать и плакать, как детеныш, закатывая иногда истерику. Самец обычно уступает ее настойчивым просьбам и дает ей то, что она просит: кусочек банана или картона.

Однажды мы были свидетелями любопытной сцены. Мелисса и Мистер Мак-Грегор занимались взаимным обыскиванием, когда к ним подошел самец более высокого ранга; Мистер Мак-Грегор тотчас же повернулся к нему и начал выискивать у него в шерсти. Мелисса, обиженно глядя на Мак-Грегора, захныкала и стала раскачиваться взад и вперед. Самец не обращал на нее никакого внимания. Она заскулила громче и несколько раз ткнула пальцем Мак-Грегора в спину. Опять никакого эффекта. Тогда, почти крича от негодования, Мелисса встала и больно пнула старого самца ногой на этот раз он повернулся к назойливой самке и занялся ее туалетом.

Обычно самки более мстительны и злобны, чем самцы. Та же самая Мелисса, всякий раз когда ей кто-нибудь угрожал, подбегала к высшему по рангу в группе и, протягивая руку, чтобы дотронуться до него, как бы начинала жаловаться, громко крича в сторону своего обидчика. Было совершенно очевидно, что она пытается привлечь сильного союзника на свою сторону. Однако ей это редко удавалось. Как правило, самцы почти никогда не реагировали на ее крики; лишь некоторые из них пробовали успокоить расшумевшуюся самку дружеским прикосновением. Однако это ничуть не умеряло пыл Мелиссы, и в следующий раз она вела себя точно так же. Как-то раз оказалось, что укусивший ее Рудольф и есть высший по рангу самец в группе. Мелисса, естественно, промолчала, но каково же было наше удивление, когда она, едва завидев Майку, присоединившегося к группе минут через десять после инцидента, бросилась к нему, прижалась губами к его шее, положила одну руку на его спину и принялась кричать, не спуская глаз с Рудольфа и помахивая другой рукой в его сторону. Стратегия ее, как всегда, не возымела успеха, но мы еще не раз были свидетелями подобных сцен.

Мелисса была далеко не единственной самкой, способной до поры до времени затаивать обиду и дожидаться благоприятного случая, чтобы выместить свою злобу. Пуч потеряла мать, когда ей исполнилось пять лет, и ее связывала странная дружба со старым самцом Хаксли. Правда, слишком большого внимания они не уделяли друг другу, но частенько вместе бродили по лесу и занимались выискиванием в шерсти. Если Хаксли поднимался и уходил из лагеря, Пуч, словно тень, всегда следовала за ним. Однажды она вместе с молодым самцом Эвередом осталась у нас в лагере после того, как все остальные обезьяны ушли. Ей было тогда шесть лет, а Эвереду на год больше. Очевидно, им совсем не досталось бананов, и, как только вся группа скрылась из виду, мы принесли для них большую гроздь. Они тут же поссорились, и Эверед слегка припугнул самку. Она вскрикнула и тотчас склонилась перед ним, подставив зад, в позе подчинения. Тогда Эверед великодушно успокоил ее легким прикосновением, и они мирно уселись рядом и принялись за бананы.

Вдруг совершенно неожиданно не только для Эвереда, но и для нас Пуч отбросила бананы в сторону и прыгнула на сидящего рядом самца. Она хватала его за шерсть, кусала, била ногами. Эверед оцепенел от этой неслыханной дерзости. И действительно, в нашей практике не было случая, чтобы самка атаковала старшего по возрасту самца. Но очень скоро нам стала ясна причина дерзкого поведения Пуч: старик Хаксли, вздыбив шерсть, стоял на тропе и не мигая смотрел на нас. Потом он перевел взгляд на дерущихся юнцов. По-видимому, он услышал крик Пуч и поспешил ей на помощь, но не мог сразу понять, кто ее обидчик. Подойдя к Пуч и Эвереду, он, как нам показалось, стукнул и того и другого, повернулся и побрел прочь. Эверед вопил до тех пор, пока не охрип, и корчился как от сильной боли. Пуч спокойно последовала за своим защитником и, проходя мимо Эвереда, посмотрела на него так, как сделала бы на ее месте всякая девчонка. Этот взгляд выражал нескрываемое превосходство, ехидство и презрение. Ни до, ни после этого мне не приходилось видеть у шимпанзе такой самодовольной физиономии.

Пуч не раз обижала и Фифи, свою подружку по играм, которая была моложе ее на два года. Иногда поведение Пуч выходило за рамки дозволенного. Как-то обе играли вместе и Фифи нечаянно задела Пуч, та вскрикнула и бросилась на нее. Фифи съежилась от страха, немедленно встала в позу подчинения, но Пуч вместо того, чтобы успокоить подружку прикосновением руки, укусила ее. Это было против всяких правил.

Фифи, которая унаследовала от матери твердый характер, повернулась и бросилась на самку, превосходящую ее по размерам и возрасту. Они сцепились и покатались по земле, вырывая друг у друга клочья шерсти и визжа от боли. Пришедшая Фло положила конец драке, и Пуч, громко крича, ретировалась. Фифи, захлебываясь от рыданий, снова подставила зад на этот раз матери. Фло, чтобы успокоить дочь, начала гладить ее и не останавливалась до тех пор, пока Фифи не затихла. Рана ее распухла и кровоточила, по-видимому, причиняя ей сильную боль. Несчастная Фифи соорудила себе гнездо прямо на земле и долго прикладывала к ране охапки листьев.

Многое в общественных отношениях шимпанзе напоминало нам поведение человека. Сходство подчас было большим, чем нам хотелось бы. Лишь продолжая исследования и изучая группы с установленными родственными связями, мы сможем составить более полную картину общественной организации шимпанзе.

10. Рост научно-исследовательского центра

Могла ли я представить себе, впервые ступив на песчаный берег заповедника Гомбе-Стрим, что тем самым я делаю первый шаг по пути к организации научно-исследовательского центра, в котором спустя несколько лет будут работать около десяти сотрудников, изучающих различные аспекты поведения шимпанзе, павианов и гверец.

Наш первый помощник, Эдна Кониинг, появилась в заповеднике вскоре после рождения Флинта. В течение долгого времени она забрасывала нас письмами, умоляя взять ее на любую должность. В конце концов мне стало трудно одной справляться со всеми делами, а после того как Фло родила сына, работы еще прибавилось, и я была рада взять себе помощника. Эдна перепечатывала мои записи, а позднее и сама стала вести наблюдения. Поэтому теперь, уходя вслед за Фло и Флинтом в горы, я знала, что Эдна запишет все, что произойдет в лагере, и могла быть совершенно спокойна.

В те дни мы работали с утра до поздней ночи. Для записи своих наблюдений я пользовалась диктофоном и практически ни на секунду не отвлекалась от шимпанзе. По

вечерам Эдна перепечатывала магнитофонную запись, а я садилась за обработку материалов для диссертации. Теперь мы уже перепечатывали записи моих наблюдений в трех экземплярах. Один из них подшивался в дневник, другой ежемесячно отсылался Луису на случай пожара или наводнения в заповеднике, а третий экземпляр я размечала в соответствии с характером поведения обезьян: обыскивание, покорность, агрессивность и т.д. По этим разметкам рукопись разрезалась, и куски с описанием этих категорий подклеивались в соответствующие папки, что значительно облегчало обобщение результатов и подготовку диссертации.

Кроме того, много времени отнимал у нас анализ экскрементов шимпанзе. Раньше для того, чтобы исследовать состав пищи обезьян, мы высушивали помет, но Гуго предложил нам промывать его. Это была прекрасная идея: промывая экскременты, мы всегда знали, какие фрукты уже спели, как часто обезьяны ели насекомых и мясо. Просто удивительно, какая значительная часть пищи проходила через желудочно-кишечный тракт шимпанзе лишь частично переваренной. По этим остаткам, по фруктовым косточкам мы всегда могли составить достаточно четкое представление о том, чем питаются животные в течение всего года. Эти данные подкреплялись подробными записями наблюдений, на каких деревьях кормились животные во время того или иного сезона. Образцы обезьяньего помета мы помещали в жестяные банки с продырявленным дном и промывали их над специально вырытой для этого ямой.

Гуго очень много помогал мне, хотя и был по горло занят своими собственными делами. Национальное географическое общество все еще продолжало финансировать его работу, и он вел счета свои и мои, сочинял сценарий для фильма и тексты к фотографиям, продолжал много снимать и тратил массу усилий, чтобы содержать аппаратуру в исправности, особенно в сезон дождей.

Мы работали так много, что Вэнн, которая приехала нас навестить и с первых же дней включилась в интенсивный ритм жизни лагеря, предложила нам устраивать раз в неделю вечер отдыха. Эта мысль пришлась нам по душе теперь мы ждали единственного свободного вечера с таким же нетерпением, с каким большинство людей ждет уик-энда. В эти вечера мы слушали музыку, отдыхали, расположившись вокруг костра, медленно и с удовольствием ужинали, не давясь и не проглатывая пищу целиком, как в остальные дни, когда нас ждала никогда не кончавшаяся работа. Иногда мы даже позволяли себе перекинуться в кости.

Но и в эти короткие часы отдыха разговор вертелся вокруг шимпанзе. Мы были настолько увлечены и поглощены нашими исследованиями, став свидетелями, а может быть, даже и участниками всех событий жизни шимпанзе, что не могли ни о чем другом говорить или думать. Бесконечное удивление, бесконечная радость и бесконечный труд. Можно с уверенностью сказать, что, если бы не то огромное удовольствие, которое доставляла нам работа, мы едва ли смогли бы довести исследования до конца.

Но, несмотря на все наши титанические усилия, к концу года мы уже были не в состоянии справляться с возрастающими обязанностями: все больше и больше обезьян посещало нашу станцию подкормки; только что родившийся детеныш Мелиссы, Гоблин, так же как и Флинт, требовал самого пристального внимания. И вот тогда у нас появился секретарь Соня Айви. Теперь уже она перепечатывала магнитофонные записи, и это дало возможность Эдне целиком переключиться на наблюдение за обезьянами в лагере, а мне беспрепятственно бродить вслед за ними по лесу. Шимпанзе настолько привыкли к моему присутствию, что позволяли мне все дольше оставаться рядом с ними.

К этому времени наш лагерь посещало около сорока пяти обезьян: одни из них были завсегдатаями (например, Фло с семейством), другие (из групп, обитающих южнее или севернее лагеря) заходили изредка, когда случайно забредали в нашу долину. За исключением самых редких посетителей, шимпанзе вели себя в лагере крайне бесцеремонно: запросто заходили в палатки и хватали все, что им вздумается.

С легкой руки Криса Пирожинского мы взяли за правило убирать личные вещи, в том числе и постель, в металлические сундуки, хотя это и было довольно хлопотно. Как-то утром я услышала испуганный крик Вэнн. Примчавшись в ее палатку, я увидела, что она, полуодетая, сидит в постели, изо всех сил вцепившись в свою пижаму. Рядом, положив руку к ней на колено, сидит Дэвид Седобородый и с удовольствием сосет пижамную штанину. Картина была настолько забавной, что я не могла удержаться от смеха. Потом я взяла банан и встала у входа в палатку. Дэвид согласился расстаться с пижамой ради банана, а Вэнн торопливо застегнула палатку на молнию и спрятала пижаму в надежное место.

Однажды Рудольф, прервав обыскивание, которым он занимался со своими родичами на склоне горы, подошел ко мне, вздыбил шерсть, ухватился за мою блузу и начал тянуть ее. К сожалению, на этот раз некому было предложить ему банан. Вид у него был весьма грозный, и я уже решила добровольно расстаться с блузой, как вдруг шерсть его улеглась, он уселся рядом со мной и начал сосать оторванный кусочек ткани. Это продолжалось минут пятнадцать, а потом Рудольф удалился, прихватив в качестве трофея крошечный лоскуток.

Видя, что малыши совсем не получают своей доли бананов, мы иногда припрятавали для них несколько плодов в карманах. Но нам очень скоро пришлось оставить это занятие, так как взрослые самцы быстро пронюхали про наши потайные кладовые. Как-то утром на пороге палатки появился Лики, он подошел к заспанному Гуго, задрал его рубашку и ткнул пальцем прямо в пупок. В другой раз тот же Лики, заметив многообещающие выпуклости под блузкой Эдны, подошел к ней вплотную и дотронулся рукой до одной из них.

Однажды, отправляясь в горы, я взяла для себя банан и неосмотрительно положила его в карман брюк. Фифи, заметив раздувшийся карман, тотчас же попыталась сунуть в него руку, но я отодвинулась в сторону. Тогда обезьяна подобрала длинную тонкую травинку и очень осторожно воткнула ее в глубь кармана[33]. Вытащив и обнюхав ее, Фифи удостоверилась в правильности своих предположений и начала хныкать и докучать мне до тех пор, пока я не отдала ей плод.

Мы тщательно прятали все наши пищевые припасы, особенно куриные яйца. Мистер Мак-Грегор, Мистер Уорзл и Фло питали особую страсть к ним. Как-то раз старому Мак-Грегору удалось стащить четыре сваренных вкрутую яйца, которые Эдна приготовила нам на завтрак. Ленч был испорчен, но в качестве компенсации мы от души посмеялись над злоключениями незадачливого Мак-Грегора.

Обычно шимпанзе едят яйца вместе с большим количеством зелени. Положив в рот горсть листьев, шимпанзе засовывает яйцо и только тогда раздавливает скорлупу, а потом в течение долгого времени смакует и пережевывает лакомое блюдо. На этот раз Мистера Мак-Грегора постигло немало разочарований: первое же яйцо, которое он положил в рот, было горячим. Он вытащил его, внимательно осмотрел, понюхал и засунул обратно вместе с добавочной порцией листьев. Раздался хруст скорлупы, но вкусной жидкости у него во рту почему-то не появилось. Самец выплюнул смесь листьев и крутого яйца на

землю и с изумлением уставился на нее. Таким же образом он перепробовал все похищенные яйца, каждый раз засовывая в рот большое количество листьев. В конце ленча перед Мак-Грегором выросла бело-желто-зеленая гора из листьев и яиц.

Немало хлопот доставила нам в тот год и защита наших палаток. Пробегая мимо палаток, обезьяны обнаружили, что стоит только выдернуть колышки один за другим, и это приводит к восхитительным результатам. Поэтому мы закрепили веревки как можно выше на деревьях или на толстых кольях деревянной ограды, которую Хассан поставил вокруг палаток. В течение некоторого времени нам казалось, что мы полностью гарантированы от всяких неожиданностей. Но вот как-то раз прямо в нашу палатку ткнулся необычно возбужденный Голиаф и с ходу переломил, словно спички, две толстые жерди, на которых крепился тент. Он тотчас выскочил наружу, оставив позади себя бесформенную массу парусины, которую кое-как удерживали привязанные к веткам веревки. После этого случая мы срубили несколько деревьев, обтесали их и с помощью Хассана врыли в землю, зацементировав основание. Новые опоры были не очень удобны и чересчур громоздки, но зато абсолютно надежны.

В течение всего года нам приходилось постоянно ломать голову над совершенствованием системы подкормки. Проблем было множество. Во-первых, все время не хватало ящиков, хотя Хассан мастерил их почти без остановки каждый день шимпанзе выводили из строя два или три ящика. Даже после того, как мы заделали их бетоном, кое-кто из взрослых самцов все-таки ухитрялся ломать наши механизмы. Лучше всего это получалось у Джей-Би. Он с особым шиком выламывал стальные рукоятки рычагов, так что потом они уже не действовали. Ему удавалось разрывать толстую стальную проволоку в том месте, где она выходила из подземной трубы и прикреплялась к рычагам, хотя протяженность этого участка составляла не больше двадцати сантиметров, лишнее свидетельство необыкновенной силы шимпанзе.

Кроме того, мы едва успевали заполнять ящики перед приходом очередной группы. Не однажды случалось, что Джей-Би, Голиаф или кто-нибудь другой из взрослых самцов заставлял нас врасплох как раз в тот момент, когда мы с ведром бананов подходили к очередному ящику. Силы были слишком неравными, и мы добровольно уступали все бананы. Если же в лагере находилась группа обезьян, мы никогда не пытались наполнить ящики.

Но, пожалуй, сложнее всего обстояли дела с бананами для Дэвида Седобородого. Дэвид помнил доброе старое время, когда он, Голиаф и Уильям были единственными хозяевами лагеря и могли брать бананы в любом количестве. Привыкнуть к необходимости соперничать из-за своей доли с пятью-десятью голодными самцами было трудно. И теперь Дэвид не спешил с приходом в лагерь: он не участвовал в общей суматохе, позволяя другим самцам опустошать ящики. Так что нам всегда приходилось прятать для него бананы. Если же мы по какой-либо причине не успевали позаботиться о нем, он, решительно выпятив нижнюю губу, начинал рыться во всех палатках и учинял невообразимый разгром. Он переворачивал все вверх дном в поисках бананов и даже ухитрялся целиком вырывать защищенные москитной сеткой окошечки, если палатка оказывалась наглухо закрытой на молнию. Но спрятать двадцать-тридцать бананов это еще полдела, важно спрятать их так, чтобы другие самцы, которые тоже не прочь были порыскать в палатках, не нашли их. Поэтому нам все время приходилось изощряться в изобретательности, чтобы придумывать новые тайники.

Как правило, нам все же удавалось сохранить бананы для Дэвида. Но надо было еще позаботиться и о том, чтобы их у него не отняли. Иногда этим занимались более

агрессивные самцы, а чаще Фло, Мелисса или кто-нибудь еще из самок. Едва увидев Дэвида с бананами, они окружали его и начинали выхватывать плоды прямо у него из рук. Дэвид редко сопротивлялся он знал, что кому-кому, а уж ему-то всегда перепадет лишняя порция вкусных плодов. Жизнь становилась все напряженнее и сложнее, и я с грустью вспоминала о тех безвозвратно ушедших днях, когда в одиночестве бродила по горам.

1965 год принес некоторое облегчение. Национальное географическое общество, которое продолжало субсидировать наши исследования, выделило средства для приобретения и установки нескольких сборных домиков из алюминиевых конструкций. Мы решили перенести лагерь в новое место, еще выше по ущелью, откуда открывался великолепный вид на противоположную гору и озеро. И снова все работы по устройству нового лагеря проводились ночью. Мы справились довольно быстро самой трудоемкой операцией оказалось цементирование полов, а сама сборка домиков заняла сравнительно немного времени. Когда постройки были готовы, мы покрыли травой их стены и крыши, так что они почти слились с окружающим их лесным пейзажем. В самом большом доме лабораторном корпусе размещалась довольно просторная рабочая комната, две маленькие комнатки спальни для Эдны и Сони и крошечные кухня и кладовка. Другой домик предназначался для меня и Гуго. Чуть ниже основных построек мы соорудили еще небольшую хижину для хранения бананов.

На этот раз познакомить шимпанзе с новым лагерем оказалось еще проще. Как-то утром мы с Гуго подошли к уже собранным домикам, чтобы удостовериться, что все готово, и вдруг на противоположном склоне увидели Дэвида и Голиафа, которые кормились на пальмовом дереве. Вот это удача! Мы быстро выложили большую гроздь бананов. Увидев ее, оба самца радостно вскрикнули и обнялись, а потом со всех ног бросились к нам. Взмолнованные возгласы Дэвида и Голиафа привлекли на территорию нового лагеря еще около пятнадцати других самцов, которые бродили неподалеку. Какая досада, что у нас не было при себе ни камеры, ни магнитофона и мы не смогли запечатлеть на пленке тот бурный восторг, объятия, поцелуи, похлопывания, возгласы и лай, которыми сопровождалось знакомство с новым местом подкормки.

В течение каких-нибудь трех дней почти все шимпанзе, за исключением, может быть, самых редких посетителей, привыкли к новому лагерю, так что прежнюю станцию можно было ликвидировать.

Новые жилища были так хороши, просто роскошны по сравнению с теми, которыми мы пользовались прежде, что стоило большого труда расстаться с ними хотя бы на несколько недель. Между тем нам предстояло надолго уехать. Гуго заключил новый контракт, так как Национальное географическое общество не могло содержать в заповеднике постоянного фотографа, а мне нужно было провести девять месяцев в Англии, чтобы закончить диссертацию.

Лишь после нашего отъезда из заповедника мы с Гуго поняли, что совершили непростительную ошибку, позволив Флинту дотрагиваться до нас. Мы щекотали его и были в восторге от его доверчивости. Вызывала изумление и Фло, это старая дикая самка, которая настолько перестала бояться людей, что разрешала нам играть с ее младенцем. Скоро примеру Флинта последовала Фифи, а за ней и Фиган. На первых порах мы радовались, что нам удалось установить такие тесные контакты с существами, рожденными на свободе и выросшими в страхе перед человеком. Мы щекотали Фигана, боролись с ним, катались по земле, хотя восьмилетний самец был сильнее любого из нас.

Потом мы уехали из заповедника и лишь тогда поняли, что вели себя весьма безрассудно. К этому времени мы стали получать много писем с просьбами разрешить принять участие в наших исследованиях. Потенциальные возможности станции благодаря новым постройкам значительно увеличились, и расширение числа сотрудников стало теперь вполне реальным. Если уже достигший зрелости Фиган поймет, насколько слабы человеческие существа, он станет по-настоящему опасным для людей. А ведь взрослый самец шимпанзе по крайней мере раза в три сильнее любого мужчины. Поэтому мы решили в дальнейшем не допускать преднамеренных контактов между человеком и шимпанзе, так как, помимо уже упомянутой опасности, само поведение шимпанзе может существенно измениться под влиянием человека.

Во время нашего почти годового отсутствия все заботы легли на плечи Эдны и Сони, которые к этому времени вполне освоились и уже вели самостоятельные наблюдения. Конечно, у них не было недостатка в помощниках. Наша исследовательская программа значительно расширилась, и стажирующиеся специалисты могли выбрать в качестве объекта для изучения не только шимпанзе, но и павианов, и гверец. У большинства приехавших к нам молодых людей уже были университетские дипломы. Как правило, они проводили в заповеднике около года, работая в качестве ассистентов. Мы поручали им вести самостоятельные наблюдения за определенными животными и делать записи в полевом дневнике. Они много и напряженно работали и значительно пополнили наши знания о шимпанзе. Некоторые из них оставались в лагере еще на год, выбирая в качестве самостоятельной темы для исследования один из аспектов поведения шимпанзе.

В 1967 году существенным образом изменился статус заповедника: он отошел в ведение Управления национальными парками Танзании и получил название национального парка Гомбе. На смену егерям Службы дичи пришли лесничие национального парка. Они расположились в южной части территории. При поддержке новой администрации парка мы понемногу подготавливаем еще одну станцию подкормки в южной части заповедника, легко доступную для туристов и посетителей. В течение двух лет несколько человек из числа практикантов пытались повторить мой опыт 1960 года и приучить животных из южной группы к присутствию человека. Это им в известной мере удалось, и вопрос об организации второй станции стал вполне реальным.

Вот так постепенно разросся научно-исследовательский центр Гомбе-Стрим. Чуть выше наблюдательной площадки теперь появилось восемь спальных домиков, скрытых от посторонних глаз густой растительностью; три больших строения выросли внизу, на берегу озера; неподалеку расположились еще три домика для стажеров, специализирующихся в изучении поведения павианов и гверец. На берегу возле хижины старого Идди Матата выросла целая деревня, в которой жил обслуживающий персонал станции. Доминик, Садык, Рашид были по-прежнему с нами, но теперь к ним присоединились и многие другие африканцы. Нельзя сказать, что условия в нашем исследовательском центре были чересчур роскошными, однако для тех, кто любил животных, увлекался нашими исследованиями и не боялся работать, они казались раем.

По-прежнему самой трудноразрешимой проблемой оставалась организация подкормки: как сделать, чтобы дележ бананов хотя бы в отдаленной степени напоминал естественную кормежку и по возможности меньше отражался на общественном поведении шимпанзе? Эти вопросы мучили нас на протяжении всех этих лет, и надо сказать, что мы не всегда решали их наилучшим образом.

В самом начале исследования обезьяны получали бананы практически в любое время, когда бы они ни пришли в лагерь. Мы были так рады возможности фотографировать и

вести систематические наблюдения за отдельными индивидуумами, что не особенно задумывались над последствиями. А между тем уже тогда шимпанзе спускались в долину гораздо чаще, чем до существования станции подкормки. Но в то время в наши планы не входило проведение долгосрочных исследований, мы не думали, что задержимся в Гомбе на много лет. И стремились как можно больше увидеть и зафиксировать, прежде чем навсегда расстанемся с шимпанзе.

Все вышло иначе. И вот через несколько лет мы поняли, что постоянная подкормка оказала определенное воздействие на поведение обезьян. Теперь они приходили в лагерь чаще обычного, большими шумными группами. Как правило, это происходило рано утром, так как ночевали шимпанзе неподалеку от станции. Но хуже всего было то, что самцы стали вести себя необычайно агрессивно. Прежде они никогда не дрались из-за бананов часто ели из одного ящика или в крайнем случае прогоняли нежелательного компаньона, угрожая ему, но никогда не нападая.

Вернувшись в 1966 году в заповедник после окончания моих занятий в Кембридже, мы пришли в ужас при виде того, до какой степени изменилось поведение шимпанзе. Многие животные проводили в лагере весь день, слонялись взад и вперед в течение долгих часов, причем между ними то и дело возникали драки. Немалая доля вины за такое времяпрепровождение лежала на Фифи, Фигане и Эверед.

Эти три подростка быстро научились открывать ящики с бананами для этого достаточно было вытащить штырь, закреплявший рычаг. Трудолюбивый Хассан усложнил конструкцию, сделав резьбу внутри отверстия рукоятки и на самом штыре, так что теперь его уже нельзя было просто вытащить нужно было отвинтить. Это помогло на несколько месяцев, но потом все та же троица нашла выход из положения, научившись вывинчивать штыри. Тогда Хассан надел на штырь плотно заворачивающиеся гайки. Но как раз перед нашим приездом Фиган, Фифи и Эверед решили и эту техническую задачу. Нужно было срочно придумать что-то новое.

Эверед обычно подходил к рукоятке, откручивал штырь, а потом с громким лаем, означавшим обнаружение пищи, бежал к ящику, который он только что открыл. Естественно, он был не одинок. К этому же ящику устремлялись все находившиеся поблизости шимпанзе, и, как правило, на долю самого первооткрывателя доставалось не больше одного или двух бананов, за исключением тех случаев, когда Эверед находился в одиночестве или же оказывался самым высоким по рангу среди присутствующих. Поэтому Эверед открывал один ящик за другим до тех пор, пока все не наедались досыта, и если после этого оставался хоть один ящик, он завладевал им. Но это случалось довольно редко. Чтобы перехитрить своих сородичей, Эверед приходил в лагерь спозаранку, видимо, надеясь, что он будет первым и сможет наесться досыта. Однако другие обезьяны тоже стали приходить все раньше и раньше.

Фифи и Фиган были гораздо хитрее. Они оба быстро уяснили, что в компании высших по рангу собратьев им все равно ничего не достанется, сколько бы ящиков ни было открыто. Поэтому они спокойно лежали рядом с Фло и выжидали, когда все уйдут. Зато как только в лагере не оставалось ни одного взрослого самца, Фифи и Фиган быстро открывали ящики по одному на каждого и приступали к трапезе. Иногда, не в силах противиться соблазну, они заранее подходили к рукоятке и раскручивали болты. Но, вместо того чтобы немедленно открыть ящик, как это сделал бы Эверед, они, придерживая рычаг одной ногой, с самым невинным видом усаживались на землю и начинали выискивать в шерсти или смотреть по сторонам но ни в коем случае не на ящик. Однажды Фиган просидел так больше получаса я специально засекала время.

Остальные шимпанзе не умели открывать ящики. Но вскоре им стало ясно, что если они будут постоянно находиться где-нибудь поблизости, то в конце концов им тоже кое-что перепадет. Вот почему большие группы обезьян все время слонялись по лужайке, испытывая терпение Фифи и Фигана. Те в свою очередь ждали, когда можно будет спокойно подойти к ящикам. Так проходили целые дни. Фло вместе с семейством никуда не отлучалась из лагеря. Она лежала, развалившись в тени пальмового дерева, иногда вставала и делала попытку увести своих отпрысков, применяя ту же тактику, что и они год назад во время термитного сезона. Фло тяжело топала по тропе к лесу, но в последний момент ей всегда не хватало решимости; она начинала оглядываться и чаще всего возвращалась назад под сень пальмового дерева.

Незаурядные способности Фифи и Фигана постоянно заставляли нас совершенствовать систему подкормки. Мы выписали из Найроби стальные ящики с дистанционным управлением, открывать их можно было, лишь нажав кнопку на пульте в лабораторном корпусе. Одно из преимуществ новой системы состояло в том, что теперь пришедшие в лагерь взрослые самцы могли получить положенную им долю бананов примерно в одно и то же время. Им не приходилось больше в ожидании кормежки топтаться вокруг ящиков, становясь час от часу злее и агрессивнее. Кроме того, шимпанзе перестали связывать появление бананов с людьми, так как они, конечно, ничего не подозревали о существовании таинственных кнопок, нажатием которых мы открывали ящики.

И наконец было решено прекратить систематическую подкормку обезьян. Теперь они получали бананы гораздо реже, не чаще одного раза в трое-четверо суток. Мы хотели отучить шимпанзе слоняться по нашей долине и скапливаться возле лагеря. Так прошел 1967 год. Новая система была более успешной, хотя, разумеется, и не привела к окончательному решению задачи.

Со дня основания нашей станции подкормки мы постоянно сталкивались с одной серьезной трудностью конкуренцией между шимпанзе и павианами. С годами соперничество возросло еще больше и грозило превратиться в настоящее бедствие. В 1968 году нас терроризировали два стада павианов лагерные павианы и береговые павианы. Это был настоящий бич. Животные из первой группы целыми днями слонялись возле станции подкормки, сидели на растущих поблизости деревьях или на противоположном склоне лощины, откуда была хорошо видна вся территория лагеря. Они внимательно наблюдали за действиями шимпанзе, выжидая подходящего момента. Стоило группе шимпанзе появиться в лагере, как павианы тотчас же выскакивали из засады и устремлялись к ящикам, чтобы получить свою долю бананов. В добавление к этому группа береговых павианов тоже проводила по несколько часов в день в окрестностях лагеря.

Взрослые самцы павианов стали очень агрессивны не только по отношению к шимпанзе, но и по отношению к людям. Многие практиканты, особенно девушки, панически боялись их и не без причины, так как по свирепости самцы павианов не уступают леопарду.

Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, мы решили на первых порах просто-напросто не открывать ящики в присутствии павианов. Однако это привело к противоположным результатам. И шимпанзе, и павианы отлично знали, что если ящики закрыты, то там находятся бананы, и чем дольше мы их не открывали, тем агрессивнее и злее становились обезьяны. То тут то там возникали ожесточенные потасовки. Когда же наконец мы открывали ящики, начинался невообразимый бедлам. Нужно было срочно принимать решительные меры.

Прежде всего мы вообще прекратили подкормку обезьян. Поначалу шимпанзе, как и раньше, продолжали приходить ежедневно. Но, убеждаясь каждый раз, что ящики стоят открытыми и пустыми, они стали навеваться все реже и реже. Неделя прошла спокойно. Лишь изредка небольшие группы шимпанзе забредали в лагерь, заглядывали в ящики и тут же уходили. Павианы тоже сняли свой караул вокруг лагеря.

Через три недели мы возобновили подкормку, но все время следили, чтобы поблизости не было павианов. Наполнять ящики нам приходилось рано утром, когда мы были уверены, что павианы кочуют где-то далеко от лагеря. Но это были полумеры.

Кардинальное решение всех проблем, связанных с подкормкой, принесло нам сооружение подземного бункера. Он начинался от лабораторного корпуса и достигал десяти метров в длину и полутора метров в ширину. Высота его была достаточной для того, чтобы человек среднего роста мог идти не сгибаясь. В бункере, точнее траншее, было достаточно места для хранения дневного запаса бананов. Ящики, в которых теперь открывались не только крышки, но и днища, мы разместили по обеим сторонам траншеи. Наконец-то можно было полностью контролировать процесс кормления и знать, кого мы кормим. Появление павианов уже не вызывало у нас прежней паники. Если ящики в это время были наполнены, мы простым нажатием кнопок отодвигали днища и высыпали бананы обратно в траншею, а потом, открывая верхнюю крышку, демонстрировали шимпанзе и павианам, что ящики пусты. Если же в лагере были одни шимпанзе, накормить их не составляло особого труда.

Теперь у нас уже не возникало практически никаких осложнений с подкормкой обезьян. Помню, как однажды сломалась защелка, закрывающая днище одного из ящиков, и Гоблин пробрался в траншею. Он вылез оттуда с огромной гроздьё бананов, и нужно было видеть, как он торжествовал при этом.

Мы регулировали частоту подкормки и следили за тем, чтобы животные получали бананы не чаще одного раза в десять-четырнадцать дней. Шимпанзе вновь вернулись к прежнему бродячему образу жизни. Теперь они навевались в лагерь лишь тогда, когда случайно оказывались поблизости от него.

Естественно, наши записи о поведении животных на станции подкормки стали более скудными, чем раньше, но все же шимпанзе приходили достаточно часто, и наши помощники продолжали вести регулярные наблюдения за одними и теми же индивидуумами.

Зато теперь, помимо наблюдений в лагере, которые, конечно, приносили нам много сведений об изменениях в доминантной иерархии, о взаимоотношениях между индивидуумами, о ходе развития детенышей, мы вновь получили возможность следить за жизнью обезьян в естественных условиях. Снова, как и в самом начале, мы бродим за ними по лесам, продираемся сквозь густые заросли и карабкаемся вверх по крутым склонам, с той лишь разницей, что теперь шимпанзе не обращают на нас ни малейшего внимания и, по-видимому, считают членами своей группы. Они позволяют нам идти за ними по тропе, хотя нет ничего проще в этой пересеченной местности, чем сбить преследователя с толку.

Трудно сказать, сколько времени продлится наше спокойное существование. По крайней мере сейчас нам кажется, что мы наконец-то нашли верное решение проблемы подкормки и добились удачного сочетания наблюдений за животными в лагере и в джунглях. Когда я просматриваю свой дневник, передо мной вновь разворачиваются

полные драматических событий истории отдельных животных, и тогда я понимаю, что все наши усилия, каторжный труд, неудачи и отчаяние вознаграждены сторицей.

11. Младенец

Рождение младенца это всегда событие не только для человеческой семьи, но и для многих сообществ животных. У шимпанзе рождается сравнительно мало детенышей. Половозрелая самка может стать матерью не чаще одного раза в три с половиной пять лет. В нашей группе из тридцати-сорока особей новорожденные появлялись всего один-два раза в год. Естественно, что такое важное событие вызывало живой интерес у всех членов сообщества.

Гоблин вошел в большую семью обезьян, когда ему было всего два дня от роду. Обезьяны сидели на дереве и занимались выискиванием в шерсти. Когда Мелисса начала осторожно карабкаться вверх, бережно обхватив крошечное дитя, все с напряженным вниманием уставились на них, а любопытная Фифи бросилась к ним. Взобравшись на дерево, Мелисса прежде всего подсела к Майку: повизгивая, она протянула руку, потрогала его бок и приняла традиционную позу покорности. Майк покровительственно похлопал ее по крестцу, но, как только он наклонился к Гоблину, Мелисса тотчас отодвинулась в сторону. То же самое повторилось и во время приветствия Голиафа, Дэвида и Рудольфа каждый из них хотел рассмотреть младенца поближе.

Минут через пять Майк начал демонстрирование: он прыгал и раскачивал ветки. Мелисса с криком бросилась было прочь от него, но плацента, все еще соединенная пуповиной с Гоблином, запуталась среди ветвей. От внезапного рывка беспомощный малыш чуть не свалился на землю. К счастью, мамаша вовремя подхватила его, потом потянула за пуповину и высвободила плаценту. В это время к Мелиссе кинулся Голиаф, и скоро все взрослые самцы прыгали вокруг нее и яростно раскачивали ветки. Молодая мать, как, впрочем, и все остальные самки, пришла в полное смятение и, громко крича, поспешила ретироваться. Вся эта сцена вполне могла бы сойти за бурную церемонию в честь новорожденного, хотя в действительности, несомненно, была спровоцирована чувством досады и неудовлетворенного любопытства ведь Мелисса не позволила самцам как следует рассмотреть младенца.

Наконец все успокоилось: самцы вернулись к прерванному занятию, а самки окружили Мелиссу и начали пристально разглядывать малютку Гоблина. Правда, стоило одной из них наклониться слишком близко, как Мелисса угрожающе лаяла и загоразивала новорожденного рукой.

Мы наблюдали подобные сцены всякий раз, когда молодые мамы впервые приносили в группу своих младенцев. Все проходило значительно спокойней, если очередного детеныша демонстрировала пожилая мамаша: умудренная жизненным опытом, она никогда не убегала прочь и позволяла всем членам группы удовлетворить свое любопытство. Взрослые самцы спокойно усаживались рядом с ней и внимательно изучали младенца. Нервозное поведение молодых самок часто становилось причиной настоящей трагедии ведь в течение первых дней жизни новорожденный младенец еще не способен самостоятельно держаться за шерсть матери и может при малейшем рывке легко свалиться вниз. Правда, мы никогда не видели, чтобы младенец падал во время этих необузданных сцен. Кроме того, по нашим наблюдениям, самки шимпанзе не делают попыток перегрызть пуповину, и цепляющаяся за ветки плацента увеличивает возможность падения. Нами зафиксировано несколько случаев таинственного исчезновения детенышей в первые дни после рождения.

За шесть лет, прошедших с того времени, как родились Флинт и Гоблин, в нашей группе появилось на свет двенадцать здоровых младенцев, и хотя некоторые из них умерли в первый год жизни, наблюдения за поведением детенышей и матерей выявили много интересного. До пятимесячного возраста матери тщательно оберегают малышей от всяких контактов с другими животными; исключение делается лишь для родных братьев и сестер. С трех месяцев малыши уже начинают тянуться к сидящим рядом членам группы, но матери, как правило, не допускают контакта со взрослыми. Правда, малютка Пом росла совершенно иначе. Ее мать Пэшн спокойно оставляла новорожденную дочку на земле и позволяла молодым самкам не только подходить к ней или трогать ее, но даже приводить в порядок нежную шерстку малышки.

Пэшн во всех отношениях была несколько странной матерью. Я заметила ее еще в 1961 году: это была уже вполне зрелая самка. До рождения Пом, которая появилась на свет в 1965 году, она потеряла одного детеныша, и в этом не было ничего удивительного. Пэшн относилась к своим отпрыскам с потрясающим равнодушием. С первых же дней жизни младенец, предоставленный самому себе, был вынужден вести борьбу за существование. Пом научилась ездить верхом на спине матери, когда ей исполнилось всего два месяца на целых три или четыре месяца раньше других малышей. Это случилось после того, как Пом больно ушибла ногу и не могла крепко держаться за шерсть матери. Пэшн не стала с ней церемониться вместо того чтобы придержать дочку рукой, как поступили бы на ее месте другие мамы, она попросту посадила ее на спину. Пом пришлось пережить несколько неприятных мгновений. Не успела она еще привыкнуть к новому положению, как Пэшн вдруг со всех ног понеслась к группе взрослых самцов и пробежала метров тридцать, вероятно совершенно позабыв о бедной малышке. Та, судорожно вцепившись в материнскую шерсть, с величайшим трудом удерживала равновесие. Мы не могли понять, как ей это удавалось даже детеныши более старшего возраста неизбежно сползали вниз при резких движениях матери.

Но вот нога у Пом зажала, и мы думали, что Пэшн снова посадит малышку на живот. Не тут-то было. Носить детеныша на спине, по-видимому, гораздо легче, и Пэшн, добившись этого тремя месяцами раньше, отнюдь не собиралась терпеть неудобства ради своей дочери. Даже во время проливного дождя мать не позволяла Пом прятаться у нее под животом и безжалостно выталкивала малютку наверх, если та хныкала и лезла к ней.

Большинство самок, за поведением которых мы наблюдали, всегда приходили на помощь своим маленьким детенышам во время кормления. Они поддерживали их, помогали им найти сосок. Фло продолжала делать это даже тогда, когда Флинту уже исполнилось шесть месяцев и он вполне мог обходиться без ее помощи. Мелисса тоже пыталась приподнять Гоблина, чтобы он мог дотянуться до ее груди, но делала это подчас так неуклюже и неловко, что малыш ловил ротиком шерсть на ее плечах или шее. Пэшн вообще не обращала внимания на повизгивания дочери; если Пом сама не могла найти сосок, она оставалась голодной. Случалось и так, что у Пэшн вдруг появлялось желание куда-то пойти в тот самый момент, когда Пом сосала грудь. Мать редко дожидалась, когда малышка насытится она просто вставала и направлялась по своим делам. Пом отчаянно цеплялась за шерсть матери, пытаясь удержать сосок во рту, но мать безжалостной рукой выталкивала ее на спину. В результате Пом сосала грудь не дольше двух минут, тогда как обычно на первом году жизни детеныши сосут грудь минуты по три каждый час. Недостаточное по времени кормление она, возможно, компенсировала тем, что чаще брала грудь.

Когда Пом начала вставать на ноги, повторилась та же история Пэшн бросала беспомощного детеныша на произвол судьбы. Как мы помним, Фло всегда приходила на

помощь Флинту, когда он начал делать первые шаги. Она помогала ему подняться, если он падал, и поддерживала его одной рукой, когда он неуверенно ковылял по тропе. Мелисса была менее заботливой матерью; если Гоблин падал и кричал, пытаясь встать на ноги, она просто протягивала ему руку. Пэшн относилась к стараниям дочери с полным безразличием. Однажды, когда Пом едва научилась держаться на ногах и с трудом преодолевала расстояние в два метра, Пэшн вдруг поднялась и быстро пошла по тропе. Пом отчаянно пыталась сохранить равновесие, то и дело падала, вставала и все-таки продолжала упрямо идти вслед за матерью. Но, несмотря на все ее усилия, расстояние между ней и Пэшн увеличивалось, и тогда малышка громко закричала мать нехотя вернулась и забросила ее на спину. Это повторялось снова и снова. Как только Пом научилась держаться на ногах, Пэшн вообще перестала возвращаться за ней: услышав крик дочери, она останавливалась и ждала, когда та ее догонит.

Едва Пом исполнился год, как мать и вовсе перестала обращать внимание на хныканье дочери и спокойно шла вперед, в то время как Пом изо всех сил пыталась догнать удаляющийся транспорт и на ходу вскарабкаться на него. В течение второго года жизни, когда детеныши становятся уже более самостоятельными и, как правило, стараются ускользнуть из-под материнской опеки, Пом ни на шаг не отходила от Пэшн и даже во время игры с Флинтом, Гоблином и другими малышами все время держала мать одной рукой очевидно, из боязни, что та уйдет и бросит ее.

Подобно человеческим детям, детеныши шимпанзе в течение нескольких лет полностью зависят от матери: они продолжают спать с ней в одном гнезде и сосать грудь даже после четырех лет, и хотя в этом возрасте они уже все реже и реже ездят верхом, при малейшей опасности или признаках волнения в группе они быстро прыгают на спину матери. В этом зависимом возрасте детеныш постепенно овладевает многими необходимыми навыками: учится легко и быстро ходить по земле, лазить по деревьям, тренируется в манипулировании предметами, пуская в ход ветки и прутики во время кормления или сооружения гнезда.

Флинт впервые попытался построить гнездо, когда ему было всего десять месяцев. Он согнул маленький прутик и уселся на него, как это всегда делали взрослые, потом пригнул к себе на колени пучок травы. После этого я не раз видела, как он пытался строить гнезда, смешно болтаясь в воздухе, Флинт сгибал тоненькие ветки и старался придерживать их ногами, пока тянулся к следующим. В течение нескольких месяцев Флинт продолжал овладевать этим сложным искусством и, подобно другим годовалым малышам, частенько строил гнездо во время игры. Иногда он ненадолго ложился в него, но чаще отчаянно вертелся, пока гнездо не разваливалось, и тогда он начинал строить новое. Эта постоянная тренировка в конце концов приводит к тому, что в четыре-пять лет детеныш уже вполне самостоятельно сооружает гнездо. Именно в этом возрасте он и начинает спать отдельно от матери. Точно так же во время игры детеныши постепенно научаются пользоваться прутиками и палочками и приобретают необходимые навыки задолго до того, как им всерьез придется заниматься ловлей термитов.

В человеческом обществе ребенок учится ходить, взбираться по лестнице и есть ложкой гораздо раньше, чем усваивает хорошие манеры. В большинстве случаев маленький ребенок совершенно не способен правильно понять настроение взрослого: он может стучать по столу тарелкой в течение нескольких минут, пока мать не сделает ему вторичного замечания, или не возьмет тарелку у него из рук, или не шлепнет его, только тогда ребенок поймет, что она разгневана. Другой пример: ребенок упорно старается привлечь внимание погруженного в чтение отца, хотя все его усилия не достигают цели и он слышит в ответ лишь раздраженное: Не мешай!

Подобное поведение, которое иногда именуется намеренным непослушанием, мы встречали и у детенышей шимпанзе. Сначала они учатся ходить и взбираться на деревья и лишь потом овладевают сложной коммуникативной системой жестов, которой пользуются взрослые обезьяны. И совсем как дети в течение первого года жизни они обнаруживают удивительное непонимание настроения старших. В это время мать должна зорко следить за поведением своего детеныша и его взаимоотношениями с другими членами группы.

Как-то раз я поднималась в гору вслед за небольшой группой шимпанзе. Вскоре обезьяны уселись отдохнуть и начали обыскивать друг друга. Я расположилась возле них. Хотя Гоблину и исполнилось уже десять месяцев, он все еще нетвердо стоял на ногах. Вот он с трудом доковылял до Майка, который сидел в тени пальмового дерева и дожевывал пригоршню фиг. Самец наклонился к малышу и осторожно погладил его по спине. Гоблин побрел дальше, но по дороге запутался в лиане, шлепнулся и ударился мордочкой о землю. К нему тут же подскочила Фифи, схватила его и прижала к себе. Гоблин с трудом вырвался из ее объятий и снова зашагал. Упавшее деревце преграждало ему дорогу, он полез через него, но поскользнулся и чуть не свалился. Сидевший поблизости Дэвид Седобородый быстро протянул руку, подхватил малыша и помог ему перебраться через ствол.

В это время подошел Флинт, который был на шесть месяцев старше Гоблина, и оба принялись играть и весело резвиться, обнажая нижние зубы в характерной для шимпанзе игровой улыбке. Фло не遠далеке отдыхала, выискивая в шерсти у Фигана; Мелисса сидела чуть подалее и тоже занималась туалетом. Вся эта идиллическая сценка в глухом лесу на склоне горы дышала безмятежным покоем. Вдруг разразились громкие ухающие крики, возвещавшие о прибытии новых шимпанзе. В нашей группе начался переполох. Флинт оставил товарища, бросился к матери и вскочил ей на спину, а Фло для безопасности отошла за пальмовое дерево. Я увидела Майка с поднятой дыбом шерстью и услышала, как он громко заухал. Было ясно, что самец возбужден и готовится продемонстрировать свою мощь. Все остальные члены его группы в соответствии с таблицей о рангах готовы были поддержать вожака или убраться с дороги. Все, кроме Гоблина. Он, ничего не подозревая об опасности, заковылял по направлению к Майку. Мелисса, вскрикнув от ужаса, бросилась к сыну, но было поздно. Майк уже начал свои угрозы и, поравнявшись с Гоблином, схватил его и поволок вместо ветки по земле.

И тогда обычно боязливая, осторожная Мелисса, обезумев от страха за своего детеныша, кинулась на Майка. Это было беспрецедентное нарушение всех правил поведения, и Мелисса жестоко поплатилась за свое вмешательство. Но ей удалось вызволить Гоблина Майк выпустил малыша из рук; тот лежал, прижавшись к земле, и вопил. Еще до того, как Майк оставил в покое Мелиссу, старый самец Хаксли поднял Гоблина с земли и, видимо, тоже собирался использовать его вместо ветки, но вдруг остановился, не выпуская детеныша из рук, и в замешательстве уставился на него. Когда Мелисса, громко крича, смогла наконец убежать от Майка, отделавшись несколькими кровотокающими ранами, Хаксли уже поставил малыша обратно на землю. Увидев мать, Гоблин тотчас прыгнул ей на руки, и они торопливо скрылись в подлеске.

Трудно найти причину подобного поведения Майка. В нормальных обстоятельствах все члены сообщества относятся к маленьким детенышам с бесконечной терпимостью. Можно подумать, что во время демонстрации угрозы некоторые тормозящие механизмы, регулирующие поведение взрослого самца, как бы утрачивают свое действие. Возможно, Майк, находясь в состоянии крайнего возбуждения, хватал все, что попадалось под руку. Я видела, например, как однажды Рудольф, демонстрируя свою силу, схватил

старую самку и поволок было по земле, но тут же выпустил и начал обнимать, гладить и целовать ее.

Прошло не больше двух недель после случая с Майком, а Гоблин ухитрился попасть в новую историю. Он играл с другим детенышем, а обе матери сидели рядом, выискивая друг у друга в шерсти. Вдруг началась паника чужой самец напал на одну из них. Обе самки мгновенно бросились к своим детенышам, и Мелисса, подбежавшая первой, с перепугу схватила чужого малыша и помчалась вверх по склону горы. Вторая мамаша схватила было Гоблина, но тут же оттолкнула его и бросилась вдогонку за Мелиссой. Гоблин остался один. Он был смертельно напуган, мордашка его перекосилась и как будто даже раскололась пополам из-за широкой гримасы ужаса. Подбежал Майк, но на этот раз он вел себя совершенно по-другому: он бережно поднял испуганного Гоблина, прижал его к груди и отнес в сторону. Малыш отчаянно сопротивлялся и пытался вырваться. Тогда Майк осторожно поставил его на землю, а сам остался стоять рядом с ним, угрожая всякому, кто подходил слишком близко. Когда же наконец появилась Мелисса, Майк с истинно царским великодушием разрешил ей подойти к сыну.

Как правило, первенцам, вроде Гоблина, приходится куда труднее, чем их сверстникам, чьи мамы уже вырастили несколько детенышей. Фло всегда была готова прийти на помощь Флинту; кроме того, рядом была еще и Фифи, всегда присматривавшая за малышом. При малейшей опасности она хватала Флинта и отбегала с ним на безопасное расстояние.

Некоторые матери страдали излишней осторожностью и стремились оградить своих отпрысков от всяких, даже самых безобидных контактов. Гилке было всего два года, и в тех редких случаях, когда ее мать оставалась наедине с группой взрослых самцов, обезьянка приходила в крайнее возбуждение. Совсем как маленькая расшалившаяся девочка, которая хочет привлечь к себе внимание старших, Гилка выпрямлялась, начинала размахивать ручками, притоптывала ножками и выделяла всевозможные па. Иногда она подбегала к какому-нибудь самцу, и тот добродушно шлепал ее или начинал щекотать. Но Олли почти всегда в таких случаях спешила к дочери, нервно похрюкивая, униженно дотрагивалась до самца и уводила Гилку прочь, хотя та сопротивлялась и не хотела этого. Однажды Гилка упорно отказывалась идти вслед за матерью и продолжала выделять замысловатые па перед четырьмя миролюбиво настроенными самцами. Олли несколько раз возвращалась за ней, пока наконец не оттащила ее за руку.

Иногда Гилка затевала игру со взрослыми самцами, причем большинство из них весьма охотно откликались на призывы веселой малышки. Стоило Олли заметить это, как она сразу же подбегала и уводила Гилку в сторону или начинала обыскивать самца, отвлекая его внимание. Во всех этих случаях мы никогда не наблюдали признаков агрессивного поведения со стороны самца.

Как-то раз Гилка затеяла возню с Рудольфом. Явно встревоженная Олли тотчас подбежала к ним и, повизгивая, положила руку на спину самца, как бы стремясь умиловить его. Но Рудольф и так находился в самом благодушном расположении духа: он лежал на боку, сотрясаясь от приступов почти беззвучного, свойственного шимпанзе смеха, а Гилка лазала по нему и, играя, покусывала его шею.

Минуты две-три Олли смотрела на забавы Рудольфа и своей дочери, а потом начала лихорадочно выискивать в шерсти Рудольфа, нервно вздрагивая всякий раз, когда тот в игре взмахивал ногой или рукой. Внезапно Рудольф повернулся к Олли и начал рукой щекотать ей шею, в то время как ступней он продолжал щекотать Гилку. На лице Олли

можно было прочесть самые разнообразные чувства. Губы ее затряслись от возбуждения, глаза широко раскрылись, она издала серию хрюкающих звуков, которые вскоре перешли в почти истерические крики. Она отодвинулась в сторону, Рудольф вслед за ней, не прекращая своей щекотки. На мгновение длинные губы Олли изогнулись в некое подобие улыбки, и я уловила нотки смеха в ее истерических стогах. Спустя минуту она все же ушла прочь, так как, по-видимому, не могла больше вынести такого опасного контакта со взрослым самцом.

Действительно, крупные самцы часто без всякого предупреждения нападают на самок во время игры. Трудно сказать, почему это происходит. Возможно, действия самца просто становятся все более грубыми и причиняют самке боль. Если же она отстраняется, самец начинает злиться и нападает на нее. Однако у Олли не было причин для беспокойства: я никогда не видела, чтобы Рудольф вел себя агрессивно во время игры.

Молодые шимпанзе проводят большую часть времени в шалостях и забавах. Когда наблюдаешь за поведением двух- или трехлетних детенышей, кажется, что они вообще ничего не делают и заняты только игрой. Игра как форма поведения это излюбленная тема научных споров. Что такое игра? Как можно ее определить? Каковы ее функции? И все же, несмотря на многочисленные дискуссии и гипотезы, большинство людей независимо от того, принадлежат ли они к числу специалистов или случайных наблюдателей, легко находят общий язык, когда дело касается животных, будь то сцепившиеся в клубок щенки или кувыркающийся молодой шимпанзе.

Причина споров, возможно, кроется в том, что у людей термин игра обозначает два совершенно различных вида деятельности. Мы скажем, что двухлетний малыш, который сосредоточенно сооружает высокую башню, играет своими кубиками, хотя эта форма поведения резко отличается от той веселой возни, когда ребенок, задыхаясь от смеха, прыгает по дивану, а отец ползает за ним и хватается за ноги. В поведении детеныша шимпанзе, который пытается согнуть ветки, чтобы построить гнездо, или удит термитов с помощью совершенно непригодной для этого тоненькой и короткой травинки, можно усмотреть нечто общее с творческой деятельностью ребенка. Но, как правило, под игрой у шимпанзе мы подразумеваем ту веселую шутливую возню, которая одинаково характерна и для детей, и для обезьян.

Когда поблизости нет товарищей, детеныш может играть и в одиночестве: он раскачивается на дереве, прыгает сверху на пружинящую нижнюю ветвь, кувыркается или скачет по земле. Но, конечно, гораздо большее удовольствие им доставляют групповые игры, во время которых детеныши гоняются друг за другом вокруг ствола, прыгают в кронах деревьев, висят, уцепившись одной рукой за ветку, а другой обмениваются дружескими ударами или затевают веселую возню на земле, кусая, пощипывая или щекоча друг друга.

Не знаю, согласятся ли со мной ученые относительно функций игры, но мне кажется, что с ее помощью подрастающий детеныш знакомится с окружающей средой. Во время игры вырабатывается умение владеть телом (нужно быть достаточно ловким, чтобы ухватиться за расположенную далеко внизу ветку), наблюдательность (нужно заранее рассчитать, выдержит ли эта ветка или сломается) и многие другие полезные качества. Все эти навыки пригодятся шимпанзе в дальнейшем, например во время нападения высшего по рангу собрата, что нередко случается на вершинах деревьев. По мнению некоторых ученых, всему этому детеныши могут научиться и в обычной повседневной жизни во время кормления и передвижения группы[34].

Кроме того, коллективные игры, несомненно, помогают молодому шимпанзе ближе познакомиться со своими товарищами. Он обнаруживает, что один из них физически сильнее его, а мать другого занимает более высокое по рангу положение, чем его собственная мамаша, и может вмешаться в случае ссоры или драки с неприятными для него последствиями. Он узнает, что кто-то пасует перед ним или, наоборот, может дать сдачи. Иными словами, в игре детеныш постигает сложную структуру взаимоотношений шимпанзе.

Хотя игра и служит для молодого шимпанзе своеобразной школой, вместе с тем она доставляет ему огромное удовольствие. Многие матери с большим трудом отрывают от игры своих расшалившихся малышей. Правда, Пэши никогда не сталкивалась с этой проблемой. Пом лет до трех настолько боялась, как бы мать не ушла и не бросила ее, что готова была тут же закончить игру и бежать вслед за матерью, даже если та просто передвинулась на несколько метров, выбрав для отдыха новое место.

Зато Фло, чтобы увести Флинта от товарищей, часто сама затевала с ним игру. Она хватала сына за ногу и тащила по земле, а он, воспринимая это как очередную шутку, весело смеялся, пересчитывая спиной все неровности почвы. Совсем как Винни-Пух, когда Кристофер Робин спускался с ним по лестнице. Но больше всех нас развлекала Мелисса. Однажды Гоблин играл с Флинтом, Пом и другими малышами. Мелиссе вдруг захотелось уйти прочь. Она выхватила Гоблина из кучи катающихся по земле детенышей, прижала его к животу и быстро направилась в лес. Но не прошла она и десяти метров, как Гоблин высвободился из ее цепких объятий и вприпрыжку кинулся к своим товарищам. Мелисса, негромко повизгивая, вернулась и снова схватила его. На этот раз ей удалось сделать тридцать метров, прежде чем Гоблин вырвался на свободу. Это повторялось снова и снова. Мелисса пускалась в путь и возвращалась обратно по меньшей мере раз пятнадцать, чтобы увести непослушного отпрыска.

Постоянные наблюдения за развитием детенышей шимпанзе мужского и женского пола позволяют обнаружить некоторые существенные различия между ними. Молодые самцы более склонны к шумным, грубым играм и нередко демонстрируют агрессивную форму поведения: тащат за собой ветки или раскачивают их. Кроме того, самцы начинают угрожать и нападать на других в более раннем возрасте, чем самки. И наконец, одним из основных отличий следует считать более раннее половое созревание молодых самцов[35]. Их интерес к розовой припухлости у самок начинает проявляться очень рано.

Начиная с года и примерно до четырех-пяти лет подрастающие самцы в случае появления в группе самки с набухшей половой кожей подбегают к ней, взбираются на нее и производят те же движения, что и взрослые самцы при спаривании[36]. Флинт уже в три года начал демонстрировать некоторые элементы поведения, которые характерны для взрослого самца во время ухаживания за самкой. Однажды, играя с Пуч, он настолько надоел ей своими приставаниями, что та забралась от него на дерево. Флинт уселся внизу, вздыбил шерсть и стал неистово размахивать ветками до тех пор, пока она, повизгивая, не спустилась вниз к своему маленькому, но требовательному поклоннику.

Детеныши мужского и женского пола ведут себя совершенно одинаково, когда замечают, что взрослый самец спаривается с самкой: они подбегают к ним и пытаются помешать половому акту. И здесь, пожалуй, как ни в одном другом случае, проявляется та удивительная терпимость, с которой взрослые шимпанзе относятся к детенышам. Самец почти никогда не нападает на них, хотя они толкают его, хватают за лицо и кусают. Лишь в очень редких случаях самец прихватит одного из них зубами, причем, как правило, жертвой становится детеныш мужского пола.

Когда детенышу исполняется четыре года, атмосфера терпимости и доброжелательности, в которой он рос до сих пор, резко меняется. Взрослые шимпанзе теперь угрожают ему при малейшем проступке. Игры подрастающих детенышей становятся более грубыми и необузданными. К тому же именно в это время матери отнимают детенышей от груди. После безоблачного детства начинается трудный и мучительный период, который нередко длится больше года. Для Гилки переход от детства к юношеству был особенно несчастлив.

12. Детеныш

Гилка неподвижно висит надо мной, уцепившись рукой за ветку. Вид у нее довольно странный: одна нога согнута в колене и прижата ступней к паху[37]. Так проходит несколько минут. Гилка не шевелится. Потом она лениво сползает с дерева и, ковыляя на трех конечностях четвертая по-прежнему прижата к паху, медленно подходит к Олли, которая занимается ужением термитов. В метре от матери Гилка останавливается и начинает негромко хныкать. Сначала Олли не обращает на нее внимания, но потом привлекает дочь к себе и щекочет. Гилка смеется почти беззвучным смехом, который выражается лишь в учащенном дыхании. Но Олли отталкивает ее и возвращается к прерванному занятию. Гилка оглядывается по сторонам, подбирает брошенную матерью соломинку и нехотя засовывает ее в уже проделанное отверстие. Потом так же нехотя вытаскивает травинку и, не обнаружив на ней термитов, засовывает снова опять безуспешно. Тогда она бросает соломинку, садится на землю и начинает приводить в порядок свою шерсть.

Однако через несколько минут, ей, как видно, наскучило и это занятие. Тогда она вновь подходит к матери, встает подле нее и жалобно хнычет. Как и в первый раз, Олли не обращает на Гилку внимания, потом внезапно прижимает ее к груди, дает сосать с полминуты и отталкивает от себя. Гилка пристально смотрит на мать, после чего отходит в сторону и влезает на то же самое дерево. Усевшись, она начинает отрывать от ствола маленькие кусочки коры, крошит их и бесцельно роняет вниз.

Гилке исполнилось четыре с половиной года, и за последние семь месяцев она заметно изменилась. Прежде веселая и живая, Гилка стала вялой и скучной. На это были свои причины. Во-первых, брат Гилки Эверед, который всегда охотно играл со своей маленькой сестрой, вырос и проводил теперь с семьей гораздо меньше времени. Во-вторых, Фифи, неразлучная спутница и подруга Гилки, резко изменила свое отношение к ней. Она была настолько поглощена трехмесячным Флинттом, что почти совсем перестала участвовать в играх. Более того, Фифи вела себя очень агрессивно и даже нападала на свою младшую подругу, если та осмеливалась приблизиться к Флинту. Правда, через некоторое время эта враждебность прошла и Фифи стала более терпимой: по-прежнему играла с Гилкой, позволяла подойти к младшему братцу и даже повозиться с ним. Но тут вдруг что-то случилось с Олли: она начала сторониться семейства Фло. Дело в том, что сыновья Фло: Фабен и фиган, за последние месяцы очень подросли и стали почти взрослыми, хотя и находились неотлучно возле матери. Их присутствие, по-видимому, и смущало Олли.

Вот почему Гилке в течение долгих дней приходилось довольствоваться компанией своей немолодой мамы, которая к тому же отнимала детеныша от груди и не разрешала ей часто сосать. Термитный сезон был в самом разгаре. Олли то и дело останавливалась возле гнезд и принималась за ловлю насекомых. Она могла просидеть на одном месте в течение нескольких часов. Гилке, так же как и другим детенышам, это занятие быстро надоело.

Нет ничего удивительного, что сочетание всех этих обстоятельств угнетающе действовало на Гилку. Предоставленная самой себе, она все чаще стала впадать в меланхолию могла в течение долгого времени сидеть, неподвижно уставившись в одну точку и прижав пятку к паху, или начинала бесцельно отковыривать кусочки коры. Скука и отсутствие товарищей среди шимпанзе привели к тому, что Гилка нашла себе весьма странную подружку.

Впервые я узнала об этой дружбе при самых обычных обстоятельствах, наблюдая за Олли и Гилкой. Мать, как всегда, была поглощена ужением термитов, а дочь со скучающим и безразличным видом сидела рядом. Вдруг внизу в долине раздался громкий лай павианов. Услышав эти звуки, Гилка мгновенно преобразилась: стяхнула с себя сонное оцепенение, выпрямилась и залезла на дерево, вглядываясь в ту сторону, откуда доносился лай. Посмотрев в том же направлении, я увидела, что в ста метрах от нас на лужайке расположилось стадо павианов и некоторые из них бредут в нашу сторону. Гилка внимательно наблюдала за ними, потом молниеносно спрыгнула с дерева и побежала по направлению к лужайке. Олли, не прерывая излюбленного занятия, лишь мельком взглянула на свою дочь.

Вот Гилка почти добежала до поляны, но в этот момент от стада отделился и бросился ей навстречу небольшой павиан. Это была Гоблина, хорошо знакомая мне самка, приблизительно того же возраста, что и Гилка. Встреча была очень радостной: подружки прижались друг к другу мордами, обнялись и очень скоро затеяли шумную возню. Они играли, боролись, катались по земле и обменивались шлепками. Потом Гоблина обошла вокруг Гилки и, вытянув лапу, казалось, начала щекотать ей ребра. Та откинулась назад и, широко улыбаясь от удовольствия, отталкивала лапы Гоблины.

Так продолжалось минут десять. И все это время Гилка и Гоблина удивительно нежно обращались друг с другом. Потом павианы двинулись прочь, и Гоблина вприпрыжку помчалась вслед за своим стадом. Гилка проводила ее глазами и медленно вернулась к матери. Проходя мимо меня, она, все еще играя, вспрыгнула на дерево и стала раскачивать ветку, обсыпав меня дождем листьев и веточек. Потом она подошла к Олли и принялась тихонько скулить. Мать, как обычно, не обратила на нее никакого внимания, и Гилка снова залезла на дерево. Веселое и игривое настроение сменилось безразличием и апатией: Гилка опять начала бесцельно отковыривать кусочки коры, размельчать их и швырять крошки на землю.

Вообще говоря, молодые шимпанзе и павианы довольно часто играют вместе: гоняются друг за другом либо на земле, либо на деревьях или обмениваются дружескими ударами, когда один из соперников быстро нападает на другого и тотчас ретируется. Нередко эти игры заканчиваются агрессивными выпадами с той или другой стороны. Однако дружба между Гилкой и Гоблиной носила совершенно иной характер: отношения между двумя детенышами были почти всегда миролюбивыми и нежными. Подруги часто, так же как и в описанном случае, намеренно искали общества друг друга. В то время никто специально не занимался изучением павианов, но мы с Гуго давно знали Гоблину и подозревали, что она рано потеряла мать. Однажды я видела, как стадо павианов устраивалось на ночлег. Гоблина перебежала от одной самки к другой, пока наконец не свернулась калачиком возле одной старой и бездетной самки. В отличие от Гилки у Гоблины среди сородичей было немало товарищей по играм.

Странная дружба между Гилкой и Гоблиной продолжалась около года. Потом Олли с дочкой вдруг куда-то исчезли и появились в нашей долине месяцев через шесть, когда мы уже потеряли всякую надежду на их возвращение. Гоблина к тому времени выросла у

павианов период полового созревания наступает гораздо раньше, чем у шимпанзе, и прежняя дружба не возобновилась.

Гилка же за эти шесть месяцев совсем перестала сосать грудь, и хотя она все еще повсюду сопровождала мать, отношения между ними значительно ухудшились. Олли, которая, как вскоре выяснилось, была беременна, часто без всякой причины нападала на Гилку, например начинала угрожать, если дочь приближалась к ней во время кормежки на расстояние трех метров, даже в тех случаях, когда пищи было более чем достаточно для обеих.

Меня необычайно интересовало, спят ли они по-прежнему в одном гнезде или Гилка уже отделилась от матери. Поэтому при первой возможности я постаралась выяснить это. Как-то раз Олли и Гилка дольше обычного задержались в лагере и ушли от нас уже в сумерках. Я отправилась вслед за ними. За последнее время я так много наблюдала за этими двумя шимпанзе, что они полностью свыклись с моим присутствием и почти не обращали на меня внимания. Мы бодро шли по тропе, ведущей в сторону гор. Олли и Гилка изредка останавливались, чтобы сорвать зрелые аппетитные плоды, висевшие прямо над головой, или отправить в рот горсточку листьев, а потом снова трогались в путь. Было очевидно, что они спешат попасть в какое-то совершенно определенное место.

Наконец мы вышли из лесу и стали подниматься на гребень горы. Здесь росла высокая, почти в мой рост трава. Я не видела Олли и Гилку и все время боялась потерять их, но, к счастью, похрустывание сочных стеблей под ногами шимпанзе позволяло определить их местонахождение, и я, правда не без труда, поспедала за ними. Вот Олли и Гилка опять остановились и взобрались на высокое дерево, сплошь усыпанное желтыми плодами. Кормежка продолжалась долго, я подыскала себе удобный камень, все еще хранящий солнечное тепло, и уселась на него. Прямо передо мной расстилалась величественная гладь озера. Последние лучи заходящего светила багрово-красными бликами играли на голубоватой поверхности воды, но вскоре погасли и эти отблески заката. Все вокруг потемнело, стало свинцово-серым. Тропическая ночь вступила в свои права. Смолкли пронзительные трели цикад, уступив место ночному хору сверчков. Над озером вошел тоненький серпик луны, рядом с ним зажглась яркая вечерняя звезда. А Олли и Гилка, казалось, никогда не кончат свой ужин.

Минут через двадцать они наконец слезли на землю и направились к небольшому лесочку, расположенному метрах в ста от того места, где были мы. Стоило нам войти в лес, как я тут же потеряла их из виду: нечего было и думать о том, чтобы в этой кромешной тьме различить два черных силуэта. Я прошла еще немного вдоль тропы, остановилась и прислушалась. Внезапно слева от меня раздался отчетливый хруст веток, и, повернувшись в ту сторону, я увидела на фоне все еще светлого неба очертания крупной фигуры. Через пару минут все стихло обезьяна улеглась в гнезде.

Почти одновременно в другой части дерева послышался шорох листьев и хруст веток. Я с трудом разглядела еще один силуэт, поменьше первого: по-видимому, Гилка только что приступила к сооружению гнезда. Скоро и она угомонилась. На всякий случай я подождала еще минут десять, так как маленькие шимпанзе имеют обыкновение строить гнезда недалеко от материнского, но не ночуют в них, а перебираются к матери. Однако Гилка не шевелилась, наверное, уже уснула. Я зажгла фонарик, который всегда брала с собой, и побрела к лагерю. Возвращение в темноте по густой траве всегда заставляло меня изрядно нервничать. Фонарь был нужен мне не столько затем, чтобы освещать дорогу для этого с избытком хватило бы луны и звезд, сколько для того, чтобы отогнать страх. Яркое пятно света, бегущее впереди меня, казалось надежной защитой и от леопарда, и от

буйвола, и от других животных, которые, как мне казалось, притаившись по обеим сторонам тропы, следят за мной. Здесь же, в магическом кругу света, где растения и предметы сохраняли привычные цвета и очертания, я чувствовала себя в полной безопасности. Возможно, мои рассуждения покажутся наивными, но лишь во тьме африканских джунглей я по-настоящему поняла, как много значил огонь в жизни первобытного человека.

Вернувшись на следующее утро к дереву, я убедилась, что Гилка и Олли спали в отдельных гнездах.

Для Фифи период отнятия от груди прошел значительно легче. Даже после того, как у Фло кончилось молоко, Фифи по старой памяти то и дело подбегала и тесно прижималась к матери, обретая благодаря физическому контакту недостающую ей уверенность. Утратив прежнюю фанатическую привязанность к Флинту, Фифи стала спокойным и исключительно веселым детенышем. Она охотно играла не только со своими собственными братьями, но и с другими подрастающими и даже взрослыми самцами. Как-то она в течение двадцати с лишним минут гонялась за старым Джей-Би вокруг дерева. Огромный, толстый и по большей части далеко не добродушный самец громко смеялся от удовольствия. Это поведение было необычным для большинства подростков они независимо от пола, как правило, боятся играть со взрослыми самцами.

Столь свободное обращение Фифи со старшими членами группы объяснялось, по-видимому, тем, что ее связывали с матерью более дружественные отношения: Фло относилась к своей подрастающей дочке гораздо терпимее, чем, скажем, Олли или Марина. Дочка Марины Мифф была ровесницей Фифи. Так же как и два ее брата, она очень страдала от равнодушия матери. Марина никогда не играла с детьми и лишь двухлетний Мерлин, поминутно дергая ее за руку, иногда заставлял обратить на себя внимание.

За исключением тех редких минут, когда Мифф и Марина, усевшись рядом, начинали обыскивать друг друга, мы не наблюдали между ними особой привязанности. Напротив, Мифф явно боялась матери. Она никогда не подбегала к ящику с бананами, у которого кормилась Марина, и не пыталась разделить с ней трапезу, как это делала Фифи. Мы никогда не видели, чтобы Мифф, если ей не досталось бананов, просила их у матери. А ведь Фифи всегда выпрашивала бананы у Фло и устраивала настоящую истерику, если на нее не обращали внимания, она визжала, каталась по земле, размахивала руками. В конце концов мать всегда уступала дочке банан, потакая ее капризам по крайней мере вплоть до восьмилетнего возраста.

Особенно отчетливо проявилась разница между Мариной и Фло во время термитного сезона. Наблюдая однажды за Мариной и Мифф, я увидела, что у матери ужение не ладится, а у дочки идет превосходно. Марина тоже заметила это, подошла к Мифф и довольно грубо оттолкнула ее; Мифф, скуля и хныча, наблюдала со стороны, как мать вытацила полную соломинку сочных насекомых. Решив попытать счастья возле другого отверстия, Мифф подняла с земли длинный стебелек и обошла термитник, но как раз в этот момент орудие Марины сломалось и она без колебаний выхватила из рук дочери только что найденную той травинку.

Фло относилась к детям совершенно иначе. Как-то раз в самом начале сезона она остановила свой выбор на термитной куче, покрытой толстым слоем опавших листьев. Выходы из гнезда были плотно закрыты, и Фло пришлось как следует потрудиться, прежде чем она расчистила один из них. Едва Фло приступила к ужению, как к ней

подошла Фифи, которая так и не смогла найти подходящего отверстия на поверхности гнезда. Она уселась возле матери и, не сводя с нее глаз, начала скулить и раскачиваться взад-вперед, приближая тем временем руку с зажатой в ней травинкой к отверстию. Наконец Фло вытащила свою соломинку, и Фифи, бросив на мать быстрый взгляд, осторожно засунула собственную удочку в отверстие. Фло терпеливо ждала своей очереди. Потом ей это, очевидно, надоело, и она отошла, найдя для ужения другое отверстие. Тем временем дела у Фифи пошли плохо, и она снова стала приставать к матери. Та дважды мягко оттолкнула ее руку, но в конце концов все же уступила ей свое место.

Подрастающая самка, в особенности если в семье появляется новый детеныш, быстро привыкает к изменившимся обстоятельствам и к тому, что теперь ей самой не спускать глаз с матери. Иногда по воле случая она может ненадолго разлучиться с матерью, но всегда очень нервничает и переживает свое одиночество. Старая Фло и после рождения Флинта никогда не забывала про старшую дочь и не уходила без нее. Но вот однажды, когда Фифи было около пяти с половиной лет, Фло не дождалась, пока дочь закончит играть со сверстниками. Фифи же чересчур увлеклась и не заметила, как мать, несколько раз оглянувшись на нее, ушла вместе с Флинтом. Когда Фифи спохватилась, было уже поздно. Негромко хныча, она бросилась к высокому дереву, быстро вскарабкалась на него и принялась озираться по сторонам. Постепенно ее взволнованный плач становился все громче и громче и перешел в истошные вопли. Стремглав спустившись вниз и все еще крича, она торопливо заковыляла по тропе в направлении, прямо противоположном тому, куда ушли Фло с Флинтом. Я последовала за Фифи. Она то и дело останавливалась, озиралась и прислушивалась, а потом, распушив шерсть, продолжала свой путь. Крики и плач не прекращались ни на минуту.

Уже смеркалось, но Фифи словно не замечала этого. Случайно повстречавшись с Олли и Гилкой, Фифи прошла мимо них, хотя Гилка тотчас подбежала к ней и принялась перебирать шерсть, явно рассчитывая поиграть со своей подружкой. Я удивилась не меньше Гилки самым разумным для Фифи было бы остаться сейчас возле Гилки и Олли и переночевать вместе с ними. Однако Фифи решила по-своему: она прошла еще немного вдоль тропы, выбрала высокое дерево и построила себе гнездо на самой его вершине. Там она долго ворочалась и стонала, пока наконец не улеглась. Я решила не возвращаться в лагерь и провела ночь здесь же, под деревом. Раза три я просыпалась, разбуженная криками и плачем Фифи.

Задолго до рассвета Фифи, похныкивая, выбралась из гнезда и побежала в лес. Я же решила вернуться в лагерь, так как в темноте все равно не смогла бы идти за ней. Когда я пришла, Гуго рассказал мне, что Фифи, все еще поскуливая, появилась в лагере часов в семь утра, торопливо осмотрелась и побежала в долину. Часа через два после моего прихода она снова появилась в лагере, но на этот раз вместе с Фабеном. Это было очень странно, так как обычно старший брат уделял сестрице не слишком много внимания и лишь изредка играл с ней. Зато Фифи в компании Фабена обрела наконец спокойствие и уверенность. Через некоторое время мы увидели Фло. Вместо радостной и волнительной встречи, которая рисовалась нашему воображению, Фифи просто подошла к матери, и обе начали энергично выискивать друг у друга в шерсти. С тех пор мы не раз наблюдали аналогичные сцены и всякий раз поражались полному отсутствию эмоций: радость встречи заблудших отпрысков с их мамами выражалась лишь во взаимном обыскивании, что еще раз подтверждает значение этой процедуры в жизни сообщества шимпанзе.

Нас всегда удивляло, что мать, спешащая на выручку к плачущему, потерявшемуся детенышу, сама никогда не издает никаких звуков, которые подсказывали бы ее местонахождение. И пока мать добирается до того места, откуда слышался плач, детеныш уходит еще дальше в лес, так что поиски могут занять несколько часов, а то и дней, если мать не будет слышать рыданий своего отпрыска. Марина, как и следовало ожидать, никогда не заботилась о том, идет ли Мифф вслед за ней. Поэтому пятилетней дочери приходилось постоянно разыскивать мать, сопровождая эти поиски криками и плачем.

Подрастающие самцы, как правило, гораздо спокойнее переносят отсутствие матери. Конечно, и они бывают очень нервозны и взволнованны, но тем не менее уже примерно с шестилетнего возраста могут присоединяться к другим шимпанзе и ходить с ними в течение нескольких дней. Вообще самцы начинают самостоятельную жизнь раньше самок.

Но бывают и исключения: Фиган находился в обществе матери гораздо дольше других подростков, сопровождая ее и Фифи в их странствиях. Как-то раз он, Фло и Фифи кормились на большом плодовом дереве. Фигану было около шести лет. Целый каскад громких уханий и ударов по стволам возвестил о прибытии в долину группы шимпанзе. Судя по звукам, группа остановилась возле деревьев, расположенных выше по ручью. Фло и ее отпрыски тоже заухали в ответ, а потом Фиган вспрыгнул на дерево и принялся отчаянно колотить руками по веткам. Спустившись вниз, он продолжал колотить руками по земле и, не прекращая уханий, побежал по тропе к другим шимпанзе, по пути барабанил по стволам деревьев. Скоро он остановился и оглянулся на мать в надежде, что и она последует за ним, но старая самка совсем не собиралась спускаться с дерева.

Тогда Фиган снова зашагал по тропе, но через некоторое время остановился и обернулся, выжидающе глядя на мать. Дальше тропа исчезала в чаще леса, и после минутного колебания Фиган побрел назад к Фло. Однако через несколько шагов он еще раз остановился, с явной решимостью повернулся в сторону большой группы и, уже не оглядываясь, скрылся в густых зарослях. Его не было минут пять. Когда он появился, мне бросилась в глаза его странная нетвердая походка. Проходя мимо меня, он наполовину шутя, наполовину с угрозой оскалил зубы и зарычал так человек иногда стремится грубоватой шуткой скрыть от других свое замешательство. Спустя несколько часов Фло все же присоединилась к большой группе. Но вечером она, как всегда, собралась уходить, чтобы выбрать место для ночевки. Фиган не пошел за ней и Фифи, а остался с другими шимпанзе. Прошло два дня. На третий все семейство встретилось в лагере. Фифи радостно бросилась к брату и обняла его, хотя он никак не прореагировал на ее появление. С тем же независимым видом он подошел к матери и едва коснулся губами ее лица. Правда, вскоре он уже с явным удовольствием играл и возился с Фифи.

Подрастающие самцы проявляют большую осторожность во взаимоотношениях со старшими по рангу. Только почтением к взрослым самцам можно объяснить тот факт, что они не пытаются, как прежде, ухаживать за взрослыми самками. И хотя мы никогда не замечали, чтобы сын испытывал перед матерью такой панический страх, как, например, Мифф перед Мариной, сыновья, как правило, относятся к матери с большим уважением, чем дочери.

Как-то раз неподалеку от лагеря мне встретился Фиган, державший в руке только что убитую гверецу. Схватив ее за хвост и перекинув добычу через плечо, он начал карабкаться на дерево. Фифи, которой в то время было около трех лет, полезла вслед за ним. Вот он выбрал удобную ветку, уселся и приступил к трапезе. Фифи принялась

умоляюще скулить, и старший брат время от времени протягивал ей небольшие кусочки мяса.

Через несколько минут на дерево вскарабкалась Фло. Фиган тотчас закинул гверцу за спину и залез повыше. Фло осталась внизу она рассеянно глазела по сторонам и, казалось, вовсе не замечала сына. Тот успокоился и снова начал есть, то и дело поглядывая на мать. Минут через десять старушка Фло, едва взглянув на сына, медленно вскарабкалась выше и с невинным видом уселась возле Фигана. Тот взобрался еще выше.

Так продолжалось до тех пор, пока оба не добрались до макушки дерева. Притворяться дальше не было смысла оба прекрасно понимали намерения друг друга. Первой не выдержала Фло она кинулась к сыну, но тот, схватив добычу, прыгнул в кусты и скрылся из виду. Фло и Фифи помчались за ним. Чем кончилось дело, я так и не узнала.

13. Подросток

Как и у людей, отрочество это, пожалуй, самое мучительное время в жизни подрастающего шимпанзе, причем наибольшие трудности выпадают на долю самцов-подростков.

Самцы достигают половой зрелости уже в семь-восемь лет, но лишь годам к четырнадцати они становятся полноправными членами группы. Молодые самцы стремятся доминировать над самками и даже терроризируют их, но во взаимоотношениях со взрослыми самцами ведут себя вдвойне осторожно, чтобы не вызвать их неудовольствия. К тому же они гораздо слабее физически: вес подростка достигает всего лишь восемнадцати килограммов, тогда как вес взрослого самца сорока пяти и более. Разрыв во времени между половой и общественной зрелостью значительно усложняет жизнь подростка.

Одним из факторов, стабилизирующих положение подростка, могут быть его отношения с матерью. Старая Фло с большой терпимостью и любовью относилась ко всем своим отпрыскам, в том числе и к старшим Фабену и Фигану. Они тоже были очень привязаны к матери и на протяжении всего подросткового периода почти не отходили от нее. Олли и Марина, менее спокойные и уравновешенные, чем Фло, гораздо реже появлялись в сопровождении подрастающих сыновей. Как правило, и в десять-одиннадцать лет сыновья (по сути дела уже совсем взрослые) продолжают с большим уважением относиться к своим старым матерям. Если предложить сыну банан в присутствии матери, то он никогда не возьмет его, а, отойдя в сторону, предоставит эту возможность матери. Как-то раз я держала банан перед Эвередом и Олли; оба сначала колебались, а потом почти одновременно потянулись за ним. Эверед тотчас отдернул руку, то же самое сделала и Олли, потом она быстро повернулась и взглянула на сына, губы ее дрожали. Эверед распушил шерсть, но уже не пытался достать плод, и тогда Олли издала серию частых, хрюкающих звуков и взяла банан.

Нередки случаи, когда мать выручает подростка из беды. Однажды Мистер Уорзл атаковал Фабена, которому было около двенадцати лет. Фло, вздыбив шерсть, поспешила на помощь сыну, хотя у нее на спине сидел малютка Флинт. Почувствовав поддержку, Фабен осмелел, выпрямился и начал переступать с ноги на ногу, а его испуганные крики сменились яростным воплем ваа, постепенно перешедшим в лай. Потом мать и сын бок о бок двинулись по тропе на Мистера Уорзла; Фло хрипло лаяла и в бешенстве колотила по земле руками. Мистер Уорзл в испуге ретировался.

Если подростку угрожает самец высокого ранга, матери лучше не вмешиваться, но тем не менее она, как правило, старается держаться поближе к месту происшествия, оглашая при этом окрестности громкими лающими звуками ваа. Даже трусиха Олли принялась лаять, когда Майк напал на ее Эвереда. Зато после того, как сын вопя убежал прочь, мамаша, почтительно пригнувшись к самой земле, учащенно дыша и издавая истерические визгливые звуки, подошла к Майку и положила руку ему на спину как бы извиняясь за проступок Эвереда, послуживший поводом для взбучки.

Конечно, отношения между матерью и сыном с годами претерпевают серьезные изменения. Когда Фигану в семилетнем возрасте случилось демонстрировать свою силу, Фло обычно не обращала на сына никакого внимания, хотя другие взрослые самки предпочитали в таких случаях отходить подальше от разбушевавшегося юнца. Но уже через год и сама Фло спешила убраться с дороги Фигана, когда он, распушив шерсть и сделавшись от этого вдвое крупнее, шел прямо на нее, волоча позади себя огромную ветку. Тем не менее Фло все еще осмеливалась иногда задавать сыну хорошую трепку: однажды во время кормежки она так отколотила его по спине кулаками, что Фиган с ревом убежал прочь от ящика.

Становясь старше, подросток начинает защищать свою мать от нападений и угроз со стороны других членов группы. Как-то раз Марина и Фло сцепились в драке прямо посередине лагеря: они тузили друг друга кулаками, кусались, визжали и наконец повалились на землю и стали клубком кататься по пыли. Виновата была Марина она напала на Фифи, та закричала, и Фло, поспешившая на помощь дочери, решила проучить дерзкую самку. Неподдалеку на пальмовом дереве кормился сын Марины, девятилетний Пепе. Увидев, как разворачиваются события, он спустился на землю и бросился к матери, а Фло повернулась и убежала. Но Пепе, казалось, не был этим удовлетворен. Вместе с Мариной он долго преследовал Фифи и Фло, причем могущественная Фло, которая еще совсем недавно могла бы сделать из Пепе котлету, теперь бежала без оглядки, выражая свое возмущение хриплым и прерывающимся от ярости голосом.

В обращении с самцами высокого ранга подросток должен быть крайне осторожным, потому что теперь больше, чем когда-либо, любое нарушение субординации может повлечь за собой грозное наказание. Однажды мы были свидетелями такой сцены: самец Лики вытащил из ящика здоровенную гроздь бананов и с наслаждением приступил к трапезе. Пепе, который вертелся поблизости, увидел бананы и начал осторожно подходить к их обладателю. При каждом неожиданном движении взрослого самца подросток вздрагивал и замирал на месте. Постепенно шаг за шагом он подходил все ближе и ближе и наконец остановился в каком-то метре от Лики, в испуге обнажив зубы. Тем не менее желание взять плод оказалось сильнее страха, он протянул руку, но тотчас отдернул ее, негромко попискивая. Через некоторое время он снова потянулся за бананом и опять боязнь прогневить старшего заставила его отстраниться, причем едва слышное повизгивание перешло в громкие судорожные крики. Тогда Лики наклонился к Пепе и успокоил подростка, прикоснувшись к его лицу и паху. Несмотря на этот жест, Пепе продолжал негромко и испуганно попискивать, и тогда Лики вторично дотронулся рукой до его головы и лица. Наконец Пепе успокоился и, ухватив несколько бананов, поспешно отбежал подальше от Лики.

Но взрослые самцы далеко не всегда оказывались столь благодушными. В самом деле, тот же Лики при иных обстоятельствах или будучи в скверном настроении вполне мог ударить Пепе, хотя подросток всем своим поведением демонстрировал подчинение и зависимость от старшего по рангу. Чаще всего подросток издали наблюдает за пиршеством взрослых самцов, не осмеливаясь принять в нем участие или даже подойти

ближе. Между тем вид лакомой пищи вызывает определенные эмоции, сдерживаемое напряжение все возрастает и наступает неизбежная разрядка: подросток с хрустом ломает ветку, продираясь сквозь густой кустарник, волочит за собой здоровенные палки, а такое проявление чувств может не понравиться одному из старших по рангу, поскольку взрослые шимпанзе с большим неудовольствием относятся к шумным выходкам подростков и, как правило, стараются прогнать или даже отколотить незадачливого нарушителя спокойствия.

После двух уроков, преподанных Майком, Фиган твердо усвоил неписанный закон обезьяньего этикета не устраивать шумных демонстраций угроз в присутствии взрослых самцов. Однажды мы видели, как Фиган, не получивший ни одного банана, долго смотрел на Майка, который на его глазах съел огромную гроздь. От досады он раскачивался взад-вперед, но потом вскочил и стремглав побежал по тропе в лес, громко скуля и хныча совсем как разбидевшийся ребенок. Метров через сто он остановился возле высокого дерева с корявым толстым стволом и множеством воздушных корней. Его плач перешел в пронзительные учащенные уханья, он подпрыгнул, ухватился обеими руками за воздушный корень и принялся изо всех сил колотить ногами по стволу, выбивая ими отчаянную дробь: де-дум, де-дум, де-дум. Потом все стихло, и через некоторое время Фиган с безразличным видом присоединился к группе. Выглядел он вполне довольным и успокоенным. Впоследствии Фиган не раз прибегал к этому способу и барабанил по стволу дерева, когда бывал обижен на старших.

Но даже Фиган, несмотря на свое умение избежать наказания, все же, как и всякий подросток, получал иногда взбучки от старших. Другим же его сверстникам, менее хитроумным, чем он, доставалось гораздо чаще. Почему же все-таки подростки отдавали явное предпочтение компании взрослых самцов? Объяснить это хотя бы отчасти поможет тот факт, что в большинстве случаев агрессивные инциденты между юнцами и старшими по рангу заканчивались необычайно быстро, в особенности если подросток был почти детенышем, и завершались, как правило, дружеским прикосновением недавнего экзекутора к пострадавшему. Для многих подростков эта форма примирения была совершенно необходима.

Как-то раз Голиаф яростно набросился на Эвереда только за то, что тот не успел предусмотрительно отбежать в сторону, когда самец начал демонстрировать свою силу. Бедному юнцу здорово досталось: Голиаф до крови покусал подростка и вырвал изрядное количество шерсти. И все же Эверед, громко вскрикивая, побрел вслед за уходящим Голиафом. Пройдя несколько шагов, Голиаф сел, и Эверед начал крадучись приближаться к нему. Страх перед взрослым самцом был настолько велик, что подросток несколько раз останавливался в нерешительности и поворачивал назад. Но потребность в успокоительном прикосновении оказалась сильнее страха, и Эверед, продолжая визжать, подошел совсем близко к Голиафу, подставил зад и склонился к самой земле. Тогда Голиаф протянул руку и начал гладить Эвереда по спине, вопли подростка становились все глуше, минуты через полторы перешли в хныканье и наконец совсем смолкли. Лишь после этого Голиаф убрал руку со спины Эвереда.

К сожалению, искусственные подкормки на территории нашего лагеря значительно увеличивали соперничество между животными. В лесу же взрослые самцы вели себя не столь агрессивно, и подростки чувствовали себя в их компании более непринужденно. Каждый подросток прекрасно знал свое место: он не принимал участия в длительной процедуре взаимного обыскивания, любимом занятии взрослых, а сидел в сторонке и в одиночестве чистил свою шерсть. Не рвался он вперед и когда взрослые самцы, облюбовав дерево, приступали к кормежке: он старался держаться на почтительном

расстоянии и даже выбирал для себя, как правило, какое-нибудь соседнее дерево. И уж, конечно, подросток спешил убратся с дороги взрослых самцов, когда те начинали демонстрировать свою мощь при виде источника пищи, и терпеливо ждал, пока все не успокоится. Тем не менее подрастающие самцы составляли неотъемлемую часть группы самцов они многому учились от старших собратьев, постоянно наблюдая за их поведением и подражая им.

Если подрастающая самка многому учится от матери и, ухаживая за младшими в семье, приобретает навыки, которые пригодятся ей в дальнейшем, молодые самцы не находят в семье постоянного примера для подражания. Роль отца, то есть взрослого самца, постоянно связанного с семьей, остается по существу незанятой. Именно поэтому подрастающий самец рано или поздно уходит от матери, чтобы быть в обществе взрослых самцов.

Иногда, особенно на первых порах, подросток может почувствовать себя слишком скованно в компании старших по рангу, тогда он снова возвращается к матери или же вообще отделяется от группы и в течение какого-то времени бродит в одиночестве. Почти все подростки, за которыми мы вели наблюдения, вдруг на несколько часов или даже дней выпадали из поля зрения. Это устранение, по крайней мере в некоторых случаях, было вполне намеренным подрастающие самцы шимпанзе специально искали одиночества.

Однажды я наблюдала за большой группой самцов и самок, в составе которой был и восьмилетний Фиган. В течение часа он оставался вместе со всеми, но в тот момент, когда группа взобралась на дерево кормиться, отделился от нее и побрел прочь. Вскоре он тоже залез на дерево, подкрепился фигами, но минут через двадцать соскочил на землю и пустился в путь, продолжая все дальше уходить от группы. На следующий день он по-прежнему в одиночестве забрел к нам на станцию подкормки и лишь к вечеру присоединился к Фло и Фифи.

Между тринадцатью и пятнадцатью годами подрастающие юнцы постепенно приобретают статус взрослых самцов и стремятся занять подобающее место в доминантной иерархии. Мы внимательно следили за несколькими молодыми самцами, вступившими в этот критический возраст, и особенно пристально за ровесниками, Фабеном и Пепе. Оба подростка начали частенько демонстрировать свою силу не только друг перед другом, но и перед взрослыми самцами низшего ранга. Демонстрирования угрозы, очевидно, представляют собой адаптивную форму поведения, которая позволяет животному добиться главенствующего положения в группе. Как уже отмечалось, в подобных ситуациях поведение животного может отличаться крайней необузданностью и агрессивностью. Так, например, молодой самец в эти минуты способен угрожать взрослому животному, к которому он в другое время испытывает глубочайшее почтение. Даже те из самцов, которые занимают достаточно высокое положение в табели о рангах, иногда спешат убратся прочь, завидев разбушевавшегося юнца. Самцы же, стоящие на нижних ступенях иерархической лестницы, то и дело подвергаются угрозам со стороны претендента на более высокий ранг. Успехи укрепляют веру подростка в свои силы, его демонстрации становятся еще более дикими и впечатляющими, и характер взаимоотношений в стаде постепенно изменяется в пользу молодого самца. В самом деле, чем необузданнее будут угрозы, тем скорее он сможет занять достойное место в иерархии взрослых.

Но завоеванные позиции необходимо еще и удержать: и Пепе и Фабен теперь, не задумываясь, вступали в драку, если им угрожал кто-нибудь из самцов низшего ранга. Они стали принимать участие во взаимных обыскиваниях, выбирая для этого Рудольфа,

Лики или Дэвида Седобородого, так как среди высших по рангу самцов эти трое отличались наиболее спокойным нравом. Теперь подростки приходили в лагерь вместе со взрослыми самцами, ухаживали за привлекательными самками, впадали в неистовство при виде источника пищи словом, делали все то, что и их старшие собратья. Период ученичества закончился. Отныне продвижение по иерархической лестнице будет зависеть скорее от способностей и решительности индивидуума, чем от его физических качеств.

У самок отрочество также начинается примерно в семилетнем возрасте. В это время отмечаются первые признаки наступающей половой зрелости весьма незначительное и нерегулярное набухание половой кожи. Пройдет еще два с лишним года, прежде чем молодая самка начнет менструировать, а взрослые самцы проявлять к ней интерес. Пока же ей приходится быть очень осмотрительной во взаимоотношениях с другими членами сообщества; она должна опасаться не только взрослых самцов, но и более сильных самцов-подростков и ни на минуту не забывать о взрослых самках, проявляя к ним должное уважение. Ей осмеливаются угрожать даже некоторые детеныши, если их мамы занимают достаточно высокое положение в стадной иерархии.

У Фифи и после вступления в подростковый возраст сохранились прежние хорошие отношения с матерью. Она продолжала бродить вслед за Фло по лесам, спать возле нее, ухаживать за четырехлетним Флинтотом. Фло по-прежнему спешила на выручку, если дочери угрожала опасность, а иногда и Фифи приходила на помощь своей старой матери. Лишь в одном мамаша Фло изменила себе она уже не так добродушно, как раньше, относилась к попыткам дочери разделить с ней еду. Подобные дружеские отношения среди шимпанзе мы наблюдали крайне редко. Была еще одна семья, где мать и подрастающая дочь всегда передвигались вместе, как Фло и Фифи. Но на этом сходство кончалось отношения между двумя самками были совершенно иными: они никогда не выручали друг друга в критических ситуациях, а дочь явно испытывала страх перед матерью. Единственное совместное занятие, которому они охотно предавались, было обыскивание друг друга.

Самка-подросток с еще большим интересом, чем прежде, относится к младенцам и маленьким детенышам. Она нянчит малыша, переносит его на небольшие расстояния, играет с ним, приводит в порядок его шерстку, внимательно следит за его благополучием.

Однажды Пуч, которой было в то время лет восемь, взяла на руки шестимесячного шимпанзе, забралась вместе с ним на дерево и принялась выискивать у него в шерсти. Дул легкий ветерок, веера пальмовых листьев шуршали и покачивались. Я заметила, что малыш внимательно смотрит через плечо своей няньки на равномерно колышущуюся ветку. Улучив момент, когда ветка оказалась совсем рядом, озорник выскользнул из рук Пуч и ухватился за листья ветка согнулась под его тяжестью и отклонилась к стволу. Когда Пуч сообразила, что произошло, ее лицо исказила широкая гримаса ужаса. Пуч торопливо соскользнула с дерева и вскарабкалась на соседнюю пальму, откуда можно было дотянуться до ветки с висящим младенцем. Она схватила его и прижала к себе, хотя отважный путешественник отнюдь не был напуган, а скорее наоборот доволен своим воздушным приключением. Тем не менее Пуч не разжимала объятий, и постепенно выражение испуга исчезло с ее лица.

Примерно через год после вступления в подростковый период у молодых самок наблюдается большее по размерам набухание половой кожи. Взрослые самцы по-прежнему не проявляют к подрастающим самкам никакого интереса, зато детеныши мужского пола начинают усиленно ухаживать за ними. Те охотно откликаются на ухаживания поклонников при их приближении подставляют зад и пригибаются к земле.

Одна молодая самка буквально оттащила Флинта от своей подружки и пригнулась к земле, привлекая его внимание.

Еще через год наконец наступает день, когда у молодой самки половая кожа набухает настолько, что ею начинают интересоваться взрослые самцы. Обычно это происходит в девятилетнем возрасте. Я хорошо помню, как Пуч впервые почувствовала себя взрослой. Однажды она пришла в лагерь с сильно набухшей и покрасневшей половой кожей. Самцы по очереди подходили к ней, распушив шерсть, раскачивали ветки, переступали с ноги на ногу и поднимали вверх плечи. Способ ухаживания по существу представляет собой демонстрацию каких-то элементов угрозы. Пуч непрерывно вскрикивала и хотела было убежать, но самцы пустились вслед за ней, причем их угрозы становились все более свирепыми. Тогда Пуч повернулась к ним и, не переставая визжать, пригнулась к земле. Было совершенно очевидно, что роль взрослой самки не пришлась ей по душе и она не испытывала ничего, кроме ужаса и страха. На следующее утро Пуч выглядела более уравновешенной и, хотя она по-прежнему кричала всякий раз, когда взрослые самцы приближались к ней, тем не менее гораздо спокойнее относилась к их ухаживаниям.

У Фифи превращение во взрослую самку прошло несколько иначе. Она не только не испытывала ужаса Пуч, но, напротив, первая подходила к самцам. Когда же набухание и покраснение половой кожи вдруг исчезло, Фифи долго не могла к этому привыкнуть. Она была в полном недоумении, почему самцы потеряли к ней интерес.

Правда, дня через два Фифи смирилась с собственной непривлекательностью и перестала приставать к самцам. Зато спустя месяц мы все покатывались со смеху, глядя на Фифи: молодая самка постоянно трогала рукой набухшую половую кожу, словно боялась, что она куда-то исчезнет.

В течение следующего года Фифи развилась во вполне взрослую самку. В дни набухания половой кожи она проявляла большую активность и сама подстерегала самцов возле станции подкормки. Тем более удивительно было то, что Фифи крайне неохотно подпускала своих братьев Фабена и Фигана, а всякие заигрывания малыша Флинта пресекала тотчас же, хотя раньше, в подростковом периоде, вполне терпимо относилась к ухаживаниям младшего братца.

Однажды набухание половой кожи у Фло и Фифи появилось почти одновременно. Для самцов настали ужасные дни. Примерно в течение недели мать и дочь ходили в сопровождении большой группы самцов. Каждый раз, когда один из них начинал ухаживать за матерью, Фифи и Флинт тотчас подбегали и пытались оттолкнуть его, после чего Фифи сама принимала соответствующую позу.

И наоборот, всякий раз, когда кто-нибудь из самцов пробовал ухаживать за дочерью, Фло и Флинт старались помешать этому, после чего сама Фло охотно предлагала свои услуги.

Ни разу в течение всех этих дней мы не видели, чтобы Фабен или Фиган предпринимали какие-нибудь попытки обладать матерью, хотя они постоянно находились рядом с Фло. Точно так же и Эверед никогда не пытался ухаживать за своей матерью Олли.

Ни одна из девяти молодых самок, за развитием которых мы особенно внимательно следили, не забеременела раньше чем через два года после первого набухания половой кожи. То же самое справедливо и для особей, живущих в неволе. Какие физиологические

механизмы лежат в основе этого явления, пока не известно. Одно можно совершенно определенно сказать такая отсрочка, безусловно, выгодна для молодой самки: в девять лет она еще не нашла своего места в сообществе шимпанзе, а организм ее недостаточно сформировался и окреп, чтобы вынести дополнительные тяготы, связанные с рождением детеныша.

14. В мире взрослых

Мы часто не замечаем того момента, когда скованность и угловатость отрочества уступают место уверенности в себе, свойственной юности. Между тем эти изменения, незаметные на первый взгляд, происходят в течение многих месяцев, и вот в один прекрасный день родители с изумлением узнают, что их ребенок стал совсем взрослым. Точно так же обстоят дела и у шимпанзе.

Стоял жаркий летний день 1966 года. Я наблюдала за семейством старушки Марины и вдруг поняла, что недавний подросток Пепе вырос и превратился в прекрасного зрелого самца с красивой блестящей шерстью и мощно развитой мускулатурой. Я невольно залюбовалась его движениями, когда он схватил короткую толстую палку и принялся орудовать ею, расчищая вход в гнездо земляных пчел. Обе самки старая Марина и младшая сестрица Пепе Мифф стояли рядом. Все трое, казалось, совсем не замечали яростного жужжания пчел, и лишь малыш Мерлин, вскарабкавшись па дерево, наблюдал с безопасного расстояния за своими родственниками, которые с завидной смелостью опустошали гнездо.

Вот Пепе отложил в сторону палку и пропустил вперед мать. Марина засунула руку внутрь гнезда и извлекла оттуда душистые заполненные медом соты. Пепе тотчас отломил кусок для себя и вместе с матерью принялся жевать лакомое блюдо. Мифф не принимала участия в пиршестве, она почти вплотную придвинулась к матери и брату и, не сводя глаз, следила, как исчезают пахучие соты.

Минут через пятнадцать Пепе побрел прочь от разоренного гнезда. Марина перед уходом на всякий случай проверила, не осталось ли внутри еще меда, и, убедившись, что все пусто, поспешила вдогонку за сыном. Наконец-то к гнезду смогла подойти Мифф: она снова и снова засовывала в отверстие руку и слизывала с пальцев сладкую от пролитого меда землю. Потом и она побрела вслед за матерью и братом. Малыш Мерлин, ловко перепрыгивая с дерева на дерево, догнал семейство и присоединился к нему.

Все расположились в тени густого дерева. Мифф забралась наверх и начала кормиться листьями лианы, Пепе и Марина принялись выискивать друг у друга в шерсти. Мерлин раскачивался на ветке прямо над их головами, задевая братца то ногой, то рукой. Потом он шлепнулся вниз, приземлился прямо на плечо Пепе и начал тянуть его за руку, приглашая поиграть с ним. Не переставая перебирать шерсть матери, Пепе лениво пощекотал малыша. Ободренный вниманием Мерлин стал настойчиво карабкаться по спине Пепе, цепляясь за его шерсть, и наконец протиснулся между братом и матерью.

Случайный наблюдатель не задумываясь решил бы, что перед ним типичная семейная группа мать, отец и двое детей. Да и мы очень легко могли сделать ту же самую ошибку, если бы не наблюдали за обезьянами в течение долгих лет и не знали наверняка, что Пепе сын Марины. В сообществе шимпанзе семья состоит только из матери и детенышей (всех или нескольких). Отец не принимает никакого участия в судьбе своих отпрысков. По сути дела, совершенно неизвестно, кто из самцов является отцом того или иного детеныша. Устранение самцов от всех семейных дел одна из основных особенностей сообщества

шимпанзе. Самцы часто объединяются в группы, состоящие из одних представителей мужского пола, они совершают совместные передвижения, кормятся на одних и тех же деревьях, обыскивают друг друга.

Тем не менее мы ни разу не наблюдали у шимпанзе проявлений гомосексуализма. Правда, в момент чрезмерного волнения один самец может прижаться к другому и даже взобраться на него, или обхватить его за талию, или потереться. Однако эта форма поведения, даже при поверхностном наблюдении, не имеет ничего общего с гомосексуализмом, а выражает лишь потребность в физическом контакте с сородичем. Встревоженные и возбужденные обезьяны всегда стремятся коснуться друг друга. Если поблизости окажется самка, взволнованный самец, чтобы успокоиться, может дотронуться до ее наружных половых органов.

Отношения между полами у шимпанзе отличаются крайней беспорядочностью промискуитетом. Это не значит, однако, что самка подпускает всякого ухаживающего за ней самца. Одна молодая самка, Джиджи, немного старше Фифи, всегда с большой неприязнью относилась к самцу Хамфри, чьи ухаживания отличались крайней агрессивностью. В дни набухания половой кожи Джиджи подпускала всех самцов, за исключением Хамфри. Всякий раз, когда он подходил к ней, распушив шерсть и подняв плечи, самка с криком убегала и пряталась на деревьях. Самец настойчиво преследовал ее, но почти всегда безуспешно. Правда, года через два Джиджи изменила свое отношение к столь верному поклоннику и стала отдавать ему предпочтение перед остальными.

Фифи также избегала Хамфри, хотя и не испытывала при виде его такого ужаса, как Джиджи. Она просто спокойно уходила, как только он приближался к ней. Однажды мы были свидетелями любопытной сценки. Фифи раз пятнадцать обежала вокруг дерева, спасаясь от преследований Хамфри. Самцу ничего не стоило догнать ее, но вместо этого он совершенно раздосадованный, отошел в сторону и принялся швырять здоровенные камни и стучать ногами о землю, а потом вдруг незаметно исчез. Подобным образом и другие самки избегали некоторых самцов.

Иногда самцы буквально насильно заставляют самок сопровождать их во время передвижений именно таким способом большинство самок впервые попали на территорию нашего лагеря. Обычно самке очень трудно избавиться от навязанной ей компании разве что тогда, когда самцу надоест следить за ней. Однажды мы с Гуго заметили спускавшегося по склону Джей-Би; за ним, искоса поглядывая на нас, кралась пожилая самка с трехлетним детенышем. Никогда прежде она не бывала в лагере, и поэтому мы поспешили спрятаться в палатке. Самка приближалась к лагерю с большой неохотой, то и дело останавливалась и озиралась. Оглянувшись в какой-то момент, Джей-Би вдруг не увидел ее. Он тотчас встал во весь рост, схватился за небольшое деревце и начал раскачивать его из стороны в сторону до тех пор, пока самка с визгом не выскочила из кустов. Она торопливо подошла к нему и дотронулась до его бока, выражая послушание и покорность. Ее детеныш тем временем взобрался на дерево и оттуда наблюдал за всем происходящим.

Джей-Би со своей дамой были уже совсем близко от лагеря, но, увидев наши палатки, самка опять струсила и остановилась. Заметив, что ее повелитель смотрит в другую сторону, она попыталась улизнуть. Ее маневр не ускользнул от глаз Джей-Би, и он сразу же пустился вдогонку. Быстро поравнявшись с ней, он вскочил самке на спину и начал колотить ее ногами. Самка громко закричала, вырвалась и отбежала в сторону, но почти тотчас вернулась, подошла к Джей-Би и низко пригнулась в знак подчинения. Самец милостиво протянул руку, коснулся ее головы, и пара снова двинулась в путь. Но пройдя

несколько метров, самка опять остановилась, и Джей-Би вновь начал запугивать ее, раскачивая молодое деревце. В конце концов страх перед разгневанным повелителем оказался сильнее боязни, которую внушал ей вид нашего лагеря, и самка вслед за Джей-Би все-таки подошла к месту подкормки. Мы были потрясены, когда увидели, что Джей-Би позволил ей взять часть своих бананов, так как обычно он не разрешал другим членам группы прикасаться к его еде.

Но, пожалуй, самым странным в этой сцене было то, что самка находилась не в том состоянии, которое бы вызывало естественный интерес к ней у самцов. Целых три дня мы наблюдали, как Джей-Би насильно приводил ее в лагерь. На четвертый день он появился уже без нее. Недели через две я случайно встретила эту самку. Половая кожа у нее покраснела и набухла, и теперь от поклонников не было отбоя. Зато Джей-Би, казалось, совершенно потерял к ней интерес.

Лики и Мистер Уорзл чаще других самцов вынуждали самок сопровождать их. Особенно доставалось Олли то один, то другой самец терроризировал пугливую самку, и опять-таки, как правило, не в те дни, когда у Олли набухла половая кожа.

Лики часто заставлял Фифи сопровождать его. Молодая самка шла за старым самцом с явной неохотой. Иногда ей удавалось ускользнуть из-под бдительной опеки уловив удобный момент, когда внимание господина было занято чем-то другим, она молниеносно кидалась в сторону. Если же ее маневр был замечен, она тотчас возвращалась назад, не дожидаясь, пока Лики придет в ярость.

Одно время Лики был постоянно занят поисками самок и заставлял то одну, то другую сопровождать его. Особенно памятен мне один день Упустив очередную жертву, Лики сидел в лагере и ел бананы. В это время появилась Фифи. Лики тотчас забыл про бананы, выпрямился, распушил шерсть и начал раскачивать ветки. Фифи благосклонно приняла его ухаживания, и после спаривания оба занялись выискиванием в шерсти друг у друга. Внезапно Лики увидел Олли он тотчас вскочил и принялся махать веткой в сторону Олли, шерсть его вновь встала дыбом. Олли поспешила к нему, и Лики начал быстро обыскивать ее, а Фифи тем временем с самым беспечным видом неторопливо побрела прочь. Однако самец заметил это, шерсть его снова распушилась, и Фифи вернулась обратно, тихо повизгивая в знак покорности. Затем Лики попытался заставить обеих самок сопровождать его: он свирепо сверкал глазами и с шумом раскачивал ветки то над одной самкой, то над другой, но ни Олли, ни Фифи не желали идти за ним.

Так продолжалось еще некоторое время, пока Лики не пришел в ярость. И хотя Фифи послушно подошла к нему, старый самец набросился на нее и принялся катать по земле. Олли, не дожидаясь такой же участи, быстро и бесшумно скрылась в кустарнике. После нападения на Фифи Лики, все еще отдуваясь от напряжения, заметил исчезновение Олли. Он бросился вверх по склону, высматривая ее там. Потом перебежал на другую сторону поляны и продолжал поиски в кустарнике. Фифи, припав к земле, не переставала визжать. Увидев, что самец больше не обращает на нее внимания, она мгновенно исчезла. Лики был вне себя от ярости и долго не мог успокоиться: лишь минут через пятнадцать шерсть его улеглась, и он вернулся к прерванной трапезе.

Взаимоотношения между крупным самцом Рудольфом и старой Фло, о которых уже говорилось выше, носили совершенно иной характер. Рудольф никогда не проявлял по отношению к Фло такой агрессивности, как Лики или другие самцы по отношению к избранным ими самкам. Рудольф повсюду следовал за Фло, и именно у него старая самка искала успокоения и поддержки, когда бывала обижена или огорчена. Кроме того,

Рудольф продолжал оставаться подле Фло и ее семьи еще недели две после исчезновения у нее розовой припухлости.

Бесполезно строить предположения, что было бы, если бы шимпанзе обладали иной физиологией. Факт остается фактом: самки шимпанзе, если они не беременны и не кормят детенышей, подпускают самцов в течение семи-десяти дней во время каждого менструального цикла. У более пожилых самок воздержание от половой активности продолжается иногда до пяти лет. Наряду с этими ограничениями эволюция наградила самок шимпанзе весьма затруднительным признаком. Я имею в виду набухание половой кожи. Мне не раз приходилось видеть, какие мучительные неудобства приносит животному разбухшая, как подушка, половая кожа. Самка снова и снова усаживалась на ветке или на твердом камне, стремясь найти удобное положение. Зачем природа наделила самок шимпанзе этой особенностью? Казалось бы, ответить на этот вопрос нетрудно.

Как-то раз я сидела возле Голиафа и Дэвида Седобородого, которые мирно выискивали в шерсти друг у друга. Вдруг Голиаф резко вскинул голову и стал пристально вглядываться куда-то вдаль, скоро и Дэвид уставился в этом же направлении. Я была без бинокля, но все же мне удалось рассмотреть в темно-зеленой кроне дерева, растущего на противоположном склоне, нечто, напоминающее большой розовый цветок. Неожиданно оба самца сорвались с места и скрылись в густом подлеске. Я не пошла вслед, так как все равно не поспела бы за ними, но мне было видно, как Голиаф и Дэвид вскочили на дерево и начали раскачивать ветки перед самкой.

В случаях, подобных этому, набухание и покраснение половой кожи, хорошо заметное на значительном расстоянии, без сомнения, служит своеобразным опознавательным знаком, сигнализирующим самцам о состоянии самки (ее готовности к спариванию). В сообществах шимпанзе, непостоянных по составу, самцы, как уже говорилось, часто передвигаются отдельно от самок, поэтому подобный привлекающий внимание признак играет очень важную роль для установления местонахождения самки. Это усугубляется еще и тем, что далеко не все самки обладают активностью Фифи, многие из них, например Олли, в дни набухания половой кожи, наоборот, стремятся спрятаться подальше от самцов.

И хотя подобное объяснение кажется достаточно правдоподобным, на самом деле все обстоит куда сложнее. Если у самок шимпанзе покрасневшая половая кожа служит для того, чтобы на расстоянии привлекать к ним внимание самца, то почему же подобный признак есть и у самок павианов, и у самок других низших обезьян, которые всегда передвигаются вместе со стадом и никогда не отделяются от самцов? А вот у самок орангутанов набухание вообще не развивается, хотя эти обезьяны живут в непроходимых джунглях и передвигаются еще более разобщенными группами. Таким образом, дать однозначный ответ на вопрос о причинах набухания половой кожи пока еще не представляется возможным.

Молодые самки, даже если у них есть детеныши, менструируют гораздо регулярнее пожилых. Например, у Фло и Олли после рождения последних детенышей Флинта и Гилки половая кожа не набухала целых пять лет. Не наблюдалось набухания и на протяжении всей беременности. У Мелиссы и других молодых самок, напротив, из восьми месяцев беременности первые четыре-пять сохранялся нормальный цикл, а после родов половая кожа набухла и покраснела уже через год. Именно у молодых самок и самцов мы нередко наблюдали случаи взаимной привязанности друг к другу.

Фиган был верен Пуч в течение полугода. Это, конечно, не значит, что он игнорировал других самок с розовым набуханием половой кожи, но в те дни, когда это набухание появлялось у Пуч, Фиган неотступно следовал за ней. Они уходили в лес и никогда не посещали лагерь, где Пуч, без сомнения, встретила бы с другими поклонниками. Как-то раз, случайно столкнувшись с ними в лесу, я решила понаблюдать за этой парой. Мы находились примерно в полукilометре от лагеря. Фиган и Пуч прошли еще немного по лесу, потом взобрались на дерево и начали заботливо обыскивать друг друга. Спустившись вниз, они побрели дальше. Перед наступлением темноты они подкрепились фигами, выбрали подходящее дерево и, соорудив рядышком два гнезда, улеглись спать. Наутро после спаривания, единственного за все время наблюдения, они позавтракали и продолжали свой маршрут по лесу.

Через шесть дней Пуч появилась в лагере набухшая кожа сморщилась и опала. Фиган пришел в лагерь через полчаса после нее. Мы не раз замечали, что они всегда возвращаются из свадебного путешествия порознь будто не хотят, чтобы их увидели вместе. Конечно, причина заключалась совсем не в этом. Появление одного из них в лагере означало, что Пуч переставала интересоваться самца и каждый начинал самостоятельно передвигаться по лесу.

К несчастью, Пуч умерла в десятилетнем возрасте, и мы никогда не узнаем, как развивались бы в дальнейшем отношения между ней и Фиганом. После смерти Пуч самец привязался к Мелиссе. В сопровождении малыша Гоблина они вместе бродили по джунглям, строили рядом гнезда, выискивали друг у друга в шерсти. Интересно, что и Фабен оказывал Мелиссе явное предпочтение перед другими самками, так что Мелисса и Гоблин проводили большую часть времени то с одним, то с другим братом.

Хотя в подобных взаимоотношениях можно было бы усмотреть зачатки человеческой привязанности и любви, трудно представить, чтобы шимпанзе испытывали друг к другу эмоции, хоть в какой-то мере сравнимые с той нежностью, стремлением защитить любимое существо, пониманием и духовной гармонией, которыми отличаются высшие проявления любви у человека. Самое большее, на что может рассчитывать самка шимпанзе, это кратковременное ухаживание, похожее скорее на угрозу, спаривание, длящееся примерно полминуты, и в лучшем случае взаимное обыскивание. Романтическая любовь, окутанная тайной и приносящая бесконечное счастье, неведома нашим шимпанзе.

Когда я только еще начинала заниматься изучением обезьян, меня необычайно интересовал один вопрос: спят ли самцы и самки в одном гнезде? Я помню, как однажды молодая самка, соорудив гнездо и уже удобно устроившись там, вдруг вылезла из него, вскарабкалась вверх по дереву и заглянула в гнездо Мистера Мак-Грегора. Старый самец сел и ревностно занялся туалетом гостя. Правда, минут через пять это занятие наскучило ему он отвернулся и лег спать, а молодая самка спустилась к себе в гнездо.

Уже стемнело, скоро должна была взойти луна. Я торопливо спускалась в лагерь, но по пути решила, что позже вернусь обратно и проведу ночь возле шимпанзе. Наскоро поужинав и переписав наблюдения в дневник, я вышла из лагеря. Было около одиннадцати часов вечера. Полная луна озаряла все вокруг холодным призрачным светом. Я быстро добралась до Вершины и решила выпить кофе, так как мне предстояла бессонная ночь. Скоро веселый огонек радостно запрыгал по сухим сучьям, а походный чайник затянул свою песенку. Заварив кофе, я уселась на каменистый уступ. Лежавшая передо мной долина была залита лунным сиянием. Серебряные блики отражались на густой листве деревьев и на черной глади озера. Где-то раздался лай павиана, и вновь стало тихо. Лес темной стеной почти вплотную подступил ко мне; казалось, было слышно

как в густой чаще крадется леопард, как буйвол с хрустом жует сочные листья. Впрочем, скорее всего это была лишь игра моего воображения.

Пораженная красотой ночи, я не спеша, растягивая удовольствие, пила кофе. Луна светила так ярко, что на небе были заметны только крупные звезды. Серебристые облачка жались к горным вершинам и медленно спускались в долину. Эта ночь будто нарочно была создана для любви. Добравшись до того места, откуда вечером вела наблюдения за шимпанзе, я убедилась, что оба животных спят по-прежнему в разных гнездах. Мистер Мак-Грегор лежал на спине, а самка на боку, свернувшись калачиком.

Часа в четыре утра луна скрылась за вершинами гор на противоположной стороне озера. С исчезновением ее серебристого отсвета темнота чернильно-черным кольцом сомкнулась вокруг меня. То тут, то там слышались угрожающие шорохи и похрустывания сучьев. Через час в долине раздался громкий лай павианов, потом к нему присоединились яростные лающие звуки ваа и громкое уханье шимпанзе. Мне уже чудился леопард, крадущийся между деревьев, и я поплотнее закуталась в одеяло. Ночь потеряла свою романтическую прелесть.

Но вот наконец забрезжил рассвет, и все предметы начали приобретать привычные очертания. Когда стало совсем светло, я вновь убедилась, что оба шимпанзе спят в отдельных гнездах. В 6.15 старый самец перевернулся, сел, быстро выскочил из своего гнезда и, спустившись вниз, прыгнул в гнездо самки. Должно быть она крепко спала, потому что от неожиданности вскочила и с пронзительным криком выпрыгнула из гнезда. Мистер Мак-Грегор бросился вслед за ней, на ходу неистово раскачивая ветки. Постепенно крики ее становились все глуше и глуше, пока наконец не смолкли в густой чаще. Это не слишком романтическое окончание ночной истории свидетельствовало о том, что в то утро мысли старого Мак-Грегора были заняты самкой.

Несколько лет спустя я наблюдала за Мелиссой и Фиганом во время одного из их совместных путешествий. Уже стемнело, Мелисса соорудила на ночь гнездо, а Фиган слез с ветки, где он сидел, пережевывая какую-то пищу, и присоединился к ней. Густая листва мешала мне разглядеть, что происходит, однако я не слышала шумной возни и треска сучьев, которыми обычно сопровождается постройка гнезда. Наутро обезьяны рано покинули дерево и я тщательно осмотрела ветви, но смогла найти только одно гнездо то самое, которое соорудила вечером Мелисса. Значило ли это что Фиган, Мелисса и маленький Гоблин провели ночь в одном гнезде?

15. Павианы и хищничество

Фиган сидел в тени на лужайке возле лагеря и заботливо чистил свою шерсть; здесь же, разбившись на небольшие группки, расположилось около десятка других шимпанзе. Помимо них в лагере были два павиана. Один из них взрослый самец щелкал пальмовые орехи, другой, помоложе, кормился зрелыми плодами на одной из росших поблизости пальм.

Вдруг Фиган встал и пошел по направлению к этой пальме. Что-то в его походке, в напряженной позе заставило Майку внимательно посмотреть на него. Фиган подошел к дереву, мельком взглянул на молодого павиана и начал медленно, как бы нехотя, карабкаться вверх. Павиан заметил это и уставился вниз, издавая короткие пронзительные крики и обнажая зубы в испуганном оскале. Через некоторое время он перепрыгнул на вершину соседней пальмы.

Фиган добрался до верхних веток и все так же не спеша прыгнул вслед за павианом. Молодой самец перескочил на прежнее место, крики его стали гораздо громче. Фиган вновь последовал за ним. И еще дважды с удивительным хладнокровием Фиган перепрыгивал за своей жертвой с одного дерева на другое и обратно. Вдруг совершенно неожиданно Фиган бросился на павиана. Но тот в последний момент успел спрыгнуть вниз и, пролетев метров шесть, оказался на невысоком деревце.

Все шимпанзе, находившиеся в это время в лагере, уже следили за ходом погони. Многие из них встали во весь рост и распушили шерсть. Сразу же после прыжка павиана Майк бросился к деревцу, но взрослый павиан с оглушительным ревом пересек ему дорогу. Молодой самец тем временем спрыгнул на землю и, громко крича, побежал прочь. Майк погнался за ним, взрослый павиан за Майком, остальные обезьяны тоже забегали по поляне. И в этой суматохе предполагаемая жертва ускользнула.

Года за четыре до этого случая, когда Фиган был еще подростком, нам с Гуго довелось быть свидетелями другой сцены. В тот раз инициатива исходила от Рудольфа, а жертвой преследования был опять-таки молодой павиан. Со слегка вздыбленной шерстью Рудольф приблизился к дереву, где сидел молодой самец, и встал там, будто бы не замечая его. Остальные шимпанзе, как по команде, поднялись с земли, где они отдыхали и выискивали друг у друга в шерсти, и заняли места поближе к деревьям, словно для того, чтобы отрезать жертве пути к отступлению. А Фиган, самый младший из самцов, начал незаметно подкрадываться к павиану.

Но шимпанзе не удалось осуществить свой замысел. Услышав крики жертвы, целое стадо павианов выскочило на поляну. Завязалась отчаянная потасовка. Шимпанзе и павианы с громкими криками насакивали друг на друга, но, насколько мы могли судить, особых физических повреждений не наносили. Занятые дракой, все забыли о молодом павиане, и он благополучно скрылся.

За десять лет работы в Гомбе мы часто наблюдали, как шимпанзе поедали мясо. Молодые бушбоки, поросята, детеныши павианов, молодые, а иногда и взрослые гверцы, краснохвостые и голубые мартышки частенько становились добычей шимпанзе. Известно даже два случая нападения на африканских детей в районе заповедника у одного ребенка, которого с трудом удалось отбить у крупного самца шимпанзе, были наполовину объедены конечности. К счастью, это произошло задолго до моего приезда в заповедник, иными словами, до того, как я приручила шимпанзе.

Многие, я знаю, придут в ужас, узнав, что шимпанзе едят маленьких детей. Но ведь с точки зрения шимпанзе люди, наверное, не слишком отличаются от других животных, скажем от павианов. С другой стороны, разве не достоин возмущения тот факт, что в некоторых местностях люди считают мясо шимпанзе деликатесом, хотя и осознают угрозу полного истребления этих животных?

Несмотря на то что мы часто наблюдали, как шимпанзе поедают мясо, нам редко приходилось видеть сам процесс охоты. Однако за последние два года вследствие расширения штата научно-исследовательского центра число сотрудников, ведущих наблюдения, значительно увеличилось, и нам удалось подсмотреть много интересного, тем более что обезьяны привыкли к постоянному присутствию людей и совершенно не боялись их. Иногда нападение на жертву совершается неожиданно: случайно наткнувшись на поросенка или другое мелкое животное во время скитаний по лесу, шимпанзе кидается на него и убивает. В других случаях охота выглядит как целенаправленная деятельность, причем в действиях всех членов группы обнаруживается удивительная согласованность,

как, например, в только что описанной сцене, когда шимпанзе встали у деревьев, чтобы отрезать павиану пути к отступлению.

Мне самой дважды доводилось видеть, как шимпанзе расправляются с живой добычей: впервые в тот далекий день, когда они схватили и разорвали на части гверецу; второй раз, четыре года спустя когда шимпанзе поймали молодого павиана.

Это произошло рано утром. Рудольф, Мистер Мак-Грегор, Хамфри и один из молодых самцов, сидя на лужайке, уплетали бананы. Заметив павианов, пересекающих склон как раз над лагерем, Рудольф встал и быстро обогнул одно из наших строений. Трое остальных самцов последовали за ним. Они передвигались совсем бесшумно, как-то по-особому сосредоточенно, почти крадучись, той же походкой, что и Фиган, когда он приближался к дереву, где сидела предполагаемая добыча. Я побежала вслед за ними, но все же опоздала. Обогнув строение, я услышала вопль павиана, а несколькими секундами позже раздался оглушительный рев самцов павианов и крики и лай шимпанзе. Пробежав еще несколько метров сквозь густой кустарник, я увидела Рудольфа, который, выпрямившись во весь рост, схватил молодого павиана за ногу, высоко поднял его, а потом с размаху ударил свою жертву головой о камень. После этого Рудольф, крепко зажав в руке уже мертвого павиана, начал быстро карабкаться вверх по склону.

Остальные шимпанзе, все еще крича, последовали за ним. Несколько взрослых павианов тоже бросились вдогонку; они рычали и насакивали на Рудольфа, но очень скоро, к моему великому удивлению, отказались от преследования. Мне было хорошо видно, как Рудольф уселся на верхних ветках высокого дерева и стал раздирать зубами живот своей добычи, а сопровождавшие его шимпанзе расположились на том же дереве, но только чуть поодаль и наблюдали за ним.

Между тем громкие крики и вопли, которыми всегда сопровождается охота и убийство жертвы, привлекли внимание других шимпанзе, находящихся в долине. Вскоре возле дерева, где сидел Рудольф, собралась целая толпа шимпанзе. Среди них были самцы высокого ранга, но никто из них не пытался отобрать добычу. Окружив удачливого охотника, они лишь униженно выпрашивали подачку. Я не раз наблюдала, как шимпанзе выпрашивали мясо. Обычно обладатель добычи делился кусками мяса, по крайней мере с некоторыми из них. Рудольф же, напротив, в тот день ревностно оберегал свою добычу. Когда Майк, умоляюще выпрашивая кусочек мяса, протянул руку ладонью вверх, Рудольф грубо оттолкнул ее. В ответ на жест Голиафа, выпрашивающего часть жвачки из листьев и мяса, Рудольф повернулся к нему спиной. Когда Джей-Би робко схватился за тушу и попробовал потянуть ее к себе, Рудольф издал глухой, угрожающий звук, похожий на кашель, и вырвал у него добычу. Больше всего повезло старому Мистеру Мак-Грегору он осторожно подкрался к туше и потянул за болтающийся конец кишки. Неожиданно все внутренности вывалились наружу, а петли кишок упали на лысую голову и плечи старого самца. Рудольф, заметив это, дернул за кишку, чтобы вернуть потерянную часть добычи, но кишка разорвалась, а Мистер Мак-Грегор, схватив лакомый кусок, быстро убрался подальше от Рудольфа. Самки и детеныши тут же подскочили к нему и начали попрошайничать.

Шимпанзе обычно подолгу едят мясо, отрывают по небольшому кусочку, а на гарнир запихивают в рот горсть листьев. Они тщательно пережевывают пищу, как бы смакуя ее. В тот день трапеза Рудольфа длилась около девяти часов. Он съел почти всю тушу в одиночку, лишь изредка выплевывая жвачку из мяса и листьев в чью-нибудь протянутую к его рту руку. Иногда какие-то лоскуты кожи или мяса падали вниз, и тогда кто-нибудь из детенышей молниеносно спускался с дерева, чтобы найти оброненные кусочки. После

того как все мясо было съедено, подростки тщательно облизали ветки, на которых оно лежало, и места, куда капала кровь.

Меня поразило поведение Рудольфа. Он давно уже утратил то могущественное положение, которое занимал в дни нашего знакомства. Майк же, напротив, вот уже почти три года был главным самцом стада. Как же осмелился Рудольф, всегда демонстрировавший в присутствии Майка образец подчиненного поведения, так бесцеремонно оттолкнуть его? Как осмелился он угрожать Голиафу и Джей-Би, которые стояли выше его на иерархической лестнице? Но еще более удивительно, почему эти самцы не отняли у Рудольфа хотя бы часть добычи. Я и раньше наблюдала подобное нарушение иерархических отношений во время поедания добычи и даже склонна была объяснить это зачатками примитивных нравственных отношений: Рудольф убил павиана, следовательно, мясо принадлежит ему. Однако более глубокий анализ поведения обезьян привел меня к несколько иному выводу.

Майк без всяких колебаний атаковал бы Рудольфа, если бы речь шла о грозди бананов, подобранной Рудольфом в лагере. Но если бы Рудольф сам открыл ящик и достал оттуда бананы, тот же Майк едва ли осмелился бы напасть на него. Очевидно, в данном случае действуют те же самые механизмы, которые контролируют поведение животного в пределах индивидуального территориального участка, где, как известно, оно ведет себя гораздо агрессивнее и нападает на всякого, кто посмеет нарушить границу этого участка. Мясо излюбленная, лакомая пища, которая достается с большим трудом. Взрослый самец, завладевший живой добычей, будет отчаянно сражаться за нее, не обращая внимания на ранг соперника. А привычная ежедневная пища в виде бананов, конечно, не вызовет такой реакции. В подтверждение моей гипотезы могу сказать, что в самые первые дни прикормки шимпанзе, когда бананы были для них в диковинку, стычки между животными из-за фруктов возникали очень редко.

Чем же объяснить отсутствие агрессивности со стороны доминирующих самцов? Возможно, они замечают перемену тех сигналов подчинения, которыми обычно характеризуются их взаимоотношения с низшими по рангу самцами. Вместо них они улавливают отчетливые агрессивные сигналы и не спешат восстановить свои prerogatives. Примерно то же самое характерно и для сферы сексуальных взаимоотношений шимпанзе. Самцы, независимо от ранга в стаде, никогда не сражаются за обладание самкой, а терпеливо ждут своей очереди.

Но каковы бы ни были истинные причины, Рудольф, как и другие самцы, всегда охранял свою добычу от остальных индивидуумов в стаде, пусть и стоящих выше по рангу. Раздосадованные и обиженные сверх всякой меры доминирующие самцы вымещали свою злобу и ярость на нижестоящих членах группы. Особенно туго приходилось самкам и детенышам. Как правило, их вообще изгоняли прочь, подальше от места пиршества.

В таких случаях самцы шимпанзе проявляли крайнюю враждебность и по отношению ко мне. Джей-Би однажды доставил мне немало неприятных минут. Дело обстояло так. Обладатель добычи, Рудольф, ревниво оберегал ее от других. Джей-Би, убедившись, что мясо ему вряд ли перепадет, поспешил в лагерь, чтобы подкрепиться бананами. До лагеря было метров двести. На обратном пути, ковыляя по тропинке, он неожиданно заметил меня и остановился. Должно быть, ему пришло в голову, что за время его отсутствия я ухитрилась стащить у Рудольфа часть драгоценной добычи. Шерсть Джей-Би поднялась дыбом, и он с громким лаем двинулся на меня. Густые лианы со всех сторон преграждали путь и не позволяли мне убежать. С бешено колотящимся сердцем я застыла на месте и,

помнится, даже зажмурила глаза. Остановившись в каком-нибудь полуметре, Джей-Би с размаху ударил меня, да так, что я чуть не упала. Потом вцепился в мой свитер и рюкзак, понюхал их и, решив, очевидно, что они не имеют ничего общего с мясом, поспешил к Рудольфу.

Вспоминается и такой случай. Однажды мы с Гуго наблюдали за большой группой шимпанзе, деливших добычу на дереве. На этот раз павиана убил Майк, и он щедро оделял свою свиту, в числе которой был Джей-Би и несколько других приближенных к вожаку самцов. Остальные пять самцов довольствовались лишь объедками с царского стола и были явно вне себя от ярости: демонстрировали на дереве свою силу и прогоняли прочь всякого среди низших по рангу, кто осмеливался подойти близко к месту действия. Дэвид Седобородый казался обиженным и раздосадованным больше других. Вскоре Майк спрыгнул с дерева и уселся среди густой травы. Остальные шимпанзе спустились вслед за ним. Мы с Гуго, чтобы хорошенько рассмотреть и заснять все подробности, бесшумно подползли почти вплотную к обезьянам и неожиданно выглянули из кустов рядом с ними. Это была большая ошибка. Одна из молодых самок, сравнительно недавно присоединившаяся к группе, испугалась и пустилась наутек. Другие в панике бросились за ней.

Когда обезьяны поняли, что тревога была ложной, пять разгневанных самцов ринулись к нам. Пристально глядя на нас, они выпрямились во весь рост, размахивали руками и издавали свирепый устрашающий лай. Не дойдя до нас всего несколько метров, они остановились все, кроме Дэвида. Как уже говорилось, Дэвид Седобородый, несмотря на свой миролюбивый нрав, бывал иногда очень агрессивным. Но таким разъяренным мы его видели впервые он отделился от группы и с воплем кинулся на нас. Мы тотчас бросились бежать, Дэвид вслед за нами. Вдруг Гуго, бежавший позади, зацепился камерой о колючий кустарник. Все его попытки освободиться были тщетны, он только еще больше запутывался в кустарнике. Дэвид между тем был все ближе и ближе. И в тот момент, когда их разделяли каких-нибудь два метра, самец все же остановился, издал свирепый звук ваа, резко взмахнул рукой, повернулся и бросился назад к остальным шимпанзе.

Это был, без сомнения, самый опасный случай за все годы нашей работы в заповеднике. Дэвид был страшнее других шимпанзе именно потому, что совсем не боялся людей. Я знаю, многие удивятся, почему мы с Гуго обратились в бегство; но в нашем положении это был единственно разумный выход. Чтобы избежать наказания, животные низшего ранга стараются поскорее уйти подальше от более сильного сородича, признавая таким образом свое подчиненное положение. Все остальные жесты и позы послушания и смирения, когда низшее по рангу животное склоняется к земле, подставляет зад или стремится коснуться более сильного сородича, вовсе не всегда достигают цели. Не исключено, что шимпанзе высшего ранга может ударить того, кто спешит оказать ему почет. Если же подчиненный индивидуум поспешно убегает прочь, взрослые самцы, как правило, не преследуют его.

Это была наша последняя стычка с шимпанзе. Постепенно они, казалось, поняли, что мы не собираемся отнимать у них мясо, и стали вполне терпимо относиться к присутствию людей даже во время дележа добычи.

Поведение обезьян на охоте особенно интересно именно потому, что у животных обнаруживаются зачатки совместных действий, своеобразной кооперации, которая была совершенно необходима нашим далеким предкам. Тем более что и поедание мяса носит коллективный характер. Владелец добычи, как правило, охотно делит ее с другими членами стада эта особенность отличает человекообразных обезьян от низших приматов.

Мы часто наблюдали, как удачливый охотник отрывает от туши большие куски и сует их в протянутые руки своих сородичей. Особенно запомнился мне один случай.

Услышав пронзительные крики шимпанзе и павианов, мы поднялись вверх по склону и увидели на высоком дереве Голиафа, который держал в руке только что убитого им детеныша павиана. Старый Мистер Уорзл сидел на соседней ветке, выпрашивая у Голиафа подачку. Он протягивал руку и хныкал, как маленький ребенок. Голиафу буквально через каждые пять минут приходилось перебираться на другое место, но Уорзл неотступно следовал за ним и снова начинал попрошайничать. В десятый раз оттолкнув прочь его руку, Голиаф совсем было собрался уйти, но Уорзл, будто не на шутку раскапризничавшийся ребенок, закатил настоящую истерику: кричал, размахивал руками, свалился с ветки на траву. И тут Голиаф, к нашему огромному удивлению, схватил тушу убитого павиана, величественным жестом разодрал ее надвое и оделил Мистера Уорзла задней половиной туловища. Как видно, Голиафу надоело выслушивать крики Уорзла, и он решил избавиться от попрошайки, отдав ему добрую половину своей добычи. Но и после этого Голиафу не пришлось насладиться трапезой подошедшая Фло тоже начала кланчить мясо, и Голиаф великодушно поделился и с ней.

Майк, утвердившись в роли главного самца стада, проявлял поистине царскую благосклонность по отношению к своим подчиненным. Если он становился обладателем добычи, он всегда делился с другими самцами. Однажды Майк и Рудольф вместе дожевывали остатки убитого павиана, один с головы, другой с хвоста. Вдруг Майк начал тянуть добычу к себе. Мне показалось, что он просто хочет разделить ее пополам. Рудольф мертвой хваткой вцепился в свой конец туши и не выпускал его из рук. Я была поражена силой Рудольфа: Майк стоя изо всех сил тянул к себе добычу, пыхтя и отдуваясь от напряжения, а Рудольф даже не шелохнулся, несмотря на все старания Майка. Но вот Рудольф наклонился и перекусил кожу в середине туловища своими острыми зубами. Туша с хрустом переломилась надвое, и Майк шлепнулся на землю, держа в руках верхнюю половину туловища.

Мозг считается особенно изысканным лакомством, и Майк всегда приберегал его на закуску. Удалив зубами остатки позвонков и освободив большое затылочное отверстие, он засовывал указательный палец внутрь черепа и извлекал оттуда мозг. Иногда шимпанзе взламывали черепную коробку со стороны лобных костей. Этим лакомым блюдом Майк никогда не делился с другими шимпанзе.

Лишь один раз мы видели, как Майк уступил целехонькую голову павиана вместе с нетронутым мозгом другому шимпанзе. Дело было вечером. Майк наелся до отвала. Последние лучи заходящего солнца скупо пробивались сквозь густые кроны деревьев и освещали полянку, на которой сидел Майк. Он держал в руках голову убитого павиана. Внезапно раздался шорох, густая трава зашевелилась, и из нее выскочил Джей-Би. Он быстро выхватил голову из рук Майка и скрылся в кустарнике. Майк был слишком сыт, слишком благодушен, чтобы преследовать своего друга. Джей-Би вскарабкался на соседнее дерево, быстро соорудил там гнездо и, усевшись в нем, приступил к пиршеству, заедая кусочки мозга листьями.

За долгие годы работы в Гомбе мы убедились, что поедание мяса у шимпанзе носило периодический характер. Причина крылась, по-видимому, в следующем: случайное убийство какого-нибудь мелкого животного, например поросенка кистеухой свиньи, возбуждало в группе страсть к мясной пище. Это стремление становилось настолько сильным, что как взрослые, так и многие подрастающие самцы начинали заниматься охотой. Это влекло за собой серию намеренных убийств. Так продолжалось около двух

месяцев. Потом обезьяны вдруг охладевали к мясной пище. Трудно сказать, что было тому причиной может быть, неудачи на охоте. По крайней мере шимпанзе теряли всякий интерес к мясу и вновь возвращались к своей обычной пище фруктам, овощам, насекомым. Начался пост, который длился до тех пор, пока убийство случайной жертвы не породило очередной охотничьей лихорадки.

Я вспоминаю, как Хамфри однажды появился в лагере, волоча по траве шкуру гверецы. Уходя, он унес с собой этот охотничий трофей. Примерно через час с той же стороны, что и Хамфри, пришел старый Грегор. Мы могли только догадываться, удалось ли ему принять участие в дележе добычи. Одно было несомненно он очень хотел мяса. В течение пятнадцати минут Мистер Мак-Грегор сосредоточенно смотрел в сторону долины, а заметив наконец небольшую группу гверец, тотчас встал и пошел по направлению к ним уже знакомой нам быстрой, бесшумной и целеустремленной походкой. Несколько других шимпанзе, которые в это время оказались на территории лагеря, отправились вслед за ним. Мы же вооружились биноклями и стали терпеливо ждать.

Вот шимпанзе вскарабкались на деревья, где сидели гверецы, и стали неистово раскачивать ветви. Гверецы закричали и начали перепрыгивать с дерева на дерево, старый Грегор и другие шимпанзе не отставали от них. Однако гверецы отчаянно сопротивлялись: нам было хорошо видно, как одна из обезьян погналась за небольшим шимпанзе, который с визгом соскочил с дерева и помчался прочь. Но когда мы увидели, как Грегор во всю прыть удирает по открытому травянистому склону от наскокивающей на него гверецы, нашему удивлению не было предела. Мы едва поверили собственным глазам так свирепо и устрашающе выглядела безобидная гверецца, хотя стоило Мистеру Мак-Грегору повернуться к ней и принять вызов, как исход поединка был бы решен явно не в ее пользу. Этот случай лишний раз доказывает, что разъяренное животное может казаться гораздо более страшным, чем оно есть на самом деле.

Самцы павианов во много раз крупнее гверец и гораздо агрессивнее их, однако они, как ни странно, почти не оказывают шимпанзе достойного сопротивления, когда те нападают на их детенышей. Правда, взрослые самцы бросаются к шимпанзе, наскокивают на них, рычат и вообще производят много шума, так что на первый взгляд может показаться, будто павианы сражаются вовсю. На самом же деле мы ни разу не видели, чтобы хоть один из шимпанзе всерьез пострадал во время схватки. Правда, однажды взрослый павиан прыгнул на спину Майку, когда тот преследовал добычу, и повис на нем, но не причинил никакого повреждения. Даже когда павианы слышат отчаянные крики пойманной жертвы, они не спешат ей на выручку. Чем объяснить это странное поведение в общем то сильных и агрессивных животных, мы пока не знаем, но надеемся, что в будущем мы получим ответ и на этот вопрос.

Взаимоотношения между павианами и шимпанзе, судя по нашим наблюдениям, очень сложны и противоречивы. В самом начале своей работы я отмечала, что взрослые представители обоих видов подчас не обращали друг на друга решительно никакого внимания, а их детеныши миролюбиво играли вместе. Иногда взрослые шимпанзе и павианы совершенно спокойно кормились на одном и том же дереве. Между ними нередко возникали воинственные потасовки. Я подозреваю, что зачинщиками ссор всегда были шимпанзе, которые старались улучшить момент и поймать молодого павиана. Хотя справедливости ради следует сказать, что, когда численное превосходство было на стороне павианов, шимпанзе быстро ретировались.

С 1963 года, когда мы начали прикармливать обезьян бананами, стычки между шимпанзе и павианами значительно участились. До того как был сооружен подземный бункер, наша жизнь напоминала кошмарный сон: и те и другие обезьяны целыми днями слонялись вокруг лагеря в надежде получить бананы. Поначалу павианы подходили к лагерю осторожно и не осмеливались нападать на шимпанзе. Я думаю, что скорее всего они просто боялись людей. Из-за того, что мы всячески пугали их, светили зеркалом прямо в глаза, они все время были настороже и убегали прочь, стоило шимпанзе начать высоко подпрыгивать и угрожающе размахивать руками. Но даже тогда некоторые самцы вели себя воинственно и нападали на шимпанзе.

Впоследствии, когда приехавшие на стажировку студенты занялись изучением поведения павианов и стали неотступно следовать за ними, эти обезьяны, так же как в свое время шимпанзе, перестали бояться людей и начали смело приходить в лагерь. Теперь они вели себя куда более агрессивно, даже шимпанзе с опаской поглядывали на них. Нередко возникали шумные ссоры из-за бананов павианы, рыча и обнажив зубы, насакивали на шимпанзе, а те, подпрыгивая и размахивая руками, издавали громкие лающие звуки ваа и визжали. Но дело никогда не доходило до настоящей драки.

Исход поединка всегда зависел от индивидуальных качеств соперников. Шимпанзе быстро усвоили, кого из самцов павианов следует избегать, а кого можно без труда прогнать прочь. Павианы в свою очередь увидели, что легче всего отобрать желанную добычу у самок и детенышей. С самцами, вроде Майка и Голиафа, лучше было не связываться, зато другие, типа Дэвида Седобородого, убегали при виде разъяренных павианов и оставляли им целые грозди бананов. Павианы никогда не трогали Мистера Уорзла может быть, им внушал страх взгляд его странных, почти человеческих глаз, хотя скорее всего дело было совсем не в этом, а в бесстрашии и смелости старого самца. Кроме того, по нашим наблюдениям, Уорзл первым стал бросать в павианов камни и другие предметы. Иногда, если под рукой не оказывалось ничего более подходящего, Уорзл кидал в угрожавших ему павианов ветки и даже листья. А как-то раз, особенно разъярившись, швырнул целую гроздь бананов к великому удовольствию своего противника! Однако со временем Уорзл стал более разборчивым и бросал только крупные камни.

То, что шимпанзе могут бросаться камнями, мы знали и раньше. Однажды нам с Гуго пришлось испытать это на собственном опыте. Именно таким образом приветствовал нас Рудольф, когда впервые посетил наш лагерь. По-видимому, он попал к нам совершенно случайно просто шел вслед за Голиафом, не особенно представляя себе, куда идет. Неожиданно увидев прямо перед собой палатку и нас рядом с ней, он как-то странно закричал, выпрямился и швырнул в нашу сторону здоровенный камень, после чего моментально исчез.

Тем не менее бросать камни в павианов первым начал именно Мистер Уорзл. Правда, вслед за ним и все остальные взрослые самцы стали тем же способом обороняться от павианов. Однако камни, которые подбирали шимпанзе, были, как правило, слишком большими и редко достигали цели, разве что с очень близкого расстояния.

Нужно подчеркнуть, что, не считая стычек из-за бананов, отношения между павианами и шимпанзе даже в пределах территории лагеря были довольно миролюбивыми. Мы часто поражались, глядя, как павианы и шимпанзе, расположившись на лужайке, спокойно отдыхают после трапезы, хотя еще десять минут назад они воинственно бросались друг на друга.

Поскольку павианы, не говоря уже о шимпанзе, обладают достаточно высокими интеллектуальными способностями, нет ничего удивительного, что эти животные могут общаться между собой. Приведу такой пример. Как-то раз молодая самка павиана неожиданно выскочила из кустов прямо на Мистера Уорзла и, видимо, испугала его. Он поднял руку и издал глухой угрожающий звук, похожий на кашель. Самка тут же остановилась и, низко склонившись к земле, приняла позу подчинения. Старый самец, протянув руку, дотронулся до нее. Явно успокоенная этим прикосновением самка уселась возле Мистера Уорзла. Мы не раз наблюдали подобные случаи.

Самки павианов с набухшей и покрасневшей половой кожей точно так же, как и самки шимпанзе, подпускают к себе маленьких детенышей шимпанзе, подставляют им зад и даже позволяют дотрагиваться до него рукой. Мы были изумлены, когда впервые увидели, с какой терпимостью отнеслась одна из самок к ухаживаниям восьмимесячного Флинта. Позднее мы не раз наблюдали подобные сцены с Гоблином или кем-нибудь другим из шимпанзят; правда, некоторые самки, разозлившись, иногда выходили из себя и прогоняли малышей.

Но особенно удивительными были взаимоотношения, которые установились между старым павианом по кличке Джоб и некоторыми нашими подопечными. Может быть, из-за своей старости или по какой-то другой причине Джоб целыми днями слонялся по лагерю или же сидел, привалившись к стволу дерева. Вид у него при этом был всегда такой утомленный и такой ко всему безразличный, как будто жизнь давно наскучила ему. Однажды мы с удивлением увидели, как Джоб подошел к Фифи и подставил ей бок, явно предлагая заняться выскиванием у него в шерсти. Но поразительнее всего было то, что Фифи и в самом деле начала тщательно перебирать его шерсть. Через несколько минут Фифи подставила свой бок, рассчитывая на ответную услугу со стороны старого самца, но тот и не подумал принять предложение Фифи, и тогда она ушла прочь. С тех пор мы не раз видели, как Джоб подходил к молодым шимпанзе, жестами и позой умоляя их заняться его туалетом, и те нередко оказывали ему эту услугу.

Был и такой случай: однажды Фиган решил поиграть со старым павианом и направился прямо к нему той особой, несколько развязной походкой, по которой можно было безошибочно угадать, что у подростка озорное настроение. Подойдя к павиану, Фиган несколько раз толкнул его и начал щекотать под подбородком. Однако это не возымело никакого действия Джоб сидел по-прежнему не шевелясь, но выглядел несколько растерянным. Тогда Фиган изменил тактику. Он прижался лбом ко лбу павиана и несколько раз боднул его, да так, что тот чуть не упал. Тут уж старый самец не выдержал: он сделал угрожающее движение, слегка подавшись вперед и обнажив свои старые зубы. Нельзя сказать, чтобы Фиган чересчур испугался, но на всякий случай отошел в сторону. Другие подростки тоже не раз пытались растормошить Джоба толкали, щекотали его, но никогда не могли добиться ответной реакции.

Зато детеныши шимпанзе и павианов всегда охотно играют вместе: они гоняются друг за другом по деревьям и затевают веселую возню. Мы не раз замечали одного маленького павианчика, который любил поиграть с Флинтом. Был товарищ и у шестилетней Фифи молодой, почти взрослый павиан. Однако такой длительной привязанности, какая была между Гоблиной и Гилкой, мы не наблюдали ни разу. Их дружба продолжалась больше года, причем приятельницы по-настоящему искали общества друг друга, а не ждали, когда случай сведет их вместе.

Прошло несколько месяцев Как-то раз мы с Гуго бродили по лесу. Вдруг мы услышали крики шимпанзе и рев павианов. Подбежав к высокому дереву, мы увидели двух взрослых

самцов шимпанзе, один из них держал только что убитого крошечного павианчика. Сосредоточив все свое внимание на поведении шимпанзе, мы совсем забыли о матери убитого малыша, которая с отчаянной решимостью насакивала на самцов и громко кричала. Когда же мы наконец посмотрели на нее, то похолодели от ужаса. Это была Гоблина шимпанзе убили ее первенца.

Примерно через полчаса Гоблина убежала прочь вместе с молодым павианом, который присутствовал при сцене убийства, но вскоре они снова вернулись и уселись поодаль, наблюдая за трапезой шимпанзе. То и дело Гоблина издавала низкие хрюкающие звуки, которые для меня и Гуго звучали как горестный плач. Потом несчастная мать снова ушла и через некоторое время опять вернулась. За те четыре часа, пока длилось пиршество шимпанзе, Гоблина возвращалась еще три раза, но теперь уже в одиночку. Вернулась она и после того, как шимпанзе покинули место преступления. И все это время Гоблина не переставая протяжно и жалобно кричала.

Через год у закадычной приятельницы Гилки родился второй детеныш. К счастью, он уцелел и не стал жертвой хищничества шимпанзе. Теперь он уже подросток и мог бы заменить Гилке ее маленького братишку, которого постигла еще более страшная участь, чем первенца Гоблины.

16. Смерть

Малыш Олли, следующий после Гилки, внезапно заболел. Он появился на свет всего четыре недели назад, когда нас не было в Гомбе, и мы очень обрадовались, услышав после возвращения о его рождении. Прежде всего нам хотелось узнать, как будет вести себя Гилка по отношению к младшему брату. Станет ли она так же трогательно заботиться о нем, как Фифи о Флинте, и какова будет реакция матери?

В тот день Олли пришла в лагерь позже обычного. Она бережно прижимала малыша к себе и передвигалась очень медленно и осторожно, как бы боясь потревожить его. И действительно, при каждом резком движении он пронзительно вскрикивал, словно от сильной боли. Он не мог как следует уцепиться за шерсть Олли, то одна, то другая ручка или ножка беспомощно повисали в воздухе, и матери приходилось постоянно поддерживать его рукой.

Наконец Олли с малышом уселась на землю и начала есть бананы; Гилка занялась выискиванием в шерсти у матери. Вот она как бы невзначай добралась до крошечных ручек малыша и принялась заботливо перебирать на них волоски, напомнив нам своим поведением Фифи. На этот раз Олли позволила дочери обыскать не только ручки, но и головку и спинку младенца, хотя раньше мы видели, как она отталкивала Гилку, если та пыталась почистить шерстку братца.

Наутро мы поняли, что малыш серьезно болен: ручки и ножки его бессильно болтались, и он громко кричал при каждом шаге матери. Олли села и бережно положила своего сына на колени, Гилка устроилась рядышком и пристально уставилась на братца. Но на этот раз она не сделала никаких попыток прикоснуться к нему.

Подкрепившись двумя бананами, Олли поднялась с земли, подхватила младенца и медленно пошла по тропе в сторону долины. Гилка и я двинулись вслед за ней. Обеспокоенная не прекращающимися криками малыша, Олли останавливалась каждые несколько метров и бережно прижимала к себе беспомощное тельце сына. Как только младенец затихал, Олли вставала и шла дальше, но крики тут же возобновлялись и матери

приходилось снова садиться и ждать. Так прошло около получаса. За это время мы продвинулись не больше чем на сотню метров. Олли взобралась на дерево. Усевшись на ветке, она бережно положила младенца на колени, расправив его беспомощные ручки и ножки. Он успокоился, и Олли с Гилкой занялись туалетом: они обыскивали друг друга, почти не обращая внимания на малыша.

Минут через пятнадцать полил дождь. Это был настоящий тропический ливень, который стеной обрушился на нас. Я сидела, скорчившись в три погибели под большим деревом, и не видела ничего, кроме потоков воды. Ливень продолжался минут тридцать, и за это время детеныш, по-видимому, умер или потерял сознание. Когда Олли после дождя соскользнула с дерева, головка малыша беспомощно повисла, он больше не кричал и вообще не подавал никаких признаков жизни.

Я поразились тому, как резко изменилось поведение Олли. Куда девались ее заботливость и тревога! Спустившись на землю, она небрежно схватила детеныша за руку и перекинула через плечо. Неужели она понимала, что ее отпрыск умер? По крайней мере материнский инстинкт, по-видимому, подсказывал ей, что младенец, который не плачет и не шевелится, не нуждается больше в ее уходе. Несколько раньше я наблюдала за другой матерью, молодой и неопытной, которая потеряла своего первенца, но в течение двух дней после его смерти продолжала бережно носить безжизненное тельце, заботливо прижимая его к груди.

Когда на следующий день Олли в сопровождении Гилки пришла в лагерь, мертвый детеныш все еще болтался у нее за спиной. Самка села, и труп с глухим стуком шлепнулся о землю. Вновь поднявшись, Олли опять поволокла его за собой. Несколько молодых самок шимпанзе и два-три павиана, привлеченные этим зрелищем, столпились вокруг Олли. Но она не обратила на них ни малейшего внимания.

Когда Олли и Гилка покинули лагерь, я вновь последовала за ними. Олли брела как во сне: она шла через лес, не глядя по сторонам, и безжизненное тельце детеныша подпрыгивало на плече в такт ее шагам. Примерно на середине горного склона Олли остановилась и села, небрежно сбросив ношу с плеча. Прошло около получаса Олли впала в оцепенение: она сидела, тупо глядя в одну точку и почти не шевелясь, лишь изредка отгоняла рукой неизвестно откуда взявшихся мух.

Гилка, заметив полное безразличие матери, решила, наконец, поиграть с маленьким братцем. Это было страшное зрелище. Труп, уже начавший разлагаться, испускал зловоние, на лице и животе явственно проступали зеленые пятна, а широко открытые глаза застыли и остекленели. Искося поглядывая на мать, Гилка осторожно подтащила к себе безжизненное тельце брата, взяла его на руки и начала тщательно перебирать шерстку. То, что было дальше, я не могу вспомнить без содрогания. Гилка взяла руку мертвого детеныша и стала щекотать ею у себя под подбородком, а на лице ее заиграла слабая улыбка. Бедная Гилка! Мы так радовались, когда у нее появился маленький братик, будущий товарищ по играм. Но, видно, ей на роду было написано быть одинокой. Еще раз быстро взглянув на мать, Гилка бережно подхватила мертвое тельце и прижала его к груди. Только тогда Олли заметила наконец, что происходит. Она быстро выхватила трупик из рук дочери и бросила его на землю.

Потом старая самка встала и вернулась той же дорогой, что и пришла, обратно в лагерь. Здесь она съела пару бананов и снова побрела в лес. Я сопровождала Олли и Гилку еще около трех часов. Каждые десять минут Олли садилась или ложилась на землю, а Гилка тотчас хватала мертвого братца и начинала с ним играть.

В конце концов Олли стало беспокоить мое присутствие, она прибавила шагу, то и дело оглядываясь через плечо и, будто нарочно, зашла в такую густую чащу, что я еле попевала за ней. Тогда я решила вернуться в лагерь. В глубине души я была рада, что могу наконец выбраться из этих зарослей тяжелый трупный запах надолго задерживался в жарком влажном воздухе, а поскольку я шла вслед за Олли, дышать было совершенно нечем. К тому же меня донимали мухи целые полчища их, привлеченные все тем же запахом, садились на кусты, через которые мы продирались.

Когда Олли и Гилка на следующий день появились в лагере, мертвого младенца с ними уже не было. По-видимому, они все же бросили его во время странствий по лесу.

Если бы я знала, что младенец Олли был первой жертвой начинающегося грозного заболевания, я бы ни за что не стала в течение двух дней бродить вслед за семейством по лесу, так как в это время сама ждала ребенка. Однако новые жертвы той же болезни появились лишь через две недели после смерти брата Гилки. Только тогда выяснилось, что среди африканского населения вспыхнула эпидемия полиомиелита. Так как шимпанзе подвержены почти всем инфекционным болезням человека, в том числе и полиомиелиту, не оставалось никаких сомнений, что страшное заболевание проникло и к нам в заповедник. Километрах в пятнадцати южнее лагеря, как раз на границе с заповедником, была расположена африканская деревня, в которой два человека уже умерли от полиомиелита. Обезьяны часто заходили в эту долину и кормились на деревьях неподалеку от деревни. Возможно, первые случаи заражения произошли именно здесь, а потом болезнь быстро распространилась и добралась до нашей группы шимпанзе.

Трудно представить себе то состояние, которое охватило нас, когда мы узнали о вспыхнувшей эпидемии. Мы были в ужасе: мало того, что ни Гуго, ни я, ни наша помощница Элис Форд не прошли полного курса вакцинации против полиомиелита; угроза нависла и над шимпанзе, ради благополучия которых мы трудились все эти долгие годы. Мы немедленно связались с профессором Лики, и он организовал отправку в Кигому специального самолета, который доставил нам столь необходимую сейчас вакцину. Мы не знали, какие размеры может принять вспыхнувшая эпидемия, и поэтому решили провести профилактическую вакцинацию среди всех обитателей заповедника. Естественно, что воспользоваться нашими услугами могли лишь те животные, которые регулярно посещали лагерь.

Из лаборатории Пфизера (в Найроби) было доставлено большое количество вакцины в виде таблеток, которыми мы собрались начинать бананы. Каждое животное должно было получить по три таблетки в месяц за один прием, и так в течение трех месяцев. Как правило, большинство шимпанзе без колебания поедали банан вместе с лекарством, но некоторые обезьяны, почувствовав лекарство, тут же выплевывали его, хотя нам таблетки казались абсолютно безвкусными. Для этих особенно разборчивых животных мы заготавливали три банана с таблеткой в каждом вместо обычного одного, начиненного сразу тремя таблетками. Нам приходилось заботиться и о том, чтобы самцы высокого ранга, уже получившие месячную дозу, не отнимали бананов с лекарством у подчиненных особей.

Эти несколько месяцев, пока в заповеднике свирепствовал полиомиелит, были самыми мрачными в моей жизни. Всякий раз, когда кто-нибудь из наших питомцев неожиданно переставал посещать станцию подкормки, мы с ужасом начинали думать, что больше никогда его не увидим, а если и увидим, то изуродованным калекой. Это было, пожалуй, самое страшное. Болезнь поразила в нашей группе пятнадцать обезьян: шесть из них умерли, другим повезло, и они выжили, отделавшись сравнительно небольшими

повреждениями опорно-двигательного аппарата. У Гилки была поражена одна рука, у Мелиссы шея и плечевой пояс. Когда два великолепных молодых самца, Пепе и Фабен краса и гордость нашей группы, вновь появились в лагере после кратковременного отсутствия, мы с горечью увидели, что у обоих плетью повисла одна рука.

Еще один молодой самец так долго не приходил в лагерь, что мы уже уверились в его гибели. Однако он все же вернулся. Но что это было за зрелище! У него парализовало обе руки, и он едва доплелся до лагеря. Он тотчас же бросился подбирать губами валявшиеся на земле шкурки бананов и другие съедобные отбросы, так как был настолько истощен, что напоминал скелет, а дотянуться до пищи и взять ее руками не мог. В конце концов нам пришлось прекратить его мучения и пристрелить несчастное животное.

Болезнь унесла многих наших любимцев. Джей-Би, шумный могучий Джей-Би, к которому все мы так привыкли, навсегда перестал появляться в лагере. Были и другие жертвы, но самой страшной на фоне развернувшейся трагедии оказалась болезнь и, смерть Мак-Грегора. Воспоминание об этом кошмаре все еще продолжает мучить нас, хотя с тех пор прошло уже несколько лет.

В тот вечер Гуго заметил, как Фло, Фифи и Флинт, выйдя из лагеря, остановились возле низкого кустарника и стали что-то сосредоточенно рассматривать в высокой траве, время от времени выпрямляясь для этого во весь рост и встревоженно вскрикивая. Мы поспешили спуститься к ним, чтобы посмотреть, в чем дело. Первое, что мы увидели, были мухи. Они густым слоем покрывали листья и ветки, так что весь куст отливал синезеленым металлическим блеском. Потревоженные нашим приходом рои мух поднимались в воздух и недовольно гудели. Мы решили, что в кустах лежит труп умершей обезьяны, но, подойдя поближе, увидели живого Мистера Мак-Грегора. Он сидел на земле, обрывая руками маленькие красные ягоды, которые росли над его головой, и засовывал их в рот. Лишь когда он попытался дотянуться до удаленной от него ветки, мы поняли, что произошло, и содрогнулись от ужаса. Ноги старого самца были полностью парализованы. Ухватившись обеими руками за нижнюю ветвь, он подтянул свое беспомощное тело с безжизненно волочащимися ногами поближе к желанной цели. Теперь он уже мог достать ягоды. Тогда он оперся обеими руками о землю и, с трудом отклонившись назад, снова принял сидячее положение.

Фло с семейством давно ушла, а мы с Гуго все стояли и смотрели на несчастного Грегора. Уже смеркалось, и тут старый самец тем же способом подтащил себя к дереву, нижние ветки которого росли совсем близко от земли, и не без успеха попытался взобраться на него. Оставалось лишь поражаться силе его мускулов. Он вскарабкался на дерево, причем довольно высоко, при помощи только одних рук и даже соорудил там жалкое подобие гнезда. Рои мух неотступно следовали за ним, но лишь теперь мы поняли почему. Мак-Грегор не мог больше контролировать действие сфинктера мочевого пузыря и каждый раз, когда он пытался дотянуться до вышерасположенной ветки, мышцы сокращались от напряжения и моча тоненькой струей текла по парализованным ногам. Кожа на его теле была во многих местах содрана, ноги и ягодичы сильно кровоточили. Очевидно, бедному животному пришлось проделать долгий путь, прежде чем он добрался до лагеря. На другой день мы проследили этот путь: примятая и окровавленная трава привела нас вниз к ручью, а потом и на противоположный склон. Метров через сто пятьдесят следы исчезли на крутом, размытом водой склоне.

Следующие десять дней мы целиком посвятили нашему бедному другу. Это были страшные дни каждой из них стоил прожитого года. Мы не переставали надеяться, что болезнь отступит и жизнь вернется к его парализованным ногам, но время шло, а Грегор

по-прежнему не мог шевельнуть хотя бы одним пальцем. Все эти дни он провел в окрестностях лагеря. Часов до одиннадцати утра и даже позже он оставался в гнезде, потом очень медленно спускался на землю и садился, чтобы перевести дух. Иногда он сидел так около получаса, глядя по сторонам или приводя в порядок шерсть. Потом подтаскивал свое огромное тело к кустарнику или дереву с низко растущими плодами и приступал к завтраку.

В один из дней мы увидели, что Грегор передвигается каким-то новым способом: пригибая голову к земле, он неуклюже кувыркался, перекатываясь с места на место. Мы с Гуго были вне себя от радости должно быть, решили мы, активность парализованных конечностей постепенно восстанавливается. Приглядевшись внимательнее, мы поняли, что и это сальто через голову осуществлялось лишь благодаря исключительной силе рук Мак-Грегора они одни способны были оторвать от земли все его грузное и наполовину мертвое тело. Но передвигаться таким образом старый самец мог лишь в тех местах, где росли пучки жесткой травы или выступали корни деревьев, которые он использовал в качестве опоры.

Примерно в половине четвертого дня Мистер Мак-Грегор уже забирался обратно в гнездо. Всего за время болезни он соорудил три гнезда, причем два из них находились на одном дереве. В самом начале болезни он предпринимал попытки вскарабкаться на три других дерева с огромными усилиями взобравшись на нижние ветки, начинал с не меньшим трудом спускаться обратно на землю.

Мы старались, как могли, помочь несчастному животному. Вначале он не позволял нам подходить слишком близко издавал глухие кашляющие звуки и размахивал руками. Но через два дня он, казалось, почувствовал, что мы хотим помочь ему, и тогда поведение его резко изменилось: он ложился на спину и позволял мне выжимать губку, пропитанную водой, прямо в его открытый рот. Мы сооружали из листьев нечто вроде корзиночки, накладывали в нее бананов, пальмовых орехов и любого другого корма, который могли собрать в окрестностях лагеря, а потом подсовывали все это в гнездо Грегора с помощью длинной палки. По утрам, когда самец отправлялся завтракать, мы залезали на дерево и вычищали его гнездо, так как теперь он совершал все отправления там же, где спал.

Чтобы мухи меньше докучали старому самцу, мы каждый раз опрыскивали пространство вокруг гнезда специальным аэрозолем. Вначале Грегор с опаской относился к этой процедуре, но потом как будто понял, что избавляется таким образом от назойливых жужжащих созданий, и с тех пор, заметив пульверизатор с инсектицидом, радостно приветствовал нас.

Но самым ужасным во всей этой кошмарной истории было то, как отнеслись остальные шимпанзе к ставшему калекой сородичу. Прежде всего, и это вполне естественно, их испугало его непривычное и странное состояние. Мы замечали ту же самую реакцию и по отношению к другим жертвам полиомиелита, когда они впервые после болезни появлялись в лагере. Так, например, когда шимпанзе увидели, как Пепе беспомощно съезжает по склону, волоча за собой одну руку, они с выражением ужаса кинулись трогать и обнимать друг друга, чтобы успокоиться и обрести уверенность в физическом контакте. Несчастный Пепе, не подозревающий об истинных причинах паники в группе, испугался больше остальных: он с недоумением оглядывался назад, пытаясь понять, что именно вызвало такой ужас среди его сородичей. В конце концов все успокоилось, и Пепе снова заковылял вниз. Со временем Пепе, как, впрочем, и Фабен, научился передвигаться только на задних конечностях мышцы ног его постепенно окрепли, и он уже свободно обходился без помощи висевшей плетью больной руки. Что

касается остальных шимпанзе, то они быстро привыкли к несколько странному виду молодого самца и перестали обращать на него внимание.

С Мак-Грегором все было по-иному. Он отличался от других не только совершенно ненормальным, с точки зрения обезьян, способом передвижения, но и видом кровоточащих ран, запахом мочи, роями мух, наконец, которые повсюду сопровождали больного самца. Когда Мак-Грегор впервые появился в лагере и уселся в высокой траве неподалеку от места подкормки, все взрослые самцы приблизились к калеке и уставились на него, распушив шерсть, а потом начали демонстрировать угрозы. Они не только угрожали старому больному самцу, но кое-кто пытался и в самом деле атаковать его. Он же, не способный ни убежать, ни обороняться, с искаженным от ужаса лицом и оскаленными зубами лишь втягивал голову в плечи и, съежившись, ждал нападения. Сперва Голиаф несколько раз ударил его по спине, потом другой взрослый самец, вздыбив шерсть и размахивая здоровенной веткой, налетел на несчастного Мак-Грегора. Мы с Гуго не выдержали и попытались защитить калеку от расшумевшихся самцов. Стоило нам преградить им путь, как они тотчас повернулись и ушли.

Дня через два или три все члены группы привыкли к странному виду и нелепым движениям Мак-Грегора, но старались избегать его. Мне вспоминается один день, на мой взгляд, самый тягостный из всех десяти. Восемь шимпанзе расположились на дереве и тщательно выискивали в шерсти друг у друга. Мистер Мак-Грегор из своего гнезда отлично видел, чем они занимаются, и внимательно следил за их действиями, время от времени хрипло похрюкивая. Взаимное обыскивание одно из любимейших занятий шимпанзе, животные уделяют ему значительную часть времени, а старый самец в течение всей болезни был лишен возможности принять участие в этой важной процедуре, был лишен такого контакта с сородичами.

Наконец он не выдержал и начал медленно выбираться из гнезда. С трудом спустившись на землю, он с помощью освоенных им методов передвижения преодолел те пятьдесят метров, которые отделяли его от дерева с сидящими на нем шимпанзе. Совершенно измученный после этого долгого путешествия, Мак-Грегор сел передохнуть в тени дерева, затем подтянулся и, сделав последнее усилие, взобрался на нижнюю ветку. Наконец-то он был у цели и, громко и удовлетворенно кряхтя, протянул руку к двум самцам, которые сидели ближе всех к нему. Но еще до того, как несчастный калека успел коснуться их, оба шимпанзе молниеносно перескочили на противоположный конец дерева и преспокойно уселись там, возобновив прерванное занятие и даже ни разу не оглянувшись в сторону Мак-Грегора. Минуты две старый самец не шевелясь пристально глядел на своих сородичей, а потом медленно, с величайшим трудом начал спускаться обратно на землю. О, как я ненавидела его обидчиков в эту минуту! Слезы невольно текли у меня из глаз, и я отошла прочь, не в силах больше смотреть на несчастного калеку, который в одиночестве уселся под деревом.

Мы с Гуго и раньше подозревали, что взрослый самец Хамфри, отличавшийся необычайно агрессивным поведением, был младшим братом Мистера Мак-Грегора. Оба часто бродяжничали вместе, и старый Грегор нередко спешил на выручку более молодому самцу, если тому угрожала опасность. В эти последние дни перед кончиной Мак-Грегора мы действительно убедились, что оба самца были братьями, только наличием родственных уз можно было объяснить поведение Хамфри.

Во время болезни старого самца Хамфри старался держаться неподалеку от своего больного товарища. Правда, иногда он переходил на противоположный склон ущелья в поисках пищи, но не более чем через час возвращался, усаживался поблизости от гнезда

Мак-Грегора и начинал приводить в порядок свою шерсть, хотя даже он ни разу не пытался заняться обыскиванием Грегора. В первый же день своего возвращения в лагерь Мак-Грегор взобрался довольно высоко на дерево и соорудил там гнездо. На это же дерево залез Голиаф и начал демонстрировать свою силу возле гнезда старого самца. Он принялся раскачивать ветки с такой силой, что листья дождем посыпались вниз, на несчастного калеку, который в это время находился в гнезде. Вопли Грегора становились все громче, он изо всех сил цеплялся за ствол дерева, чтобы не вывалиться из гнезда, которое ходуном ходило под ним, а ветки с размаху хлестали его по лицу и спине. Но потом, видимо отчаявшись, решил покориться судьбе и, как куль, полетел вниз, стучаясь по пути о каждую ветку, пока наконец не распластался на земле. Придя в себя, он начал медленно отползать в сторону. Внезапно появившийся Хамфри, который всегда испытывал страх перед Голиафом, тотчас вскочил на дерево, с устрашающими криками кинулся к самцу, ранг которого был намного выше его собственного, и даже атаковал Голиафа. Поведение Хамфри было настолько необычным, что если бы я сама не видела всю эту сцену от начала до конца, то, наверное, никогда бы не поверила, что это могло быть на самом деле.

В другой раз Мистер Мак-Грегор сумел каким-то образом дотащить прямо до места подкормки, преодолев для этого тридцать метров довольно крутого подъема. Здесь уже кормилась большая группа обезьян, но мы смогли предоставить нашему подопечному нетронутый ящик. Он начал есть и на какое-то время, должно быть, снова почувствовал себя полноправным членом группы, так как, когда все собрались уходить, Грегор решил последовать за ними. Но, несмотря на отчаянные усилия, он, конечно, безнадежно отстал, и группа скрылась из виду.

Однако минут через пять мы увидели на тропе Хамфри он возвращался обратно. Некоторое время он стоял и смотрел на своего ползущего, цепляющегося и кувыркающегося друга, а потом пустился догонять остальных. Но вскоре он снова вернулся и опять долго смотрел на старания несчастного калеки. На этот раз он даже начал размахивать руками подобным образом самцы заставляют сопротивляющихся самок сопровождать их. В конце концов Хамфри распрощался с надеждами догнать группу и остался с Грегором, построив гнездо неподалеку от лагеря.

На десятый день мы, как всегда, принесли ужин нашему больному. Однако его нигде не было видно: ни в гнезде, ни около дерева. После непродолжительных поисков мы нашли его сидящим в густой траве оказалось, что у него серьезно повреждена одна рука, и он уже не может владеть ею. И тогда мы поняли, что наутро нам придется пристрелить старого друга. На протяжении всех этих мучительных дней мы старательно гнали от себя эту мысль и ждали, надеясь на чудо. Но чуда не произошло.

Смеркалось Грегор все чаще и чаще поглядывал вверх, на уже недоступные для него деревья, и я поняла, что он хочет построить на ночь гнездо. Наломав целую охапку зеленых веток, я положила их возле него. Он с трудом улегся на них и начал ловко орудовать одной рукой, помогая подбородком перегибать ветки, пока наконец не соорудил себе довольно удобную постель.

Я ушла в лагерь, но ночью вернулась к нему снова. Ослепленный ярким светом фонаря, старый самец встревоженно зашевелился, но, услышав мой голос, преспокойно закрыл глаза и снова заснул, хотя я стояла всего в метре от него. Как же он доверял нам, наш бедный истерзанный друг, и как жестоко мы обманули его доверие! Наутро, когда он, ничего не подозревая и урча от удовольствия, поедал свою излюбленную пищу два яйца, принесенные ему на завтрак, мы выстрелом из пистолета прекратили его мучения.

Никто из обезьян не видел трупа Мак-Грегора, и Хамфри в течение долгого времени не мог понять, куда девался его старый друг. Месяцев шесть он постоянно приходил на то место, где Мак-Грегор провел последние дни своей жизни. Хамфри подолгу сидел на дереве, озираясь вокруг и прислушиваясь к малейшему шороху. Когда шимпанзе отправлялись в длительное путешествие в соседнюю долину, он проходил с ними некоторое расстояние, но через несколько часов возвращался обратно и снова усаживался в надежде услышать громкий резкий голос старого Грегора, не подозревая, что голос этот, так похожий на его собственный, умолк навсегда.

17. Мать и дитя

Среди первых жертв полиомиелита был и пятилетний Мерлин. Хотя мы очень любили этого прежде игривого и озорного малыша, все же мы с облегчением вздохнули, когда он умер, так как к этому времени он совершенно переменялся: до неузнаваемости исхудал, сделался вялым и угрюмым.

Но мне нужно вернуться к началу нашей истории и рассказать все по порядку. Мерлин рано потерял мать. В три года малыш ничем не отличался от других детенышей того же возраста: он все еще сосал грудь, ездил на спине у матери и спал рядом с ней в гнезде. Однажды Марина с Мерлином не пришли к месту подкормки и с тех пор вообще перестали посещать лагерь. Шестилетняя сестрина Мерлина, Мифф, продолжала приходить к нам за бананами. Мы решили, что мать и детеныш погибли. Но месяца через три Мерлин вслед за своим старшим братом, тринадцатилетним Пене, вновь появился в лагере. Он сильно исхудал, живот втянулся, личико, и без того крошечное, сморщилось, а глаза стали от этого еще более огромными. Что случилось с его матерью? Сколько времени прошло после ее смерти? Как ему удалось выжить? Мы, конечно, не могли ответить на эти вопросы, но выглядел малыш так, как будто бы он не спал в течение долгого времени.

Все шимпанзе, которые находились в это время в лагере, радостно приветствовали осиротевшего детеныша: объятия и поцелуи чередовались с дружескими прикосновениями и похлопываниями. Мерлин поел немного бананов и, усевшись на землю, прижался к старшему брату. Через некоторое время в лагере появилась Мифф. Она тотчас подбежала к малышу, и оба занялись взаимным обыскиванием. Правда, сиротка Мерлин лишь едва коснулся шерсти Мифф, в то время как она тщательно перебирала один волосок за другим и за пятнадцать минут привела в порядок всю шерстку маленького братца. Собравшись уходить, Мифф оглянулась и выжидающе посмотрела на Мерлина, тот затрусил следом за ней. Так всегда делает мать перед тем, как отправиться в путь.

С этого дня Мифф и в самом деле начала по-матерински заботиться о своем младшем брате. Они всюду бродили вместе и по ночам спали в одном гнезде. Мифф то и дело чистила Мерлину шерстку, наверное, даже чаще, чем это делала бы Марина. В первые дни сестрица позволяла малышу взбираться к ней на спину, но потом стала прогонять его очевидно, для нее, худенькой и не слишком крепкой, это была непосильная ноша. Пепе, уже почти взрослый самец, стал проводить с младшими членами семьи гораздо больше времени, чем раньше, когда была жива их мать, может быть, из-за Мифф, которая теперь по пятам ходила за ним. В минуты чрезмерного волнения Пепе обычно подбегал к маленькому Мерлину и, прикоснувшись к брату, быстро успокаивался.

Но шли недели, а Мерлин, несмотря на все заботы Мифф, все больше худел, все больше вваливались его глаза, шерсть становилась тусклой и вылезала клочьями. Он все

меньше и меньше играл со своими сверстниками и временами впадал в сонное оцепенение. Поведение его резко изменилось.

Как-то раз Мерлин и Мифф сидели на территории лагеря и обыскивали друг друга. Внезапно на тропе, ведущей из лесу, показалась группа шимпанзе. Впереди, громко ухая, ступал Хамфри. Две самки поспешно убрались с дороги разбушевавшегося самца. Успела вскочить на дерево и Мифф. Маленький Мерлин вместо того, чтобы тоже убежать прочь, вдруг направился прямо к Хамфри, уже начавшему демонстрировать свое могущество. Увидев перед собой малыша, который негромко похрюкивал в знак покорности, взрослый самец тем не менее схватил его за руку и поволок за собой по земле. Как только Хамфри отпустил его, Мерлин, громко визжа, бросился в объятия Мифф. Он вел себя в данном случае как глупый младенец, который не может правильно оценить намерений старших и получает из-за этого тумаки и шишки. А ведь раньше Мерлин, как и всякий нормальный трехлетний детеныш, верно улавливал перемену в настроении взрослых и своевременно реагировал на нее.

С этого времени взаимоотношения Мерлина с другими членами сообщества начали постоянно ухудшаться. Маленький шимпанзенок все время попадал впросак: то и дело подбегал к взрослым самцам в самые неподходящие моменты. К четырем годам Мерлин стал одним из наиболее подчиненных детенышей среди своих сверстников: он всячески заискивал перед взрослыми шимпанзе, без конца принимал позы покорности, подставляя зад или припадая к земле, причем все его действия сопровождалось взволнованными криками. С другой стороны, отношение Мерлина к его сверстникам отличалось чрезмерной, ничем не оправданной агрессивностью. Стоило кому-нибудь из детенышей подойти к Мерлину, чтобы поиграть с ним, как тот угрожающе кидался на своего прежнего товарища. Флинт, который был на год младше его, нередко, попискивая от страха, убегал от Мерлина. Правда, случалось и так, что Мерлин просто не обращал внимания на детеныша и поворачивался к нему спиной, отказываясь принять участие в играх. В отличие от своих сверстников он все больше и больше времени тратил на выискивание в шерсти у старших членов группы, в особенности, у своей сестры.

К шести годам поведение Мерлина стало еще более странным. Он то и дело висел вниз головой, уцепившись ногами за ветку и не шевелясь, наподобие летучей мыши. Или, усевшись на земле и обхватив колени руками, начинал монотонно раскачиваться из стороны в сторону, а его огромные, широко раскрытые глаза неподвижно смотрели в одну точку. Он все чаще занимался самообыскиванием, при этом он беспощадно выдергивал волос за волосом и, пожевав волосяную луковицу, выплевывал их.

Но наиболее странно вел себя Мерлин во время термитного сезона. Будучи еще двухлетним малышом, Мерлин подолгу стоял возле Марины, внимательно наблюдая за ее действиями. Потом он и сам начинал брать тоненькие прутики и, неумело держа их в руке примерно так же, как держит ложку впервые взявший ее ребенок, втыкал в поверхность термитника. Через год он достиг значительных успехов и ловко орудовал возле гнезда насекомых, хотя его ужение еще не было достаточно результативным, как, впрочем, у любого трехлетнего малыша. Он почти всегда выбирал слишком коротенькие травинки или прутики в длину его орудия не превышали пяти сантиметров, тогда как у взрослых шимпанзе они достигали двадцати-тридцати сантиметров. К тому же, аккуратно засунув свою коротенькую травинку в один из ходов гнезда, он почти тотчас же резко выдергивал ее обратно, так что если бы даже какой-нибудь термит успел ухватиться за травинку, он бы тут же свалился с нее от такого рывка. Однажды Мерлин затолкал в отверстие слишком толстую соломинку, а потом долго пыхтел, но так и не вытащил ее обратно.

К сожалению, во время следующего термитного сезона я уезжала из заповедника и поэтому не могла проследить за поведением Мерлина. Оценить его способности мне удалось лишь через два года, и я была поражена, увидев, что его техника ужения существенно не изменилась. К тому времени Мерлину исполнилось пять лет, и, как всякий пятилетний детеныш, он должен был бы уметь выбирать подходящее орудие. Однако он по-прежнему подбирал только коротенькие травинки. Несколько раз я замечала у него в руках более длинные прутики и соломинки, но они были, как правило, согнуты или сломлены посередине. Он все так же резко выдергивал удочку из отверстия в термитнике, тогда как остальные детеныши этого возраста уже научились аккуратно вынимать ее и управлялись с нею не хуже взрослых. Это было очень странно, тем более что сестрица Мерлина, Мифф, была опытным удильщиком и детеныш мог бы многому научиться от нее.

Лишь в одном отношении Мерлин сильно повзрослел: раньше он, как и другие малыши, проводил за работой не больше двух минут, а потом бежал играть со сверстниками и через некоторое время снова возвращался к прерванному занятию. Теперь же он работал с упорством взрослого шимпанзе однажды он просидел возле термитника целых сорок пять минут, причем за все это время ему удалось поймать только одного термита, да и тот уцепился за его палец, когда он попытался расширить отверстие.

К этому времени Мерлин настолько исхудал, что напоминал скелет, обтянутый кожей. Рос он медленно, и Флинт, который был моложе на целый год, давно уже обогнал его. Шерсть Мерлина стала еще более тусклой, а на ногах и руках так поредела, что появились настоящие плешины, должно быть от слишком усердного обыскивания. Он подолгу лежал на земле в состоянии сонной апатии, в то время как другие детеныши весело возились рядом с ним.

Перед наступлением сезона дождей мы стали замечать, что состояние Мерлина как будто немного улучшилось. Он снова стал принимать участие в играх. Во время игр с Флинтом, Гоблином и Пом он бывал очень оживлен. Правда, если кто-нибудь из его товарищей начинал грубо вести себя, Мерлин визжал и припадал к земле в знак покорности или угрожающе наскакивал на обидчика. Когда полили дожди, мы поняли, что Мерлин не сможет пережить шесть холодных и дождливых месяцев. Он синел от холода и дрожал, как в лихорадке, едва начинал накапывать дождь. Вот почему мы были рады, когда полиомиелит положил конец его страданиям.

Мерлин был не единственным сиротой в нашей группе. Еще три детеныша рано лишились матерей, причем двух из них, так же как и Мерлина, опекали старшие члены семьи. Малышка Битл осталась без матери тоже в трехлетнем возрасте, но ее сестра была на два или три года старше Мифф. Сильная и крепко сложенная, эта молодая самка спала вместе с Битл, чистила ей шерстку и даже позволяла ездить верхом на своей широкой спине.

Правда, и в поведении Битл мы нередко замечали те же признаки угнетенного состояния, что и у Мерлина: она часто впадала в оцепенение и отказывалась играть со сверстниками. Но постепенно это прошло, и к шести годам Битл ничем не отличалась от других детенышей того же возраста, за исключением, пожалуй, того, что ни на шаг не отходила от своей старшей сестры. К сожалению, обе сестрички не баловали нас своими посещениями, а потом и вообще перестали появляться в лагере. Впоследствии мы несколько раз встречали старшую в лесу. Что случилось с Битл, выжила она или погибла, нам так и не удалось узнать.

Вторая из сироток Сорема потеряла мать, когда ей только-только исполнился год. В этом возрасте младенец еще совершенно беспомощен и полностью зависит от матери: он не может самостоятельно передвигаться, нуждается в постоянной опеке и защите и, конечно, в материнском молоке. Твердая пища начинает играть важную роль в рационе маленького шимпанзе не раньше, чем тому исполнится два года. Заботу о Сореме взял на себя ее шестилетний брат Снифф. Нужно было видеть, как бережно юный самец обращался со своей крошечной сестренкой. Он всюду носил ее с собой, прижимая одной рукой к груди, аккуратно перебирал ее нежную шерстку. Когда они приходили в лагерь, Сорема съедала немного бананов, но эта пища явно не годилась для нее ей нужно было молоко. Малышка начала таять на глазах, и вот однажды утром Снифф принес, в лагерь трупик сестренки.

Казалось бы, взрослая самка могла бы с большим успехом заботиться об осиротевшем детеныше, чем его старшие братья и сестры. Опытная мамаша всегда сумела бы защитить малыша, урегулировать его взаимоотношения с другими членами сообщества. А если к тому же и у нее самой был маленький детеныш, она могла бы даже подкармливать приемыша молоком. Но за все десять лет мы ни разу не видели, чтобы какая-нибудь самка усыновила чужого детеныша.

У трехлетней Синди не было сестер и братьев. После смерти матери она осталась совсем одна. Мы надеялись, что ближайшая подруга матери, взрослая самка, которая прежде всегда ходила вместе с умершей, позаботится о сиротке, тем более что, по нашему мнению, самки были сестрами. Однако этого не произошло. Мы никогда не видели Синди рядом с подругой ее матери. Малышка, как правило, совсем одна бродила по лесу или ненадолго присоединялась к какой-нибудь группе. Немудрено, что первые признаки депрессивного состояния появились у нее гораздо раньше, чем у других осиротевших детенышей, и месяца через два мы навсегда потеряли ее из виду.

Мы долго пытались понять, почему поведение трехлетнего шимпанзенка так резко меняется после смерти матери. Ведь в этом возрасте детеныш становится довольно самостоятельным и может есть ту же пищу, что и взрослые члены группы. Правда, он все еще получает материнское молоко, но оно занимает довольно несущественную часть в рационе детеныша он сосет мать в течение двух минут каждые два-три часа. Внимательно проанализировав различия в поведении Мерлина и Битл, мы смогли до некоторой степени объяснить причины гибели большинства осиротевших детенышей. И Мерлин и Битл, как уже говорилось, потеряли мать примерно в трехлетнем возрасте; у обоих рано появились первые признаки депрессии. Но состояние Мерлина продолжало катастрофически ухудшаться, тогда как Битл полностью выздоровела. Лишившись матери, детеныши лицом к лицу столкнулись с непривычным для них миром взрослых. Психологически они были не подготовлены к этому. Раньше при малейшем намеке на опасность детеныш всегда кидался в сторону матери, чтобы прикоснуться к ней, подержаться за ее шерсть или просто сосать грудь. Теперь же эмоциональная незащищенность приводила к всевозможным психологическим срывам в поведении осиротевших детенышей, а старшие члены семьи не всегда могли заменить им заботливую мать. В этом смысле Битл по-настоящему повезло. Ее старшая сестра, крепкая молодая самка, в значительной степени восполнила потерю, в частности благодаря тому, что позволяла трехлетней малышке взбираться к ней на спину. Физический контакт с почти взрослым животным тотчас успокаивал испуганного детеныша, внушал уверенность, что теперь все будет в порядке. В самом деле, в случае опасности сестра с маленькой Битл на спине всегда могла убежать или взобраться на дерево. Зная это, малышка ни на шаг не отпускала от себя сестру стоило той отойти на несколько метров, как Битл с жалобными воплями бросалась за ней.

Мерлин в отличие от Битл не мог рассчитывать на помощь своей сестры в минуты волнения в группе или опасности. Мифф, сама еще почти детеныш, была верным товарищем для своего брата, но не умела защитить и успокоить его. Вот почему нам кажется, что причины тяжелого физического состояния Мерлина были чисто психологическими и объясняются вовсе не отсутствием материнского молока, а чувством социальной незащищенности. В подтверждение этой гипотезы можно сослаться на тот факт, что незадолго до смерти поведение Мерлина несколько улучшилось, хотя истощение к этому времени уже достигло предела. По-видимому, нервная система детеныша стала постепенно приспосабливаться к изменившимся условиям, но, к сожалению, было уже слишком поздно.

Если нам когда-нибудь удастся проследить за развитием осиротевшего детеныша шимпанзе вплоть до его взрослого состояния, мы сумеем узнать, излечивается ли он со временем от психологической травмы, связанной со смертью матери, или же ее последствия ощущаются на протяжении всей жизни. Длительные наблюдения за осиротевшим детёнышем помогут нам глубже понять характер влияния этой ранней психологической травмы на дальнейшую жизнь взрослого животного. Нет необходимости говорить о ценности этих наблюдений для сравнительной психологии. Поведение и мотивировка поступков у человека неизмеримо сложнее поведения шимпанзе. К тому же организация постоянных наблюдений за поведением одних и тех же людей в течение многих лет чрезвычайно сложна. Вот почему, изучая шимпанзе, мы надеемся помочь в решении тех проблем, с которыми сталкиваются психологи.

В этом смысле очень интересна история Флинта. Мы наблюдаем за развитием этого детеныша, в течение нескольких лет и видим, что его поведение резко меняется в зависимости от характера его взаимоотношений с матерью.

Флинту было около пяти лет, когда старушка Фло вновь начала менструировать: впервые со времени его рождения у нее набухла половая кожа, правда на очень непродолжительный срок всего на каких-то четыре-пять дней, во время которых мать не позволяла сыну сосать грудь. Она отгоняла Флинта прочь или играла с ним, чтобы отвлечь его внимание. Как только припухлость опала, Флинт вновь начал сосать грудь, хотя, как выяснилось впоследствии, Фло в это время уже была беременна. Флинт, несмотря на свой возраст, по-прежнему спал с матерью в одном гнезде и продолжал ездить у нее на спине.

По-видимому, у старушки Фло просто не хватало сил бороться со своим беспокойным и упрямым сыном. Отучить его от груди она пыталась, когда тому еще только исполнилось три года. Но Флинт с отчаянной решимостью требовал молока и в случае отказа закатывал настоящую истерику: кричал, бросался на землю, размахивал руками и ногами, убегал в лес, так что материнское сердце в конце концов не выдерживало, Фло бежала вслед за сыном и, заключив его в объятия, позволяла пососать грудь. Когда Флинт стал постарше, он начал насакивать на мать и даже кусать ее, если она отказывалась кормить его. И как бы Фло ни сопротивлялась, ей все же в конце концов всегда приходилось уступать.

Примерно на седьмом месяце беременности у Фло внезапно кончилось молоко. Поневолу отлученный от груди, Флинт прошел в своем развитии через ту же стадию, что и его сестрица Фифи пять лет назад: он все время цеплялся за мать, хныкал, если она отходила от него на несколько метров, не позволял ей обыскивать других членов группы и громким криком требовал постоянного внимания к себе.

В конце беременности на Фло было жалко смотреть. Сухой сезон был в самом разгаре стояла изнуряющая жара. Фло с огромным животом брела по горным тропам, сгибаясь под тяжестью подростка-сына. Ростом он уже почти догнал мать, но все еще продолжал ездить на ней верхом, судорожно вцепившись в ее старое исхудавшее тело. Иногда мне казалось, что Фло не перенесет рождения нового детеныша. Она ходила медленно, то и дело останавливалась и садилась. Дыхание ее было прерывистым и тяжелым, а отсутствующий взор устремлен куда-то вдаль. Но Флинт и тут не давал ей покоя. Он начинал теребить несчастную мать, кричал, подталкивал ее в спину, торопясь поскорее добраться до плодовых деревьев, к которым они шли кормиться. Иногда он больно бил ее, если она не реагировала на его призывы. Наконец Фло с трудом вставала и снова отправлялась в путь, а Флинт в мгновение ока взбирался к ней на спину. В те минуты, когда они после кормежки располагались на отдых, сыночек снова начинал приставать к мамаше, заставляя ее приводить в порядок его шерсть.

Впервые мы увидели новорожденную Флейм ранним погожим утром. Все предыдущие дни мы внимательно следили за Фло, так как знали, что она вот-вот должна родить. Поэтому и заметили накануне то дерево, где Фло соорудила на ночь гнездо, и чуть свет опять пришли к нему. Однако самки в гнезде уже не было либо она построила себе при свете луны новое гнездо, либо во время родов спустилась на землю. Через некоторое время Фло с крохотной дочуркой появилась в лагере. Флейм была очаровательной малышкой с бледным личиком, на фоне которого ее огромные глаза выглядели голубыми. Но больше всего нас поразило почти полное отсутствие волос и гладкая розовая кожа на ее груди, животе и внутренних поверхностях рук и ног.

Вскоре Фло в сопровождении Флинта ушла из лагеря, прижимая к животу новорожденного младенца. Флинт впервые за все это время вел себя примерно: перестал надоедать матери и не пытался больше взбираться к ней на спину. Правда, он все время хотел потрогать Флейм, но Фло мягко отталкивала его руку к нашему удивлению, Флинт отнесся к этому довольно спокойно и не стал закатывать истерики.

Однако он все же решил так или иначе установить контакт с маленькой сестренкой взял в руки палочку и осторожно дотронулся ею до ручки Флейм. Потом отодвинул палочку и понюхал ее конец. По сути дела, Флинт изобрел этот своеобразный способ исследования, чтобы выяснить, каковы особенности вновь появившегося существа. Он впервые употребил орудие в день рождения Флейм, но впоследствии еще не раз прибегал к этому методу.

Флейм развивалась хорошо, пожалуй, даже чересчур быстро, и вскоре превратилась в здоровую, подвижную, веселую малышку. А вот поведение Флинта после некоторого улучшения вновь изменилось к худшему: он опять стал назойливым и капризным детенышем, каким был до рождения Флейм. По-прежнему требовал, чтобы Фло носила его на спине, и закатывал истерики, если мать не пускала его в гнездо, где она спала с Флейм. Испугавшись чего-нибудь, Флинт стремглав бросался к матери и повисал у нее на животе, обхватив руками и ногами хрупкое тельце младшей сестрички.

Но со временем Флинт начал вести себя примерно так же, как и осиротевшие детеныши: перестал играть со сверстниками, все больше и больше занимался обыскиванием собственной шерсти, нередко впадал в уныние и сонное оцепенение. В отличие от детей, которые часто ревнуют вновь появившегося брата или сестренку к родителям, Флинт никогда не пытался обидеть Флейм. Напротив, он и Фифи, если позволяла Фло, подолгу играли с трехмесячной сестрой, нянчили ее и заботливо чистили

нежную шерстку. Иногда брат и сестра по очереди несли Флейм на себе через лес, а старая мамаша беззаботно трусила позади семейства.

Когда Флейм исполнилось шесть месяцев, Фло вдруг тяжело заболела: по-видимому, это было острое респираторное заболевание, которому обезьяны особенно подвержены во время сезона дождей и от которого несколько лет назад умер старый Уильям.

Шесть дней Фло вместе с Флейм и Флинтom не появлялись в лагере. Мы объявили розыск все сотрудники и практиканты научно-исследовательского центра, разбившись на партии, искали следы Фло. Наконец мы нашли ее гнездо. Старая самка была тяжело больна: она ничего не ела, едва двигалась и почти не вылезала из гнезда. Малышка Флейм исчезла видимо, умерла. Мы были уверены, что и Фло доживает последние дни, но ее крепкий организм все-таки справился с болезнью, и она выздоровела.

Поведение Флинта после болезни матери резко изменилось. Теперь он во всем походил на того детеныша, которого мы знали до рождения Флейм: он обрел прежнюю живость и готов был целыми днями играть с товарищами, возиться, кувыркаться, карабкаться по деревьям. Он даже стал, пожалуй, капризнее, чем раньше: то и дело подбегал к матери, пытался было снова начать сосать грудь, но за время болезни молоко у Фло пропало. Он продолжал ездить на спине у своей старой мамы, а иногда, ухватившись за шерсть, повисал у нее на животе словом, вел себя как несмышленный младенец, хотя ему было в то время больше шести лет и до наступления подросткового периода оставалось немногим более полугода. Фло во всем потакала сыну: делила с ним пищу, пускала на ночь в свое гнездо, носила на спине, приводила в порядок его шерсть.

Было совершенно ясно, что в воспитании Флинта допущена серьезная ошибка. Может быть, он с детства был избалован вниманием со стороны матери, сестры и старших братьев и привык к тому, что все его капризы тут же исполнялись. Или же члены этой дружной семьи чересчур ревностно опекали его и оберегали от всяческих контактов, создав тем самым тепличные условия для развития малыша. А может быть, причина заключалась в том, что мамаша Фло была слишком стара и не смогла вовремя отнять сына от груди, будучи не в силах противиться его истерикам.

Как бы там ни было, Флинт резко отличался от других подрастающих самцов. Изменится ли его поведение в дальнейшем или в его характере на всю жизнь сохранятся черты избалованного младенца? Надеемся, что в будущем мы сумеем ответить и на этот вопрос.

А пока нам остается только поражаться, до какой степени подрастающий детеныш зависит от своей матери. Кто бы мог подумать, что трехлетний шимпанзенок может умереть, лишившись матери! Кто бы мог представить, что и в пять лет детеныш продолжает сосать грудь и спать в одном гнезде с матерью! Но уже совсем невероятным кажется то, что взрослый восемнадцатилетний самец по-прежнему проводит много времени в обществе своей немолодой мамы!

В большинстве случаев самки шимпанзе умело и заботливо выращивают свое потомство. Малейшие промахи в воспитании, как мы убедились на примере Флинта, отражаются на ходе дальнейшего развития детеныша.

После того как у меня родился сын, я стала другими глазами наблюдать за взаимоотношениями в семье шимпанзе. С самого начала мы с Гуго решили кое-чему поучиться у обезьян: старались не лишать нашего сына физического контакта и брали на

руки, если он плакал в своей кроватке. Мы много играли с ним, ласками и словами выражая нашу любовь. Я кормила его грудью в течение года, причем соблюдала не очень жесткий режим кормления и часто уступала его просьбам. Отправляясь в горы или в лес, мы всегда брали малыша с собой, так что почти все время он проводил в обществе родителей. Если наш мальчик начинал упрямиться, мы старались отвлечь его внимание от нежелательного действия, предпочитая этот способ воспитания грубому окрику или запрету. Иногда нам все же приходилось наказывать сына, но мы почти сразу успокаивали его ласковым прикосновением.

По мере того как малыш подрастал, наши методы претерпевали существенные изменения ведь в конце концов мы воспитывали человеческое, а не обезьянье дитя. Мы никогда не наказывали сына, если он не понимал причины своего проступка, по-прежнему продолжали всюду таскать мальчика, за собой и не скупились поощрять его жестом или ласковым словом.

Добились ли мы успеха в воспитании собственного сына? Пока трудно ответить на этот вопрос. По крайней мере сейчас, в свои четыре года, наш мальчик обладает живым и подвижным нравом, не пасует перед трудностями и не трусит, легко сходится с детьми и не дичится взрослых, в то же время он послушен и внимателен, заботлив и предупредителен с окружающими. Вопреки упорным предсказаниям наших друзей сын проявляет инициативу и самостоятельность, не свойственные детям его возраста. Но кто знает, являются ли эти черты результатом нашего воспитания!

18. В тени человека

Необычайный успех человека как биологического вида стал возможен благодаря эволюционному развитию мозга, что наряду с другими причинами привело к использованию и изготовлению орудий, логическому мышлению, сознательному общению и возникновению речи. Один из наиболее удивительных примеров, иллюстрирующих биологическую близость человека и шимпанзе, лежит в сходстве структуры мозга. Из всех ныне живущих млекопитающих шимпанзе благодаря способности к примитивному мышлению более всего приближается к человеку. Мозг современного шимпанзе, по всей вероятности, не так уж и отличается от мозга первых обезьян, вставших на путь очеловечивания.

До недавнего времени основным критерием человека, отличающим его от остальных существ, считалось умение изготавливать орудия. Конечно, как уже указывалось, шимпанзе не придерживаются определенного плана в изготовлении орудий. Но ведь и доисторический человек, прежде чем взять в руки камень, наверняка пользовался травинками и палками и едва ли при их подработке придерживался какого-то определенного плана.

Благодаря тому что в представлении большинства людей орудия тесно связаны с человеком, самое пристальное внимание всегда было приковано к тем животным, которые могут употреблять предметы в качестве орудий. Однако необходимо помнить, что эта способность сама по себе еще не свидетельствует о каких-то высоких интеллектуальных качествах животного. Дятловый древесный выюрок использует кактусовые колючки или прутики для того, чтобы извлечь насекомых из ходов коры. Однако от этого птица не становится более разумной, чем настоящий дятел, который для той же самой цели использует свой длинный клюв.

Переход к использованию и изготовлению орудий становится важным эволюционным признаком только, тогда, когда животное применяет свою способность манипулировать предметами в различных целях, когда оно может спонтанно использовать предметы для решения совершенно новых задач, которые без употребления орудия представляются неразрешимыми.

В заповеднике Гомбе-Стрим мы наблюдали, как шимпанзе используют орудия в самых различных целях. Они употребляют стебли и палки для ловли насекомых, причем в случае необходимости подрабатывают и видоизменяют их. Они используют листья, чтобы извлечь воду, до которой не могут дотянуться губами, и опять-таки предварительно жуют листья, чтобы увеличить их поглощающую способность. Однажды я наблюдала, как взрослый самец вычищал такой же губкой внутреннюю поверхность черепа павиана. Я не раз видела, как шимпанзе вытирают горстью листьев шерсть, счищают с тела грязь или прикладывают лист к ране. Иногда шимпанзе пользуются палками для расширения входного отверстия в гнездо земляных пчел.

В неволе шимпанзе часто совершенно самостоятельно употребляют предметы в качестве орудий для решения самых разнообразных задач. Эксперименты Вольфганга Кёлера показали, что обезьяны с помощью палок пытаются открыть створки ящиков или выкапывают из земли корни растений. Они чистят шерсть пучками листьев или соломы, скребут себя камнями и кладут соломинки на муравьиные тропы, применяя примерно ту же технику, что и наши шимпанзе во время ловли термитов. По наблюдениям Кёлера, шимпанзе пользуются камнями и палками во время агрессивных стычек. Иногда они развлекались тем, что подманивали кур, бросая хлеб за решетку вольеры, а потом неожиданно кололи птиц острыми палками.

Многочисленные эксперименты, проведенные в лабораторных условиях, были направлены на то, чтобы выяснить, могут ли шимпанзе изготавливать орудия. Результаты показывают, что обезьяны могут поставить один на другой несколько ящиков и, взобравшись на них, дотянуться до пищевой приманки, подвешенной к потолку клетки. Обезьяны выпрямляют свернутый кусок проволоки или составляют несколько трубок и с помощью созданной таким образом длинной палки достают приманку, находящуюся за пределами клетки. Но не известно ни одного случая, когда бы шимпанзе с помощью одного орудия изготовили другое. В одном длительном и чрезвычайно кропотливом исследовании[38] шимпанзе даже после показа и обучения не смог использовать каменное ручное рубило, чтобы отколоть щепку от куска твердого дерева и с ее помощью извлечь приманку из узкой полой трубки. Обезьяна легко откалывала щепки зубами, если дерево было достаточно податливым, но ни разу не пыталась использовать ручное рубило для решения той же самой задачи, хотя экспериментатор неоднократно показывал ей, как это можно сделать. Но прежде чем прийти к окончательному выводу об ограниченных возможностях шимпанзе, необходимо поставить эксперименты на гораздо большем, количестве животных. Ведь и о возможностях вида *Homo sapiens* мы не можем составить представление по одному человеку. Так, одни люди обладают математическими способностями, а другие нет.

Анализируя деятельность шимпанзе на воле и сравнивая ее с тем, как животное решает те или иные задачи в экспериментальных условиях, можно прийти к выводу, что со временем животное разовьет более сложную орудийную культуру[39]. Ведь, в конце концов, и первобытный человек в течение многих тысячелетий продолжал использовать свои примитивные каменные орудия по существу без всяких изменений. Затем внезапно появляется новый, более совершенный тип каменных орудий, который получает широкое распространение на разных континентах. Возможно, что творцом новой культуры была

гениальная, незаурядная личность, а соплеменники путем обучения и подражания быстро овладели новой техникой.

Если шимпанзе смогут и дальше существовать в естественных условиях обитания, развитие у них орудийной деятельности может пойти по совершенно новому пути. Несмотря на то что способность манипулировать предметами является врожденной для шимпанзе, их детеныши, по нашим наблюдениям, лишь постепенно учатся правильно пользоваться предметами, во всем подражая взрослым. Весьма убедителен в этом смысле один случай: однажды молодая самка, страдающая поносом, сорвала горсть листьев и вытерла зад. Ее двухлетний детеныш, который внимательно наблюдал за своей мамашей, тотчас же дважды повторил все эти действия, хотя абсолютно не нуждался в подобном туалете.

Для меня, так же как и для многих других ученых, несомненный интерес представляет тот факт, что в поведении шимпанзе и человека можно усмотреть множество аналогий. Мы не раз поражались не только сходству отдельных жестов и поз, но и целых ситуаций.

Неожиданно испугавшись чего-нибудь, шимпанзе всегда стремится коснуться или обнять оказавшегося рядом сородича, почти точно так же, как чувствительная девица на фильме ужасов в испуге хватается за руку соседа. И люди, и шимпанзе нуждаются в физическом контакте. В стрессовых ситуациях, встревоженные и возбужденные, они быстрее успокаиваются, коснувшись другого индивидуума. Однажды Дэвид Седобородый испугался своего отражения в зеркале. В ужасе он повернулся к стоявшей рядом трехлетней Фифи и обхватил ее руками. По-видимому, прикосновение даже к такому малышу быстро вернуло ему уверенность: он стал успокаиваться, испуганный оскал уступил место обычному выражению лица.

Успокоительное воздействие, которое испытывают как шимпанзе, так и люди от физического контакта с сородичами, объясняется, по-видимому, тем, что младенец с самого рождения привыкает к телу матери, ищет в ее объятиях защиту от опасности. Подрастая, детеныш становится более самостоятельным и в минуту сильного волнения, не увидев поблизости мать, может подбежать и коснуться любого стоящего рядом сородича. Но, если есть хотя бы малейшая возможность, детеныш постарается найти успокоение именно в объятиях матери. Однажды Майк угрожающе двинулся к Фигану, которому в то время исполнилось восемь лет. Подросток громко вскрикнул и, протянув руки вперед, бросился к матери, хотя для этого ему пришлось бежать мимо сидящей поблизости группы шимпанзе. Фло заключила сына в свои объятия и быстро погладила его. Фиган тотчас успокоился и перестал визжать. Так и люди, давно вышедшие из детского возраста, продолжают делиться с матерью своими радостями и горестями, конечно, если между ними существует духовная связь.

Среди шимпанзе мы часто встречали животных, которые постоянно стараются угождать старшим по рангу. Например, Мелисса всякий раз, когда мимо нее проходил взрослый самец, тотчас подбегала к нему и касалась рукой его головы или спины. Если самец поворачивался к ней, Мелисса нервно скалила зубы и оттягивала назад уголки губ. Было совершенно очевидно, что Мелисса нервничает в присутствии более сильного сородича и именно поэтому ищет успокоения в физическом контакте с ним. Если самец удостоивал ее ответным прикосновением, самка успокаивалась еще быстрее.

Каждый из нас не раз встречал людей, подобных Мелиссе: стараясь произвести благоприятное впечатление, они дотрагиваются до собеседника, часто и предупредительно улыбаются. Как правило, эти люди по тем или иным причинам не

слишком уверены в себе и испытывают неловкость при общении с другими людьми. Улыбка в данном случае служит своеобразной ширмой, за которой человек пытается скрыть свое замешательство, и по существу мало отличается от оскала зубов шимпанзе, выражающего покорность и испуг.

При виде большого количества бананов шимпанзе, не в силах скрыть своей радости, начинают целовать и обнимать друг друга. Люди тоже довольно часто выражают свой восторг именно таким образом: ребенок при виде лакомства или новой игрушки радостно бросается к матери, да и взрослые люди, особенно более эмоциональные, услышав хорошую новость, обнимают друг друга и похлопывают по плечам. Всем нам знакомо чувство нестерпимого невыразимого счастья, которое захлестывает всего тебя и заставляет кричать, прыгать, безумствовать, рыдать. Если нечто подобное испытывают и обезьяны, то нет ничего удивительного в том, что они ищут успокоения в спасительном физическом контакте с сородичами.

Я уже описывала на страницах этой книги, как животное после нанесенной ему обиды со стороны старшего по рангу идет вслед за обидчиком, взвизгивая, припадая к земле или протягивая руку. По сути дела, шимпанзе жаждет успокоительного прикосновения и выпрашивает его как подачку. В большинстве случаев рыдания не прекращаются до тех пор, пока более могущественный сородич не удостоит свою жертву ответным прикосновением. Мы много раз наблюдали, как Фиган закатывал шумные истерики, не получив желаемого ободрения: он кидался на землю и начинал вопить, заходясь от собственного крика. Но стоило взрослому самцу подойти и погладить его, как подросток тут же успокаивался. Разве эта сцена не напоминает Вам поведение провинившегося и наказанного матерью ребенка, который ходит за ней по пятам, хватая ее за юбку, захлебывается слезами и не успокаивается до тех пор, пока мать, сжалившись, не возьмет его на руки и не приголубит? Поцелуи и объятия примиряют супругов после семейных сцен, а у некоторых народов рукопожатием знаменуется восстановление дружеских отношений.

Но проводить прямые параллели между поведением обезьян и поведением человека неправильно, так как в поступках человека всегда присутствует элемент нравственной оценки и моральных обязательств, неведомых шимпанзе. В сообществах обезьян наказание и последующее примирение агрессора и жертвы не зависят от того, насколько справедливы были действия обидчика. Самка, которую атаковал взрослый самец только из-за того, что она случайно оказалась у него на дороге во время демонстрации угрозы, будет вымаливать прощение и вести себя точно так же, как самка, которой досталось за то, что она посмела взять банан из грозди самца.

Еще большие отличия в поведении и психике шимпанзе и человека обнаруживаются при рассмотрении мотивов, которые лежат в основе успокоительных жестов. Человеческие существа способны действовать, исходя из бескорыстных побуждений: мы можем искренне сочувствовать попавшему в беду человеку, стараемся утешить его, разделить с ним его горести. Маловероятно, чтобы шимпанзе были способны испытывать подобные эмоции. Даже члены одной обезьяньей семьи, связанные между собой родственными узами, никогда не руководствуются в своих отношениях друг к другу альтруистическими принципами.

И все-таки в поведении обезьян и человека можно усмотреть нечто сходное. Каждому из нас ясно, что вид обиженного, рыдающего человека вызовет в душе пусть даже случайного свидетеля чувство какой-то неловкости. Мы постараемся тут же успокоить плачущего, и не потому, что сочувствуем ему ведь нам не известна причина слез, а скорее

потому, что его рыдания выводят нас из состояния душевного равновесия. Вполне возможно, что вид скорчившегося в позе подчинения животного и его униженное хныканье действуют на агрессора таким же точно образом. Устранить источник собственного раздражения можно, только успокоив низшего по рангу собрата, что шимпанзе и делает самым простым способом подходит и дотрагивается до него.

Говоря о глубоко укоренившейся потребности физического контакта в общении шимпанзе, нельзя не упомянуть о процедуре взаимного обыскивания и ее коммуникативной роли в эволюции поведения. Для шимпанзе выискивание в шерсти друг у друга представляет собой наиболее миролюбивую, успокаивающую и дружественную форму физического контакта. Для детеныша шимпанзе очень важна близость к матери. В раннем детстве он практически не разлучается с ней. Став старше, детеныш проводит много времени в компании своих сверстников и в игре получает необходимый ему физический контакт. Но постепенно игра отступает на второй план и подрастающий детеныш ищет успокоения в процедуре взаимного обыскивания. Вначале он предается этому занятию в компании своих ближайших родственников матери, братьев и сестер, а потом и остальных членов группы. Иногда животные сидят по два часа кряду, перебирая шерсть друг у друга. Важность этой процедуры в жизни обезьян была отчетливо продемонстрирована в эпизоде с парализованным Мистером Мак-Грегором.

Животное, предлагающее другому заняться выискиванием у него в шерсти, обычно подходит к возможному партнеру, становится прямо перед ним либо лицом к нему, слегка наклонив голову, либо спиной и в этом случае подставляет зад, как в позе подчинения. Возможно, что сама поза подчинения, так же как и другие жесты, выражающие покорность, склоненная голова, припадающее к земле тело, развились из позы, первоначальный смысл которой сводился к предложению принять участие в совместном туалете. Может быть, в далеком прошлом низшие по рангу животные, подходя к более сильному собрату, искали мягкого успокаивающего прикосновения перебирающих шерсть пальцев? Если это верно, тогда и само ответное прикосновение должно быть так или иначе связано с обыскиванием. Действительно, мы иногда наблюдали, что в ответ на жесты и позы подчиненного существа старший по рангу удостоивает его несколькими быстрыми движениями, смысл которых сводится к обыскиванию. Возможно, что с течением времени ответная процедура обыскивания была ритуализована и превратилась в простое прикосновение или похлопывание.

При встрече шимпанзе приветствуют друг друга, удивительно напоминая людей. Они могут низко склониться перед сородичем, протянуть ему руку, обнять его, поцеловать или коснуться рукой любой части тела, но чаще всего головы, лица и наружных половых органов. Самец, здороваясь с самкой или детенышем, может ласково потрепать их по подбородку. Так и у различных народов мы встречаем ту или иную форму приветствия. По приветствию у шимпанзе почти всегда можно определить, в каких отношениях между собой находятся здоровающиеся особи. Робкая Олли, приветствуя Майку, вытянет руку или низко склонится перед ней, признавая тем самым его господствующее положение. Майк может удостоить боязливую самку ответным прикосновением, дотронувшись до ее руки или головы, а может поддержать ее руку в своей или погладить ее.

Совершенно иначе, как равные, встречаются близкие друзья, в особенности если они не виделись несколько дней. Голиаф, заметив Дэвида, обычно подбегал к нему и заключал его в объятия, а потом оба прижимались губами к лицу и шее друг друга. Встреча Голиафа с Мистером Уорзлом проходила более сдержанно, даже если они не виделись довольно долгое время. Оба самца едва заметно, как бы мимоходом, касались друг друга руками.

Это внешнее сходство между поведением шимпанзе и поведением людей проявляется не только в приветственных жестах. И те и другие в детстве любят шумные, веселые игры, с удовольствием щекочут друг друга. Во время агрессивных действий жесты и позы шимпанзе весьма похожи на те, к которым прибегают люди в аналогичных ситуациях. Рассерженный шимпанзе может взмахнуть рукой и, слегка откинув назад голову, броситься на противника с кулаками или палкой в руках. В схватке шимпанзе швыряет камни, дерется, кусается, царапается, вырывает клочья шерсти.

В самом деле, если мы рассмотрим весь набор коммуникативных сигналов, поз и жестов, которыми пользуются шимпанзе и люди, то мы обнаружим множество удивительных параллелей, которые свидетельствуют либо о конвергентном развитии этих признаков в обеих группах, либо о наличии в далеком прошлом общего предка, такого предка, который мог общаться с себе подобными посредством поцелуев, объятий, прикосновений и похлопываний.

Одно из основных различий между человеком и его ближайшим ныне живущим родственником состоит в том, что шимпанзе не умеет говорить. Самые настойчивые усилия научить шимпанзе языку людей неизбежно терпят крах. Словесная форма коммуникации, то есть речь, колоссальное достижение эволюционного развития человека.

Тем не менее шимпанзе пользуются большим разнообразием криков и призывов, при помощи которых, без сомнения, передают друг другу различную информацию. Увидев дерево со спелыми плодами, шимпанзе издает громкий лай, оповещая всех находящихся поблизости членов группы, что он нашел источник корма. Все тотчас спешат к месту кормежки. Когда животное подвергается нападению, оно вопит от страха или боли, и тогда мать или друг кидаются на выручку. В тревожной или опасной ситуации шимпанзе издает пронзительный, леденящий душу вопль враааа, и сородичи спешат к месту происшествия. Самец, намеревающийся спуститься в долину или приблизиться к источнику пищи, издает серию частых, ухающих звуков, тем самым оповещая собратьев о своем прибытии. Звуки эти в отличие от всех прочих в достаточной степени индивидуальны: еще не видя вновь прибывшего, шимпанзе безошибочно определяют, кто подает сигнал. Даже мы научились по ним различать отдельных животных. Очевидно, именно при помощи ухающих звуков шимпанзе поддерживают контакт между разобщенными членами группы. Шимпанзе, без сомнения, узнают своих сородичей и по другим звукам; так, например, мать прекрасно знает, как кричит ее отпрыск. Вероятно, шимпанзе различают голоса почти всех членов группы.

Несмотря на то что крики шимпанзе содержат весьма существенную для жизни животных информацию, их все же нельзя сравнивать с речью человека. С помощью слов человек выражает абстрактные идеи и понятия; составляет продуманные планы; переживает те события, непосредственным участником которых ему не довелось быть. И все-таки, когда разговор становится чересчур эмоциональным, люди поневоле возвращаются к древнему выразительному языку жестов они ободряюще похлопывают собеседника по плечу, восторженно обнимают его или крепко жмут руку. Если же в таких случаях мы и употребляем слова, то они, как правило, теряют свой первоначальный смысл и служат, подобно крикам шимпанзе, лишь для выражения сиюминутных эмоций. Я люблю тебя, я люблю тебя, снова и снова повторяет влюбленный, стараясь выразить переполняющее его чувство, тогда как объятия и поцелуи по существу уже все сказали предмету его пылкой страсти. Удивляясь, мы часто произносим малозначащие Ба!, Ну и ну!. Разгневавшись, начинаем выкрикивать бранные слова и бессвязные фразы. Подобные примеры использования речи на эмоциональном уровне так же далеки от литературного языка, интеллектуальной беседы и ораторского искусства, как и крики и вопли шимпанзе.

Недавние исследования показали, что человек может установить с шимпанзе довольно сложную систему общения. Два американских ученых, Аллен и Беатрис Гарднеры, обучили молодую самку шимпанзе пользоваться языком жестов, к которому прибегают глухонемые. Исследователи исходили из того, что, поскольку жесты и позы составляют наиболее существенную часть коммуникативной системы шимпанзе, обучить их языку жестов гораздо легче, чем языку слов[40].

Шимпанзе Уошоу с раннего детства была окружена людьми, которые в присутствии обезьяны общались между собой при помощи жестикуляции. Они позволяли себе произносить только те звуки, которые были близки к естественным звукам шимпанзе, такие, как смех, восклицания или имитации звуков самой Уошоу.

Этот необычный эксперимент оказался на редкость удачным. К пяти годам Уошоу научилась распознавать около 350 жестов-символов, многие из которых обозначали не одно слово, а группу слов. Около 150 из них она могла правильно употреблять. Организаторов эксперимента часто упрекали в том, что они разрешили обезьяне пользоваться неточным языком. Действительно, некоторые жесты преподавались обезьяне в слегка измененном виде, более близком по форме к привычным для нее жестам. Другие жесты она изменила сама, будучи совсем маленькой, и интересно, что в большинстве своем ее модификации в точности совпадали с теми, которыми пользуются глухонемые дети, осваивая язык жестов. Иными словами, это была детская речь, которая всегда отличается от речи взрослых. Со временем Уошоу исправила большую часть этих ошибок.

Я никогда не видела Уошоу, но мне удалось посмотреть фильм, рассказывающий об ее успехах, и, как ни странно, самое большое впечатление на меня произвела одна ее ошибка. В очередном эксперименте ей предложили назвать ряд предметов, которые по очереди доставали из мешка. Уошоу довольно быстро справилась с этой задачей и знаками верно определила предметы. Тут можно было бы и возразить мол, дрессированная собака тоже в конце концов усваивает зависимость между внешним видом предмета и правильным ответом: увидев чашку, она царапает лапой по полу один раз, туфли два раз и т.д. Но вот экспериментатор вынул из мешка щетку, и Уошоу жестами определила предмет как расческу. Это была типично детская ошибка: ребенок может назвать туфлю тапочкой, а тарелку блюдцем, но он никогда не перепутает туфлю с тарелкой.

Самым поразительным, на мой взгляд, был эксперимент с зеркалом. У смотрящей на свое отражение Уошоу спросили (на языке жестов, разумеется): Кто это? И обезьяна, которая к тому времени была уже достаточно хорошо знакома с зеркалом, спокойно просигналила в ответ: Я, Уошоу.

Это можно считать научным подтверждением факта, о существовании которого и раньше знали ученые: у шимпанзе пробуждается примитивное самосознание. Конечно, среди читателей найдется немало таких, которые не захотят в это поверить: представление о том, что человек единственный среди животных обладает самосознанием, относится к числу столь же глубоко укоренившихся, как и тезис человек единственное существо, способное производить орудия. И все же в самой этой мысли нет ничего крамольного. Чтобы во всей полноте охватить различия между шимпанзе и человеком, необходимо до конца понять степень сходства между ними. Лишь тогда мы сможем оценить биологическую и интеллектуальную уникальность человека.

Степень осознания собственного я у человека совершенно иная, чем у шимпанзе. Человек не ограничивается пониманием идентичности своего тела и отражения его в зеркале. Он пытается объяснить загадки бытия и мироздания, посвящает себя науке,

жертвует собой ради других людей или достижения великой цели, испытывает глубокие, сильные и бескорыстные чувства. Человек это творец и создатель, единственное существо на Земле, способное создать и оценить красоту. Да, шимпанзе узнает себя в зеркале! Но может ли обезьяна зарыдать, услышав хорал Баха?

Человек достиг неизмеримых высот в своем эволюционном развитии: он превзошел шимпанзе, отеснил его на второй план. Однако значение шимпанзе для понимания эволюции человека трудно переоценить. Человек затмил шимпанзе своим интеллектом, но в такой же мере можно сказать, что и шимпанзе затмевает остальных животных своим умением решать довольно трудные задачи, использовать орудия в разнообразных целях и даже изготавливать их, структурой своих сообществ, сложной коммуникативной системой и, наконец, пробуждающимся самосознанием. Кто знает, каким станет шимпанзе через сорок миллионов лет? Но для этого ему нужно выжить и сохраниться как биологическому виду. И не кто иной, как мы, люди, должны взять на себя ответственности за сохранение нашего ближайшего родственника.

19. Бесчеловечность человека

Наконечник стрелы вонзился Фло прямо в грудь. Старая самка покачнулась и ухватилась рукой за ветку, чтобы удержаться в равновесии. Малыш Флинт, громко крича, теснее прижался к матери, и алая кровь залила его лицо. Я стояла, не в силах пошевелиться, не в силах вскрикнуть. Фло медленно приложила руку к ране и недоуменно уставилась на кровь. Потом все так же медленно покачнулась и повалилась. Флинт, еще крепче вцепившийся в умирающую мать, вместе с ней с глухим стуком упал на землю. Зловещая тень приблизилась к телу Фло. Человеческая рука схватила кусающегося, орущего, царапающегося Флинта, с трудом оторвала его от матери, засунула в зияющее чернотой отверстие мешка и крепко завязала узел.

Я проснулась в холодном поту. Приснившаяся мне сцена была настолько страшной и вместе с тем настолько живой, что я потом долго не могла заснуть. Кошмарный сон но так ли уж он нереален? Подобные сцены происходят в самых разных частях Западной и Центральной Африки. Во многих областях мясо шимпанзе все еще считается наиболее изысканным деликатесом. Кроме того, спрос на детенышей шимпанзе продолжает расти: медико-биологические лаборатории Европы и США требуют все большего их числа для научных целей. Но чтобы поймать детеныша, есть лишь один способ убить его мать. Скольким раненым самкам с трудом удается уйти от преследования и спрятаться в густом кустарнике? Там они и умирают через несколько дней, а их осиротевшие детеныши по существу тоже обречены на смерть. Сколько детенышей умирает в первые же дни неволи от страха и отчаяния? Я подсчитала, что в среднем на каждого детеныша, который попадает живым в страны Запада, приходится шесть умерших.

Над шимпанзе нависла еще одна, не менее зловещая тень: расширяющееся земледелие сужает границы естественного ареала животных, угрожает самому их существованию. Африканские джунгли подвергаются расчистке, плодовые деревья уничтожаются ради выращивания строевого леса. Повсюду, где новые поселения человека близко подходят к местам обитания шимпанзе, возникает опасность распространения эпидемий, так как шимпанзе болеют всеми инфекционными болезнями человека.

К счастью, многие люди осознают угрозу, нависшую над шимпанзе. Прогрессивные правительства Уганды и Танзании взяли популяции шимпанзе под свою опеку, а недавняя Международная конференция по охране природы включила их в список тех видов, которые находятся в опасности и нуждаются в немедленной защите. Ведутся

исследования по разведению шимпанзе в неволе, с тем чтобы таким образом восполнить нехватку лабораторных животных и прекратить отлов диких шимпанзе. Конечно, шимпанзе это лишь один из многих видов, которым грозит полное исчезновение, но не следует забывать, что в данном случае речь идет о нашем ближайшем родственнике. Будет ужасно, если к тому времени, когда подрастут наши внуки, шимпанзе сохранятся лишь в лабораториях и зверинцах ведь в неволе это животное не имеет ничего общего с тем величественным и могущественным созданием, которое нам посчастливилось увидеть в глубине африканских джунглей.

Во многих зоопарках мира условия содержания шимпанзе значительно улучшились: их помещают в большие просторные вольеры, по возможности группами. Но немало еще и таких зоопарков, где животные по-прежнему содержатся как узники в тесных зарешеченных клетках. Я никогда не забуду моей встречи с двумя обитателями одного зверинца. Стояло жаркое лето, оба шимпанзе самец и самка, изнемогая от жары, сидели в очень маленькой клетке. Она состояла из двух помещений наружного и внутреннего, разделенных между собой стальной дверцей. Шимпанзе находились в наружном помещении, и дверца была наглухо закрыта. Солнце жгло немилосердно, бетон так раскалился, что до него было невозможно дотронуться. Животные в изнеможении лежали прямо на бетонном полу, так как спрятаться от палящих лучей было негде. Вместо ветки, на которой могли бы сидеть шимпанзе, высоко под потолком была прибитая маленькая деревянная полочка. На ней с трудом помещалась только одна обезьяна, и, как правило, там всегда восседал самец. Кормили животных дважды в день рано утром и поздно вечером. Воды оставляли очень мало, так что обычно она кончалась уже к десяти часам утра.

Глядя на этих несчастных, я спрашивала себя, помнят ли они еще мягкую траву и сочную зелень, шум ветра в кронах деревьев и то удовольствие, которое шимпанзе испытывают, когда мчатся по лесу или раскачиваются на ветках. Теперь их единственной отрадой была еда, хотя, конечно, трудно представить себе, как могли животные, которые привыкли кормиться в любое время дня, вынести такой большой перерыв между утренним и вечерним приемами пищи. Никогда больше им не придется попробовать сочных термитов, отведать только что убитой добычи или, удовлетворенно урча, наестся под пологом прохладной листвы спелых, налитых соком плодов. Еда и сон других занятий у них не было. Все остальное время животные обыскивали друг друга. В довершение всего эти двое несчастных не могли ни на минуту избавиться друг от друга: самец не мог присоединиться к другим самцам, а самка отдохнуть от навязанного ей общества.

Эти шимпанзе напоминали мне узников, которые долгие годы томятся в тюрьме и потеряли всякую надежду на освобождение. Даже в тех зоопарках, где условия содержания значительно лучше больше помещения и численность групп, поведение животных резко отличается от того, что мы видели в Гомбе-Стримере. Шимпанзе, который смотрит на вас сквозь решетку, не обладает величественным спокойствием, безмятежным взглядом и ярко выраженной индивидуальностью, столь характерными для его дикого собрата. В неволе у шимпанзе появляются странные стереотипы поведения: расхаживая по клетке, животное поднимает руку и начинает крутить ею, причем всегда одной и той же рукой в одну и ту же сторону, или мечется по ограниченному пространству клетки, а потом подбегает к решетке, хватается за железные прутья, выбирая для этого всегда одно и то же место, преимущественно дверь, и начинает дергать их, причем опять-таки одним и тем же способом и в одном и том же ритме. Вот и все, что осталось от угрожающей формы поведения, которую мы столько раз наблюдали у диких шимпанзе.

Большинство людей видели шимпанзе лишь в лабораториях и зоопарках. А это значит, что даже те, кто по роду своей работы близко соприкасается с обезьянами – служители зоопарков или научные сотрудники, по существу не знают, что на самом деле представляют собой эти животные. Может быть, именно по этой причине во многих научных лабораториях шимпанзе содержатся в очень плохих условиях: помещенные поодиночке в тесные бетонные клетки животные проводят целые дни в ожидании все новых, подчас чрезвычайно болезненных экспериментов.

Пусть читатель поймет меня правильно – я отнюдь не ратую за прекращение использования шимпанзе в качестве лабораторного животного. Недавние исследования в области физиологии и биохимии показали, что биологически по числу и форме хромосом, белкам крови, иммунным реакциям, ДНК, или генетическому материалу, и т.д. шимпанзе необычайно близок к человеку. В некоторых отношениях он столь же сходен с человеком, как и с гориллой. Именно поэтому шимпанзе является единственным подходящим животным, которое способно заменить человека, когда по тем или иным соображениям человек не может быть объектом исследования. Куру, страшное нервно-мышечное заболевание, распространенное на Новой Гвинее, долгое время оставалось загадкой для медицины и уносило бесчисленное количество жертв. Исследования на шимпанзе позволили установить вирусную природу заболевания и найти эффективное лечение. Благодаря анатомическому сходству между мозгом человека и шимпанзе ученые пытаются проникнуть в тайны психических расстройств. Шимпанзе, служащие экспериментальной моделью при изучении заболеваний, помогают науке бороться с тяжелейшими недугами человечества.

Итак, необходимость использования шимпанзе в качестве лабораторных животных не вызывает сомнения. Но в таком случае мы должны всерьез подумать над тем, как улучшить содержание обезьян в вивариях. Ведь если мы хотим использовать эту человекообразную обезьяну в той же роли, что и морскую свинку, мы должны хотя бы создать ей сносные условия существования. Решая с помощью шимпанзе такие сложные задачи, как пересадка органов, лечение наркомании, результаты длительного воздействия лекарств на организм или покорение космоса, необходимо помнить, что и эти животные нуждаются в нашей помощи: просторном, светлом помещении, вкусной привлекательной на вид пище, предметах и игрушках, которые занимали бы их внимание. Не менее важно для шимпанзе и общение с себе подобными, поэтому в одном просторном помещении следует содержать по возможности нескольких животных. Иногда мы с Гуго думаем, что единственный способ улучшить условия существования шимпанзе в лабораториях состоит в том, чтобы привезти всех людей, отвечающих за их содержание, к нам в Гомбе-Стрим и показать им, как живут обезьяны на свободе.

20. Вместо эпилога

Правильное понимание поведения шимпанзе, складывающееся в результате наших многолетних исследований в Гомбе, поможет человеку узнать больше о самом себе. Но это не единственная причина, почему мы из года в год продолжаем свои кропотливые исследования. Нами движет огромный интерес, бесконечная любовь к шимпанзе и, помимо всего прочего, простое человеческое любопытство. Как будет Фифи, которую мы знали совсем крошкой, обращаться со своими детенышами? Доживет ли Фло до того момента, когда ей придется стать бабушкой, и как она будет относиться к своим внукам? Изменится ли поведение Флинта после того, как Фло умрет? Станет ли Фиган самым высшим по рангу самцом? Как читатель, заинтересованный сюжетом романа, с нетерпением ждет развязки, так и мы не можем бросить на полпути начатое нами исследование.

К сожалению, сейчас мы проводим в заповеднике гораздо меньше времени, чем раньше. В последние годы Гуго занимался изучением африканских хищников, а я помогала ему, точно так же как все эти долгие годы он помогал мне. Новое исследование[41] значительно обогатило наш опыт, расширило кругозор, позволило по-иному взглянуть на ставшие привычными факты из жизни шимпанзе.

Наше пребывание в Гомбе теперь осложнялось и по другой причине из-за нашего сына, Гуго младшего, или Граба, как мы его прозвали. Я уже упоминала о случаях, когда шимпанзе охотились на маленьких детей. Чтобы избежать этой опасности, мы сажали Граба, когда он был совсем маленьким, в специальное сооружение, расположенное на территории лагеря. Это была хижина, накрытая сверху прочной металлической решеткой. Когда Рудольф, Хамфри или молодой Эверед со вздыбленной шерстью и плотно сжатыми губами подходили к ней и, заглядывая внутрь, начинали яростно трясти прутья, мы знали, что при случае обезьяны непременно схватили бы нашего сына. Но мы не винили их.

Выросшие в неволе шимпанзе быстро привыкают к человеческим детям и относятся к ним с той же терпимостью, что и к собственным детенышам. Шимпанзе Гомбе-Стрима, привыкшие к постоянному присутствию белокожей обезьяны и даже доверявшие ей, никак не связывали с ней появление белокожего детеныша. Для них это была лакомая добыча, а не мое дорогое дитя.

Когда сын немного подрос, мы построили ему более просторный домик-клетку на берегу озера, куда редко заглядывали шимпанзе. В большом, крытом травой домике было прохладно и спокойно. Если мы с Гуго находились рядом, Граб выходил из домика, бегал по мягкому песчаному пляжу, купался в сверкающей воде озера. Но когда мы вслед за шимпанзе отправляемся в горы, Граб вместе с присматривающими за ним двумя африканцами старается держаться поближе к спасительному домику. Тем не менее наш мальчик очень любит заповедник и постоянно твердит всем, что это лучшее место на земле. Мы с Гуго придерживаемся того же мнения и в ближайшем будущем рассчитываем всерьез обосноваться там.

Несмотря на то что я подолгу отсутствую, работа научно-исследовательского центра идет своим чередом. Практиканты непрерывно ведут наблюдения за шимпанзе. Все они с огромным энтузиазмом относятся к своему делу, поэтому их записи отличаются точностью и живостью. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Во время моих регулярных посещений заповедника мне всегда удается стать свидетелем какого-нибудь интересного события. Шимпанзе как будто бы знают о моем приезде и приберегают специально для меня всевозможные сюрпризы. Так заполняются пробелы, вписываются новые главы в нашу сагу о шимпанзе. Прежде чем закончить свой рассказ и проститься с читателем, я хочу рассказать несколько совсем свежих эпизодов из жизни наших хороших знакомых.

Вот, например, что стало с Олли и ее семейством. Примерно через год после того, как вспыхнула эпидемия полиомиелита, унесшая ее детеныша, старая Олли родила недоношенного мертвого младенца. Гилка вновь была лишена возможности помянуть брата или сестричку. Спустя шесть месяцев Олли исчезла, и нам в конце концов пришлось поверить в ее смерть. Семилетняя Гилка в одиночестве бродила по тем местам, где она совсем недавно путешествовала вместе с матерью.

Вскоре после смерти матери на носу у Гилки появилась странная опухоль. По-видимому, она была очень болезненной, так как Гилка всякий раз, когда кто-нибудь из детенышей подходил к ней поиграть, тотчас отстранялась и зажмуривала глаза. Со

временем опухоль, вероятно, перестала причинять боль, но рост ее не прекратился. Через год после того, как мы впервые заметили признаки опухоли, Гилку было трудно узнать: все лицо ее деформировалось, нос разросся и превратился в гигантский шишкообразный выступ. Гилка совсем не могла дышать носом, к тому же на обеих щеках и над бровью появились новые едва заметные опухоли.

Когда мы с Гуго после довольно долгого отсутствия приехали в Гомбе и увидели Гилку, нас охватил неподдельный ужас. Прежде одна из самых хорошеньких обезьянок с длинной шелковистой шерстью, бледным овальным личиком и острой белой бородкой,

Гилка превратилась в уродливого и безобразного гнома. Мы были уверены, что у нее рак и что она скоро умрет.

Тем не менее мы показали фотографию Гилки нашим друзьям-медикам и после горячих споров решили выяснить природу опухоли. С помощью известных ветеринарных врачей Сью и Тони Харторнов, профессора Дугласа Роя и доктора Брэдли Нельсона нам удалось, усыпив и обездвижив Гилку, взять кусочек опухоли на анализ. Исследования показали, что ее заболевание грибковой природы, и мы стали лечить Гилку антибиотиками. Несмотря на все неприятные процедуры, которые мы проделали с Гилкой, она не утратила доверия к людям и по-прежнему позволяет нашим практикантам следовать за ней по лесу.

Все мы горячо верим, что Гилка поправится. Во-первых, потому что любим ее, а во-вторых, потому что она и Эверед это одна из немногих оставшихся в живых родственных пар, за которой мы следим на протяжении очень долгого времени. Пока была жива мать, братец и сестрица не слишком заботились друг о друге. Но после ее смерти Эверед и Гилка подружились. Теперь они частенько бродят вдвоем по лесу, подолгу занимаются взаимным туалетом, тогда как остальные молодые самцы редко обыскивают Гилку.

Трудно предположить, как долго продлится эта дружба. Пепе и Мифф после смерти своей матери тоже сначала сблизилась, но потом их дружба пошла на убыль. К сожалению, Пепе умер приблизительно через год после Мерлина, и Мифф осталась единственной продолжательницей рода Марины. Примерно в одиннадцатилетнем возрасте Мифф родила дочь. Мы были поражены, как ловко новоиспеченная мамаша обращалась с младенцем. Все молодые самки, за поведением которых мы до этого наблюдали, по крайней мере в течение первых дней после рождения потомства испытывали чувство замешательства и растерянности. Мифф восприняла появление новорожденной как нечто само собой разумеющееся. Она уделяла дочурке примерно столько же внимания, сколько старая и опытная Фло своему последнему отпрыску, Флейм. Единственное объяснение столь спокойному отношению Мифф к своему первенцу можно было приписать опыту, который она приобрела, воспитывая осиротевшего брата.

Как уже упоминалось в предыдущих главах, мы всегда подозревали, что в основе тесной дружбы между взрослыми самцами лежат родственные отношения. Вот почему особый интерес для нас представляли взаимоотношения между двумя старшими сыновьями Фло Фабеном и Фиганом. В детстве оба брата часто играли вместе, хотя Фабен по праву старшего нередко вел себя грубо и агрессивно. К тринадцати годам, достигнув статуса взрослого самца, он почти совсем перестал общаться с младшим братом. Это заставило нас с Гуго усомниться в верности наших предположений.

Фабен был прекрасно сложен и обладал мощной мускулатурой. Перейдя в разряд взрослых самцов, он начал устраивать настолько впечатляющие демонстрации силы, что к исходу первого же года занял достойное место в доминантной иерархии сообщества.

Но в результате разразившейся в это время в заповеднике эпидемии полиомиелита Фабен стал калекой: его правая рука, от плеча до кончиков пальцев, была парализована. Фиган, занимавший прежде подчиненное положение по отношению к своему старшему брату, со свойственными ему наблюдательностью и хитроумием немедленно заметил перемену в его поведении и решил воспользоваться ситуацией, чтобы упрочить свое положение. В первые дни после появления Фабена с поврежденной рукой Фиган как будто не замечал старшего брата, но потом начал намеренно запугивать его.

Как-то раз я наблюдала такую сцену. Фабен сидел на ветке и обыскивал себя. Увидев его, Фиган медленно подошел к дереву, вскарабкался наверх и начал раскачивать ветки, запугивая брата. Поначалу Фабен совсем не обращал внимания на угрозы младшего брата, но когда Фиган принялся изо всех сил трясти дерево, Фабен в страхе закричал: он еще не научился управляться одной рукой и, потеряв равновесие, полетел вниз. Подобная сцена повторилась еще дважды в ближайшие дни, и Фабен сделал наконец необходимые выводы: его отношение к младшему брату резко изменилось. При встрече Фабен теперь первым приветствовал Фигана и подбегал к нему, повизгивая и низко склонившись в знак покорности. Фиган же удостоивал его ответным прикосновением и гладил по голове.

Но Фигану ненадолго удалось сохранить свою власть над братом. Фабен с самого начала настойчиво приспосабливался к новому состоянию. Через некоторое время он научился передвигаться, выпрямившись во весь рост, как человек. Постепенно Фабен настолько овладел новым способом передвижения, что мог без труда поспевать за взрослыми самцами и сопровождать их на довольно большие расстояния. Больная рука теперь не мешала ему и не волочилась плетью по траве. Фабен мог даже раскачиваться и перепрыгивать с ветки на ветку, хотя, конечно, не так ловко, как раньше. Понемногу Фабен стал снова демонстрировать свою силу. Фиган быстро заметил улучшение физического состояния брата и старался держаться подальше от него. Спустя некоторое время трудно было поверить, глядя на братьев, что еще совсем недавно Фиган брал верх над Фабеном.

Но вот и сам Фиган достиг статуса взрослого самца, и мы стали замечать растущую привязанность между двумя братьями. Теперь они часто бродили вместе и проводили в обществе друг друга долгие часы, занимаясь взаимным обыскиванием. Наши прежние догадки находили новое подтверждение может быть, именно так начиналась дружба между Дэвидом Седобородым и Голиафом, Майком и Джей-Би, Мистером Мак-Грегором и Хамфри, та дружба, которая заставляла самцов спешить на помощь друг другу в трудные минуты. Будущее покажет, правы ли мы в своих предположениях, а пока нам остается только наблюдать и ждать.

Примерно в это же время значительно ухудшились отношения между Фиганом и Эвередом, который был, как мы помним, на год старше Фигана: молодые самцы часто устраивали шумные демонстрации, чтобы запугать друг друга. До настоящих драк дело, однако, почти никогда не доходило. Мне припоминается лишь одно столкновение подобного рода. Как-то раз Эверед появился в лагере и, заметив Фигана и Фабена, тотчас распушил шерсть и двинулся к ним. Фиган торопливо подбежал к брату, обнял его и лишь тогда повернулся в сторону Эвереда. Потом оба брата, издавая громкие лающие звуки ваа, быстро прогнали агрессора с лагерьной лужайки. Эверед, визжа, бросился в лес и укрылся на высоком дереве. Братья вернулись в лагерь и принялись расхаживать по поляне, по

очереди демонстрируя свою силу: они размахивали ветками, таскали их за собой, стучали по земле ногами, сопровождая все действия ухающими звуками. Лишь один раз с той стороны, где укрылся Эверед, послышалась серия сдавленных уханий.

Прошло около получаса Эверед осторожно слез с дерева и приблизился к лужайке. Однако ему пришлось немедленно ретироваться, так как сначала Фабен, а потом и Фиган тотчас бросились за ним. На этот раз они тоже взобрались на дерево и уселись метрах в пяти от своей жертвы, тяжело дыша и распушив шерсть. Никто не издавал ни звука, но губы Эвереда были оттянуты назад, обнажая зубы в испуганном оскале.

Наконец братья стали медленно приближаться к Эвереду. Тот, негромко похрюкивая, отодвинулся на несколько метров и уселся на самом конце ветки, напряженно следя за малейшим движением своих преследователей. Все трое замерли, как бы готовясь к решающей битве.

Потом с громким лаем ваа братья кинулись на Эвереда, но тот, визжа и крича, успел перепрыгнуть на соседнее дерево. Фабен и Фиган вслед за ним. Погоня продолжалась недолго, вскоре Фигану удалось схватить Эвереда. Оба самца вцепились друг в друга, но тут на помощь брату подоспел Фабен и тоже вступил в драку.

Надо было видеть, как трое молодых самцов в сцепившемся визжащем клубке все-таки ухитрились перепрыгивать с ветки на ветку. Тем временем на дерево взобрался Флинт и принялся издавать по-детски писклявые лающие ваа, на всякий случай держась подальше от дерущихся самцов. Старушка Фло тоже подбежала к дереву, начала барабанить по лианам и раскачивать их, угрожающе лая хриплым старческим голосом.

Вдруг Фиган и Эверед, не разжимая цепких объятий, упали вниз и, пролетев метров десять, врезались в густой кустарник. Фабен тотчас прыгнул вслед за ними. Эверед, громко вопя, помчался в лес. Все семейство пустилось вдогонку. Потом, отказавшись от преследования, Фабен и Фиган начали по очереди устрашать соперника, колотя ногами и пронзительно ухая. Из лесу доносились вопли и стоны Эвереда.

Фигану здорово досталось во время схватки: он поранил руку, содрал кожу на пальцах, потерял много шерсти. У Эвереда от угла рта через всю щеку шла рваная рана, которая, как мы думали, навсегда изуродует лицо этого шимпанзе. Но вскоре от шрама не осталось и следа.

Шло время, и мы стали замечать некоторые изменения в общественном статусе отдельных самцов. Хамфри, предполагаемый младший брат старого Мак-Грегора, вскоре после его смерти превратился в очень крупного самца. Его агрессивность возросла прямо пропорционально размерам. К 1968 году все самки и подрастающие самцы испытывали благоговейный страх перед ним. Присоединяющиеся к группе обезьяны подбегали сначала к Хамфри, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, а уж потом приветствовали Майку. В следующем году Хамфри занимал в стадной иерархии более высокое по рангу положение, чем Рудольф, Лики и Голиаф, но, как и прежде, подчинялся Майку.

Фиган больше других боялся Хамфри и в то же время с удивительным равнодушием относился к Майку. Стоило Майку начать демонстрацию силы, как все тотчас разбежались в разные стороны все, кроме Фигана. Он совершенно невозмутимо продолжал сидеть на своем месте, повернувшись к Майку спиной и не обращая на него ни малейшего внимания. Вожака, по-видимому, беспокоило поведение молодого самца все чаще и чаще

в присутствии Фигана Майк устраивал демонстрацию своей мощи с явной целью запугать выскочку, но, как правило, все попытки заканчивались неудачей. Как-то раз Майк начал раскачивать ветку, на которой спиной к нему сидел Фиган, тот даже не шелохнулся и не повернул головы в сторону агрессора. Интересно, что Майк ни разу за все время не осмелился по-настоящему атаковать Фигана.

Однажды внимание Фигана привлекла молодая самка, за которой ухаживал Майк, и он позволил себе приблизиться к ней. Вожак немедленно отреагировал угрозой младшему по рангу принялся раскачивать ветки дерева. В ответ Фиган с такой силой стал трясти дерево, что оба самца, не удержавшись, полетели вниз. Очутившись на земле, Майк оскалив от испуга зубы, подбежал к Хамфри и обнял его, ища успокоения в физическом контакте с другим самцом.

Но очень скоро поведение Фигана изменилось: теперь и он в соответствии со своим рангом спешит убраться с дороги во время угроз Майка, первым приветствует его, выражая покорность и подчинение. Трудно сказать, что произошло между ними; очевидно, от наших глаз ускользнул какой-то инцидент, коренным образом повлиявший на поведение Фигана. Не успел Майк поставить на место одного зарвавшегося юнца, как тотчас его лидерство стал оспаривать другой молодой самец. Теперь Эверед точно так же, как прежде Фиган, полностью игнорирует угрозы и выпады Майка. Майк пока еще сохраняет статус высшего по рангу, но заметно нервничает, чувствуя постоянную угрозу со стороны молодых самцов. Он успокаивается только в присутствии одного из своих прежних подданных, например Рудольфа или Лики. Вообще в группе сложилась довольно странная ситуация: даже если Фиган или Эверед и заставят Майка уступить высшую ступень иерархической лестницы, то победителю едва ли удастся взобраться на нее самому, так как и тот и другой испытывают страх и почтение перед Хамфри. Вполне возможно, что в таком случае в группе вообще не будет вожака, то есть самца, который во всех ситуациях брал бы верх над остальными. Так или иначе в ближайшем будущем мы окажемся свидетелями весьма любопытных событий.

Мы с Гуго считаем, что со временем, может быть после Хамфри, Фиган непременно займет высшую ступень иерархической лестницы. Во-первых, Фиган гораздо умнее Эвереда, а во-вторых, он пользуется поддержкой своего многочисленного семейства. Близость Фабена всегда будет внушать ему то чувство уверенности, которое характеризовало отношения между Дэвидом Седобородым и Голиафом.

Сам Голиаф представляет собой теперь весьма жалкую фигуру. Первые четыре года после того, как лидерство перешло к Майку, Голиаф все еще занимал довольно высокое положение в стадной иерархии. Потом он заболел, что в значительной степени подорвало его общественный вес в группе. Однако рядом все еще был Дэвид Седобородый, который в случае необходимости всегда приходил ему на помощь. Но вот Голиаф лишился и этой поддержки во время эпидемии гриппа Дэвид тяжело заболел и умер. После потери друга Голиаф стал одним из самых подчиненных самцов теперь он уступал не только взрослым самцам, но и большинству подростков. Он проводил целые дни в одиночестве, лишь изредка присоединяясь к Рудольфу или Лики.

Скоро Голиафа не станет. Да и старая Фло доживает последние дни. Мы так привыкли к нашим друзьям, так много знаем о них, что воспринимаем смерть каждого из них как тяжелую утрату. Особенно горьким было ощущение потери, когда умер Дэвид Седобородый. Я многим обязана этому шимпанзе. Начало исследовательской работы и мои первые успехи были неразрывно связаны с Дэвидом. Он первым признал меня и первым разрешил близко подойти к нему, первым пришел в наш лагерь и первым взял

банан из моих рук. Благодаря Дэвиду я впервые узнала, что шимпанзе едят мясо и употребляют орудия. Эти открытия повлекли за собой дальнейшее финансирование исследований в Гомбе, так что и основанием постоянного научного центра мы в какой-то степени были обязаны Дэвиду. Наконец, именно Дэвид впервые позволил странной белокожей обезьяне коснуться его.

Я уже писала о той ошибке, которую совершили мы с Гуго, позволив Флинту дотрагиваться до нас и поощряя попытки Фифи и Фигана играть с нами. Мы ставили под сомнение не только достоверность дальнейших исследований, но и подвергали опасности тех людей, которые продолжают наши исследования в Гомбе-Стримере. Прошло уже несколько лет, а Флинт и Фиган все еще иногда затевают игру с нашими сотрудниками.

А вот о моих контактах с Дэвидом Седобородым я ни разу не пожалела. Этот контакт с диким существом, выросшим на свободе и никогда не знавшим плена, казался мне вершиной взаимоотношений между человеком и шимпанзе. В те далекие дни я часами бродила по лесу вслед за Дэвидом, смотрела, как он ест или отдыхает. Иногда, пробираясь сквозь лианы, я отставала от него. И тогда я в этом почти уверена Дэвид ждал, пока я выберусь из зарослей кустарника, как ждал бы он Голиафа и Уильяма: останавливался и садился, поглядывая в моем направлении; стоило мне появиться, как он тотчас вставал и шел дальше.

Однажды я сидела возле Дэвида на берегу маленького ручейка с прозрачной, кристально чистой водой. Заметив валявшийся на земле спелый ярко-красный орех, я подняла его и протянула Дэвиду. Он сначала отвернулся, но когда я пододвинула ладонь с лежащим на ней орехом поближе, взглянул на него, потом на меня, взял орех и одновременно мягко, но решительно сжал мою руку. Я боялась шевельнуться. Потом Дэвид выпустил руку, посмотрел на орех и уронил его на землю.

Не нужно было быть ученым, чтобы понять в тот момент значение этого жеста. Доверие к человеку вот что выражало прикосновение его пальцев. Многовековой барьер, разделивший две родственные, но по-разному эволюционировавшие формы, был на несколько секунд сломлен.

Это была награда, о которой я не могла и мечтать.

Приложение I. Стадии развития

Шимпанзе претерпевают в своем развитии несколько стадий. У них, как и у людей, одни индивидуумы могут развиваться быстрее других. Поведение матери, без сомнения, самым существенным образом сказывается на физическом развитии детеныша и его взаимоотношениях с другими членами группы. Так, мать может поощрять попытки детеныша делать самостоятельные шаги или запрещать их; она может терпимо относиться к его контактам с другими членами группы или препятствовать им.

Приведенные ниже цифры характеризуют самый ранний возраст, в котором мы наблюдали появление того или иного признака.

Например, 2 месяца обозначают второй месяц жизни, то есть возрастной интервал между четвертой и восьмой неделями жизни шимпанзе. Соответственно под тремя годами подразумевается период жизни между 24-м и 36-м месяцами.

Признак / возраст

Сосет палец 2 месяц.

Мать щекочет детеныша (от случая к случаю и непродолжительно) 2 мес.

Обращает внимание на окружающие предметы, тянется к ним 2 мес.

Пытается оттолкнуться от матери 2 мес.

Встает на задние конечности, держась за мать - 2 мес.

Перемещается с места на место по телу матери - 3 мес.

Тянется к окружающим предметам и хватает их, обнаруживая координацию движений 3 мес.

Первый зуб 3 мес.

Мать часто и подолгу играет с детенышем 3 мес.

Детеныш делает игровое лицо и смеется во время щекотки 3 мес.

Начинает разжевывать и глотать твердую пищу 4 мес.

Тянется к руке матери и играет с ней 5 мес.

Начинает ездить на спине матери 5 мес.

Делает первый шаг 5 мес.

Ослабляется контакт между матерью и детенышем 5 мес.

Начинает взбираться на молодые деревца или ветки 5 мес.

Похищение (родные братья и сестры могут похищать детеныша уже начиная с 4-го месяца жизни) 5 мес.

Целует другого шимпанзе 5 мес.

Пытается обыскивать другого, но недостаточно эффективно 7 мес.

Пытается соорудить гнездо 8 мес.

Начинает ощущать некоторый отпор со стороны другого шимпанзе 8 мес.

Проявляет интерес к самкам с набухшей половой кожей 9 мес.

Нападает на другого детеныша 10 мес.

Успокаивает другого в соответствующей ситуации 16 мес.

Овладевает техникой обыскивания 18 мес.

Демонстрирование угрозы и танец дождя в соответствующей ситуации в начале 3 года.

Яростно нападает на другого подростка в начале 3 года.

Пытается употребить орудия в нужной ситуации в начале 3 года.

Отнятие от груди к концу 5 года.

Начинают выпадать молочные зубы 6 год.

Начинает покидать на короткое время мать 6 год.

Достигает половой зрелости 89 год.

Рождение первого детеныша 1112 год.

Самец занимает соответствующее место в общественной иерархии группы 15 лет (около)

Приложение II. Мимика и звуки[42]

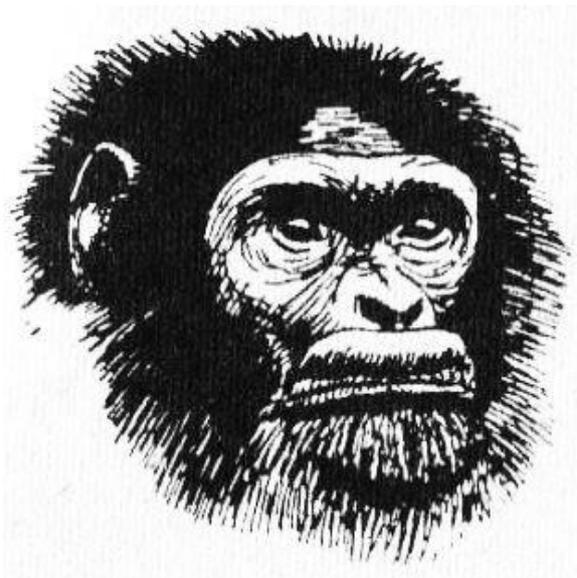

Рис.1. Сжатые губы.

Сжатые губы характерны для животного, которое находится в агрессивном состоянии, например во время демонстрирования угрозы или нападения на других животных. Не сопровождается звуками.

Рис.2. Игровое лицо

Игровое лицо характеризует мимику шимпанзе во время игр. Когда игра становится очень оживленной, верхняя губа оттягивается назад и вверх, так что верхние передние зубы тоже обнажаются. Игровое лицо часто сопровождается серией хрюкающих звуков либо смехом.

Рис.3, а. Уханье: звук хуу.

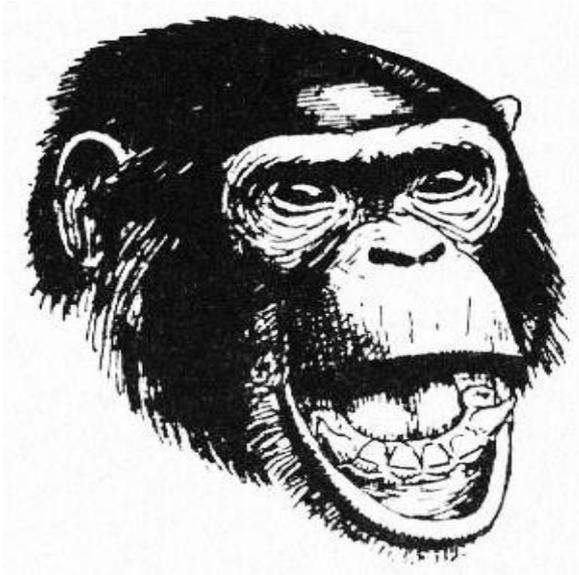

Рис.3, б. Уханье: звук ваа.

Мимика, изображенная на следующих двух рисунках, характерна для шимпанзе, когда они издают *учащенные уханья*. Уханье представляет собой серию звуков хуу, сопровождающихся отчетливо выраженным учащенным дыханием (рис.3, а). Постепенно звуки хуу становятся громче и обычно переходят в звуки ваа, произносимые также на фоне учащенного дыхания (рис.3, б). Ухающие звуки издаются животным в самых различных ситуациях: когда шимпанзе находит корм, присоединяется к другой группе или переходит из одной долины в другую. С помощью этих звуков осуществляется контакт между разбросанными по лесу группами или индивидуумами. На этот звук, издаваемый шимпанзе во время кормежки на дереве, незамедлительно отвечают члены другой группы, находящейся на некотором расстоянии от первой. Если группы шимпанзе расположились на ночлег неподалеку друг от друга, они иногда обмениваются уханьями ночью, особенно в полнолуние.

Рис.4, а. Полный открытый оскал.

Оскаливание зубов. *Полный открытый оскал* (рис.4, а) (обнажены верхние и нижние зубы, челюсти раздвинуты) обычно характерен для испуганного или очень возбужденного

шимпанзе: во время схватки или сразу после нее; когда самец высокого ранга демонстрирует свою силу перед подчиненными собратьями; когда группа шимпанзе неожиданно обнаруживает большую гроздь бананов и т.д. Если испуг или волнение животного невелики, верхняя губа может прикрывать верхний ряд зубов. Это нижний открытый оскал. Обе эти гримасы могут быстро чередоваться и почти всегда сопровождаются громкими криками.

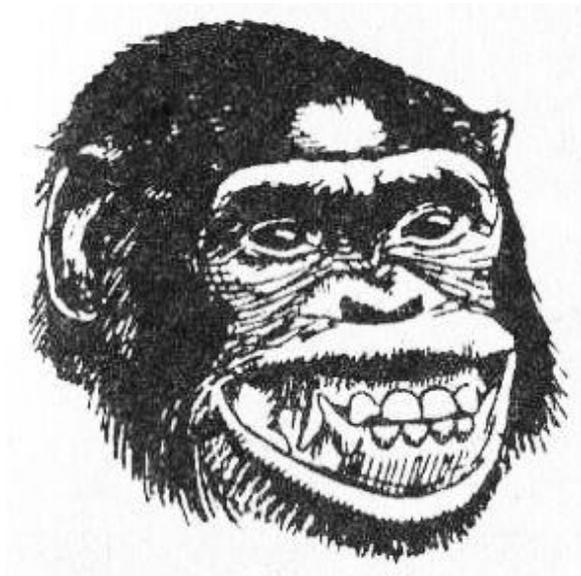

Рис.4, б. Полный закрытый оскал.

Полный закрытый оскал (4, б) (верхние и нижние передние зубы обнажены, но челюсти сомкнуты) типичен для менее возбужденного и испуганного животного. Полный закрытый оскал может чередоваться с нижним закрытым оскалом, при котором обнажены только нижние передние зубы. Закрытые оскалы обычно сопровождаются высокими попискиваниями, которые легко переходят в пронзительный вопль или хныканье. Правда, в некоторых ситуациях животное, занимающее подчиненное положение в стадной иерархии, может молча приблизиться к высшему по рангу собрату, обнажив зубы в закрытом оскале. Если нервозная улыбка человека имеет какой-то эквивалент среди выражений лица у шимпанзе, то это, без сомнения, закрытый оскал.

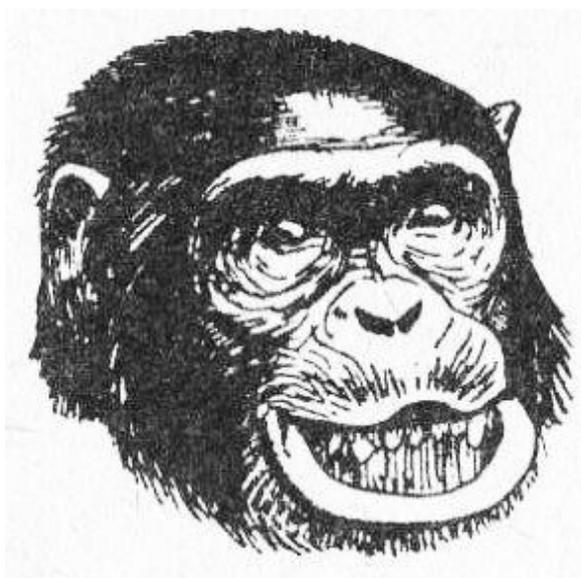

Рис.5. Горизонтальное оттягивание губ.

Оттягивание губ. Постепенно крики и попискивания переходят в *хныканье* быстро повторяющийся звук уу, смодулированный по всем ступеням гаммы. Эти звуки сопровождаются *горизонтальным оттягиванием губ*. Подвергшийся нападению подросток очень скоро перестает кричать и попискивать и начинает хныкать. Но хныканье совсем не обязательно следует за криком и попискиванием. С помощью негромкого, похожего на стон односложного звука хуу мать и детеныш поддерживают контакт. Именно этот звук издает шимпанзе в случае огорчения, или когда выпрашивает пищу от старшего по рангу, или просит сородича заняться выскиванием у него в шерсти. Этот негромкий звук хуу сопровождается следующей гримасой губы сведены вместе и вытянуты вперед, образуя раструб. Если источник огорчения не устранен, похожий на стон звук становится громким и переходит в нормальное хныканье. Губы все больше раздвигаются, лицо выглядит при этом, как на рис.3,а.

Другие выражения и звуки. Звуки, напоминающие хрюканье, шимпанзе издает в самых различных ситуациях. Эти звуки могут быть высокими и низкими. Выражение лица при этом мало меняется, хотя губы и челюсти могут быть слегка раздвинуты. Подобными звуками сопровождается кормление (пищевое хрюканье), обыскивание, тесный контакт между индивидуумами в миролюбиво настроенной группе.

Быстрое и отрывистое хрюканье, сопровождающееся хорошо слышным учащенным дыханием, известно как *учащенное хрюканье*. Шимпанзе, занимающий подчиненное положение в стадной иерархии, приближаясь к высшему по рангу собрату во время приветствия либо после угрозы или нападения, нередко издает серию учащенных хрюканий. Челюсти его при этом слегка раздвинуты, а зубы скрыты за губами. Если высший по рангу ведет себя агрессивно, хрюканье быстро переходит в попискивание и крики, шимпанзе обнажает зубы в оскале.

Громкий лай наблюдается обычно в тех случаях, когда группа чем-то взволнована; одни животные при этом могут ухать, другие лаять. Очень звонким *пищевым лаем* сопровождается обнаружение излюбленной пищи и первые несколько минут интенсивной кормежки. Челюсти слегка раздвинуты, нижние передние зубы при этом обнажены.

Если шимпанзе слегка угрожает своему сородичу (а также другому животному или человеку), он издает глухой лающий звук, напоминающий как бы короткое откашливание. Челюсти слегка раздвинуты, зубы скрыты губами.

При более энергичных угрозах шимпанзе издает громкий лай ваа. Выражение такое же, как на рис.3, б.

Вопль шимпанзе враааа один из самых диких звуков африканских джунглей. Этот протяжный, звонкий, довольно высокий крик издается в том случае, если шимпанзе сталкиваются в лесу с чем-то неожиданным и тревожным. Именно так шимпанзе реагировали на мое приближение в первые дни моего пребывания в заповеднике, прежде чем им удалось преодолеть изначальный страх перед человеком. Этот вопль может вызвать встреча со стадом буйволов или вид мертвого шимпанзе. Выражение лица при этом напоминает то, которое изображено на рис.3, б. В подобных ситуациях некоторые шимпанзе издают протяжные, оглушительные крики.

Учащенное дыхание, напоминающее смех, но без похрюкивания, слышно, когда шимпанзе сосредоточенно обыскивают друг друга.

Приложение III. Использование предметов в качестве орудий и оружия

Шимпанзе используют окружающие предметы в качестве орудий гораздо шире, чем любые из ныне существующих животных, что хорошо видно на рис.69.

В добавление к приведенным выше примерам следует упомянуть о случаях использования толстых палок в качестве рычагов для расширения входного отверстия в гнездо земляных пчел, а также при попытке открыть ящики с бананами на территории станции подкормки. Одна обезьяна использовала прутик в качестве зубочистки, а другая ковыряла в носу соломинкой.

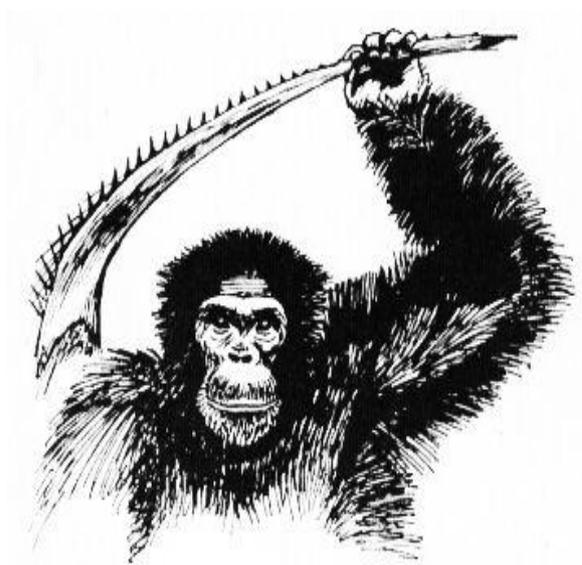

Рис.6. Использование палки в качестве оружия.

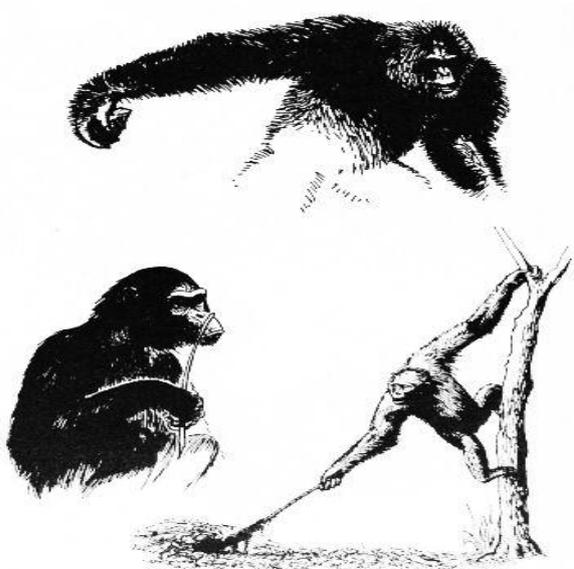

Рис.7. Вверху шимпанзе бросает камень в цель. Внизу слева шимпанзе обнюхивает кончик палки, которую он только что вытащил из отверстия в гнилой древесине. Обнаружив личинку насекомого, животное тотчас разламывает кусок дерева и съедает ее. Внизу справа для ловли муравьев сафари шимпанзе пользуются палкой: укусы этих муравьев очень болезненны и шимпанзе стараются избежать их, засовывая палку в муравейник.

Рис.8. Использование стеблей трав или тонких веточек для выуживания термитов. Если травинка оказывается слишком широкой, шимпанзе с двух сторон сужают ее, обламывая по краям. Ветка пропускается через сжатую в кулак ладонь и таким образом очищается от листьев.

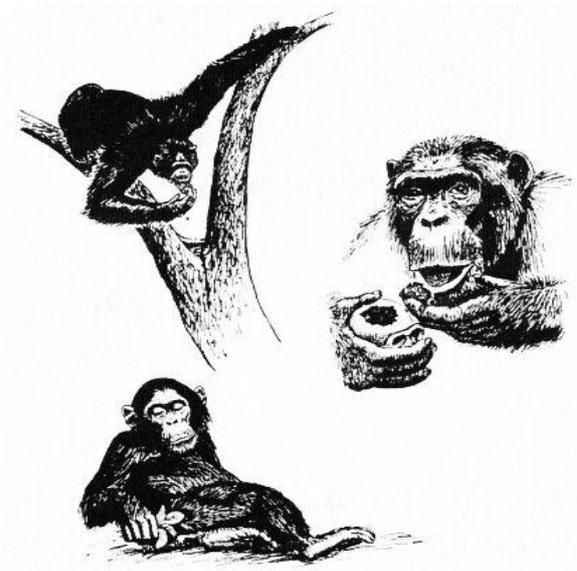

Рис.9. Еще один пример примитивного изготовления орудий. Чтобы увеличить поглощающую способность листьев, шимпанзе предварительно пережевывают их. Этой своеобразной губкой они извлекают воду, до которой не могут дотянуться ртом (вверху слева), или вычищают остатки мозга из черепа павиана (вверху справа). Листьями шимпанзе вытирают грязь, липкую пищу и т.д.; их же они прикладывают к кровоточащей ране.

Приложение IV. Пища

Подобно человеку, шимпанзе всеядны, они питаются растениями, насекомыми и мясной пищей.

Растительная пища

Более 90 различных видов деревьев и растений, используемых шимпанзе Гомбе-Стрима в качестве пищи, уже удалось определить. Обезьяны, по нашим наблюдениям, поедают свыше 50 различных видов *плодов* и свыше 30 различных видов *листьев* и листовых *почек*. Они кормятся также *цветками*, *семенами*, *корой* и *сердцевиной деревьев*. Иногда они слизывают *смолу* со ствола дерева или пережевывают *волокна* сухостоя.

Насекомые

На протяжении всего года шимпанзе в больших количествах поедают следующих насекомых: *муравьев* (три вида) *Oecophylla spp.*, *Anomma spp.*, *Crematogaster spp.*; *термитов* (два вида) *Macrotermes spp.*, *Pseudocanthotermes spp.*; *гусениц* мотылька какого-то одного, еще не определенного нами вида.

Шимпанзе едят также разнообразных *личинок* насекомых пчел, ос, орехотворок и т.д. Опустошая гнезда пчел, обезьяны собирают их личинки и лакомятся медом.

Яйца птиц и неоперившиеся птенцы

При случае шимпанзе опустошают гнезда различных птиц и поедают яйца и птенцов.

Мясная пища

Шимпанзе Гомбе-Стрима весьма эффективно охотятся. Группа из сорока особей может в течение года поймать до 20 различных животных. Чаще всего жертвами шимпанзе становятся молодые бушбоки (*Tragelaphus scriptus*), поросята кистеухой свиньи (*Potamochoerus portus*), детеныши павианов анубисов (*Papio anubis*), молодые или взрослые черно-красные гверцы (*Colobus badius*). При случае шимпанзе может поймать краснохвостую (*Cercopithecus ascanius*) или голубую мартышку (*Cercopithecus mitis*).

Минеральная пища

Иногда шимпанзе едят небольшое количество почвы, содержащей соль (хлористый натрий).

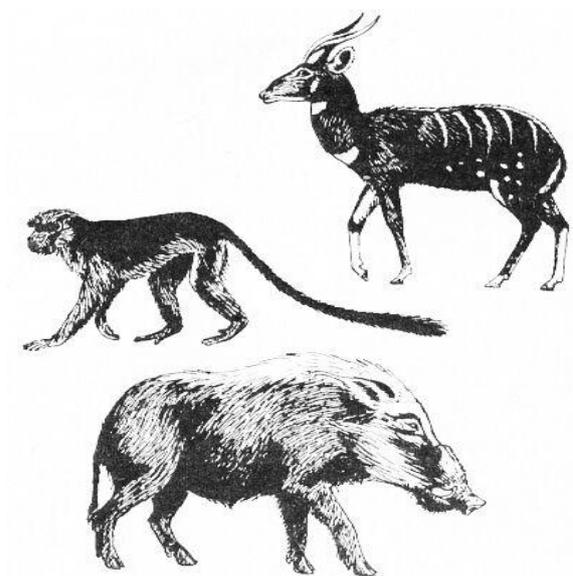

Рис.10. Вверху бушбок; в середине черно-красная гверца; внизу кистеухая свинья.

Рис.11. Самец шимпанзе ударяет детеныша павиана о землю.

Литература

Altmann S. A., ed. *Social Communication among Primates*, Chicago, University of Chicago Press, 1967.

Beatty H., A Note on the Behavior of the Chimpanzee, *Jour. Mammalogy*; 32, (1951).

DeVore I., ed. *Primate Behavior*, New York. Holt, Rinehart and Winston, 1965.

Eibl-Eibesfeldt I., *Ethology: The Biology of Behavior*, New York, Holt, Rinehart and Winston, 1970.

Gardner R. A. and Gardner B., Teaching Sign Language to a Chimpanzee. *Science* 165, (1969).

Hayes C., *The Ape in Our House*, New York. Harper and Row, 1951.

Hinde R. A., *Animal Behaviour*, New York. McGraw-Hill, 1966.

Jay Ph., ed. *Primates: Studies in Adaptation and Variability*, New York, Holt, Rinehart and Winston, 1968.

Kummer H., *Primate Societies*. Chicago, Aldine Publishing Company, 1971.

Lawick-Goodall J. van, *My Friends the Wild Chimpanzees*, Washington, National Geographic Society, 1967.

Lawick-Goodall J. van, *The Behaviour of Free-living Chimpanzees in the Gombe Stream Area, Animal Behaviour Monographs*, I, part 3, (1968).

Marler P. R. and Hamilton III W. J., *Mechanisms of Animal Behavior*, New York Wiley, 1966.

Merfield F. G. and Miller H., Gorillas were my Neighbours, London, Longmans 1956.

Morris D., ed.. Primate Ethology, Chicago, Aldine Publishing Company, 1967.

Nissen H. W., A Field Study of the Chimpanzee, Comparative Psychology Monographs, 8 (1931).

Reynolds V., Budongo: An African Forest and its Chimpanzees, Garden City, N. Y. Natural History Press, 1965.

Yerkes R. M., Chimpanzees: A Laboratory Colony, New Haven, Yale University Press. 1943.

Дополнительная литература

Дембовский Я., Психология обезьян, М., ИЛ, 1963.

Кёлер В., Исследование интеллекта человекоподобных обезьян, М изд-во Ком. Академии, 1930.

Ладыгина-Котс Н. Н., Дитя человека и дитя шимпанзе, М., 1935.

Ладыгина-Котс Н. Н., Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян, М., изд-во АН СССР. 1959.

Лоренц К., Кольцо царя Соломона, М., Знание, 1970.

Нестурх М. Ф., Приматология и антропогенез (обезьяны, полуобезьяны и происхождение человека), М., Медгиз, 1960.

Нестурх М. Ф., Происхождение человека, М., Наука, 1970.

Павлов И. П., Павловские среды, М изд-во АН СССР, 13, 1949.

Тинберген Н., Поведение животных, М., Мир, 1969.

Фирсов Л. А., Память у антропоидов (физиологический анализ), Л., Наука, 1972.

Фишель В., Думают ли животные? М., Мир, 1973.

Харриссон Б., Орангутан, М., Знание. 1968.

Шовен Р., Поведение животных, М., Мир, 1972.

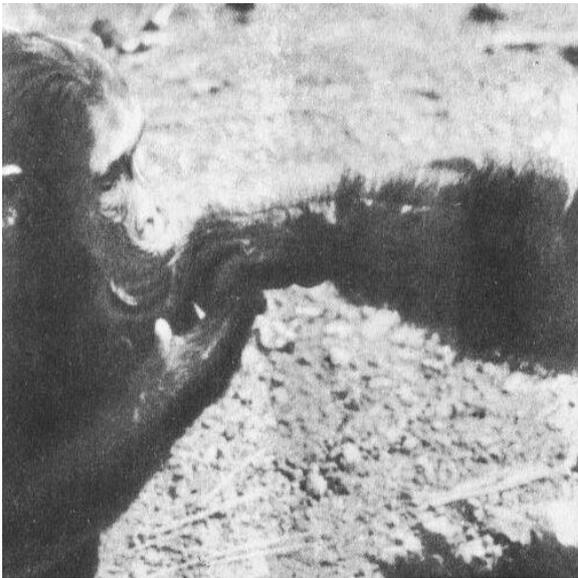
Шаллер Дж., Год под знаком гориллы, М., Мысль, 1968.

Фотографии

Я иду за шимпанзе

Шимпанзе отдыхают на дереве.

Мелисса целует руку Джей-Би, протянутую к ней в успокаивающем жесте.

Детеныши шимпанзе очень подвижны.

Шимпанзе спит в сооруженном им гнезде.

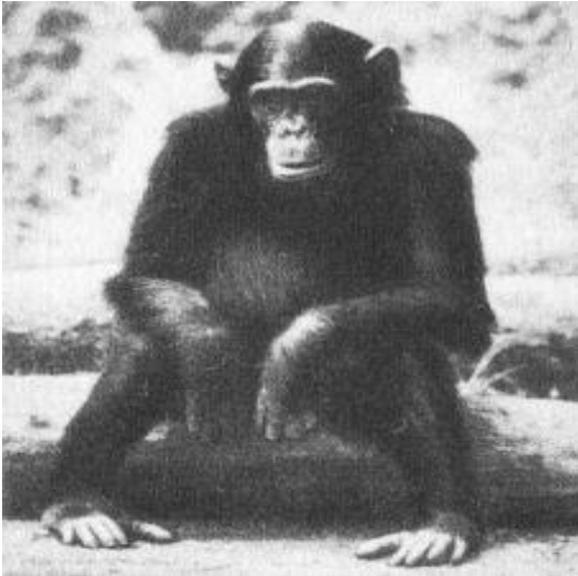
Фло и Флинт в гнезде во время дневного отдыха. Гнезда сооружаются обычно на высоте десяти и более метров.

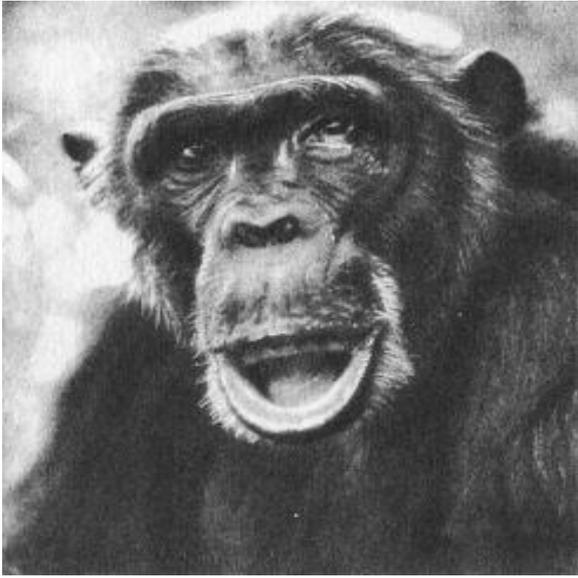
Мистер Мак-Грегор.

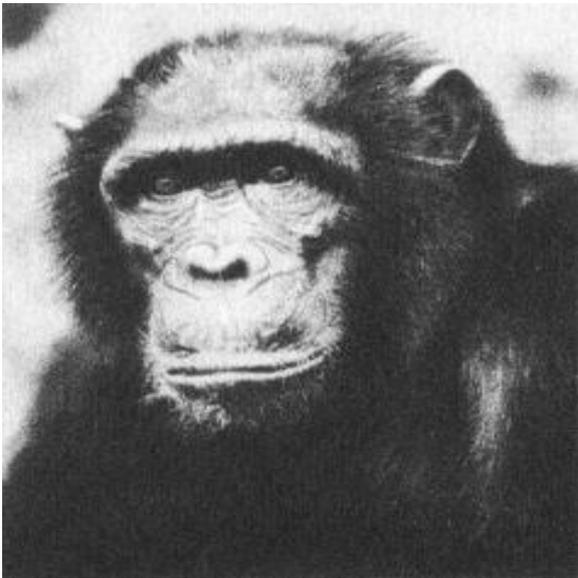
Фло.

Фифи.

Ли́ки.

Го́лиаф.

Дэвид Седобородый.

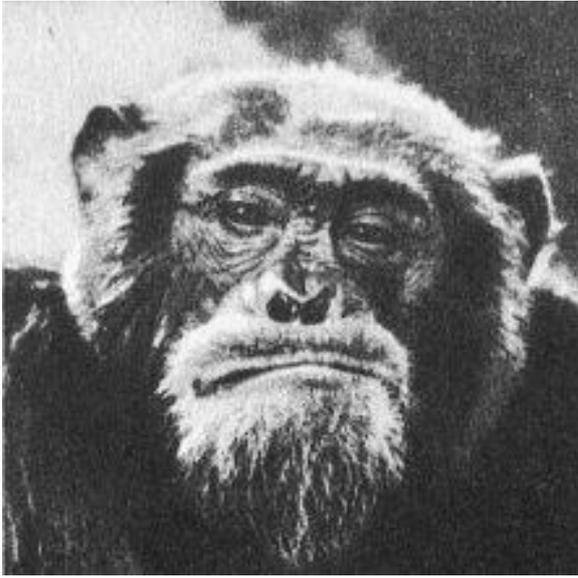
Вэнн подружилась с местными жителями.

Фиган исполняет танец дождя.

Шимпанзе не прячутся от дождя.

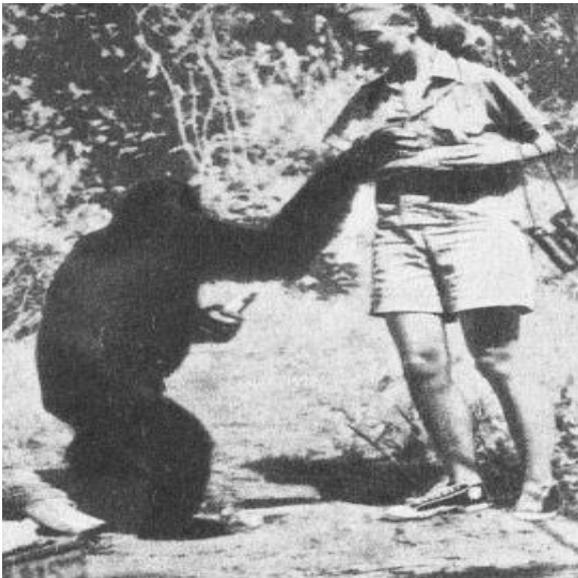
Рудольф.

В конце концов шимпанзе позволили мне бродить за ними по лесу.

Они привыкли к моему присутствию.

Я даю Дэвиду банан.

Майк склоняется перед высшим по рангу Голиафом.

Фотографировать приходилось в любую погоду.

Дэвид, Голиаф и Уильям обшаривают мою палатку в поисках картона.

Атакованный павианом Дэвид подбегает к Голиафу за поддержкой.

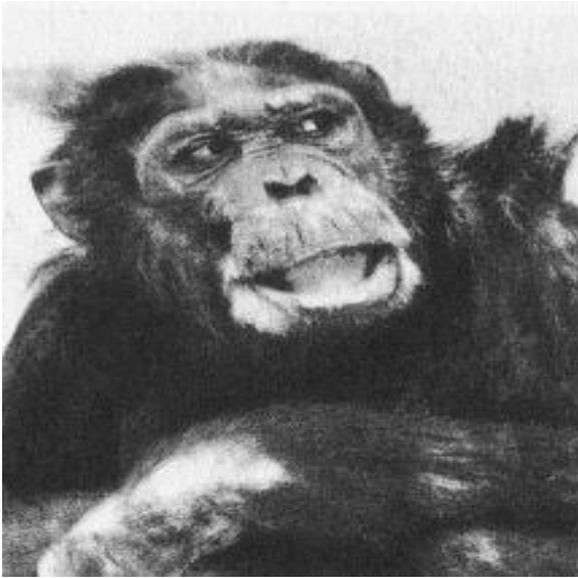
Верный друг насккивает на павиана, а Дэвид прячется за его спиной.

В лице Гуго я нашла родственную душу.

Африканские детишки пришли к нам в гости.

Мистер Уорлз.

Мы с Гуго переговаривались с помощью портативных радиопередатчиков.

Мелисса и Гоблин.

Фабен, Фиган и Фифи бегают вокруг Фло и Флинта.

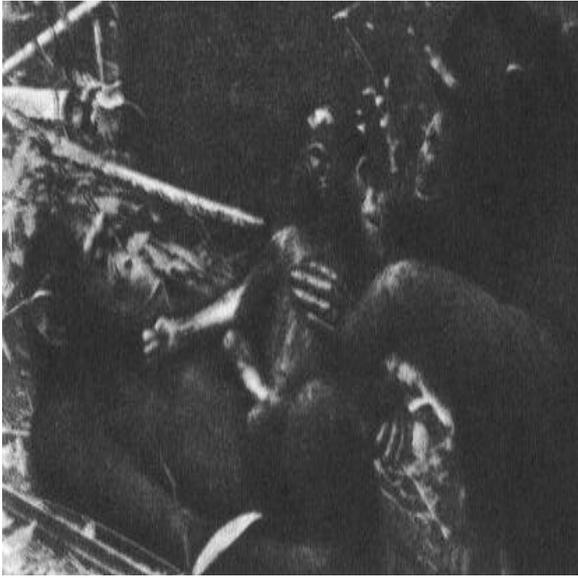
Фифи все время стремится потрогать маленького брата.

ИФло, наконец, разрешает ей понести Флинта.

Фло будто помолодела после рождения Флинта.

Флинт тянется от Фифи к Фигану.

Фиган поднимает обе руки, как бы показывая Фло, что он не причинил младенцу никакого вреда.

Восьмимесячный Флинт уютно чувствует себя на спине Фло.

Все зависит от точки зрения.

Гуго записывает на магнитофонную ленту смех шимпанзе во время игры Флинта с молодым самцом. Фло лежит в стороне.

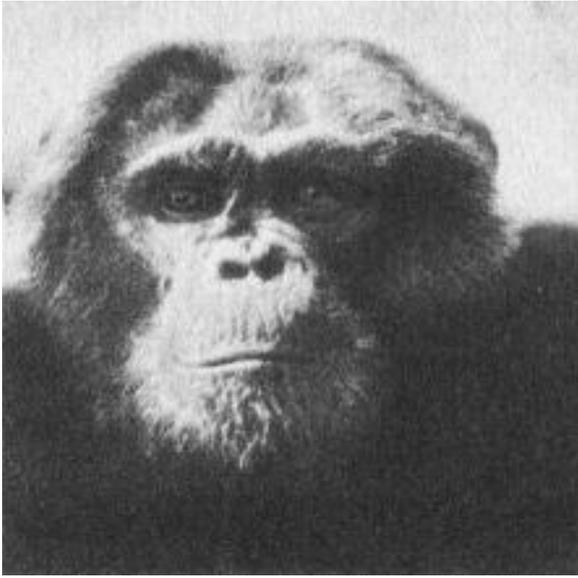
Фло отдыхает.

Фло и Фифи встревожены неожиданным шумом.

Фло выуживает термитов.

Майк.

Майк с помощью грохочущих канистр из-под керосина завоевывает высшую ступень иерархической лестницы.

Рудольф нападает на самку

И тотчас успокаивает ее, заключив в объятия.

Ареал некоторых групп шимпанзе достигает восьмидесяти квадратных километров.

Хамфри и два других самца прогоняют непрошеного гостя.

Подставление зада жест подчинения.

Иногда мы прятали бананы под рубашку.

Фифи видит свое отражение в объективе фотоаппарата.

Опытная мамаша позволяет другим шимпанзе рассматривать своего новорожденного.

Осиротевший Мерлин все чаще впадал в полное оцепенение.

До рождения Флинта Гилка и Фифи часто играли вместе.

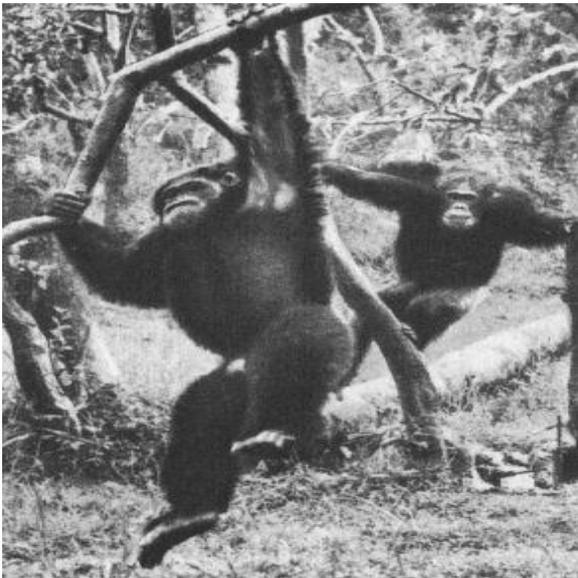
Высший по рангу Голиаф успокаивает Фигана, дотрагиваясь до него рукой.

Подросток постепенно успокаивается.

Подростки обычно боятся принять участие в процедуре обыскивания взрослых самцов.

Демонстрирование силы помогает самцам достичь высокого ранга в стадной иерархии.

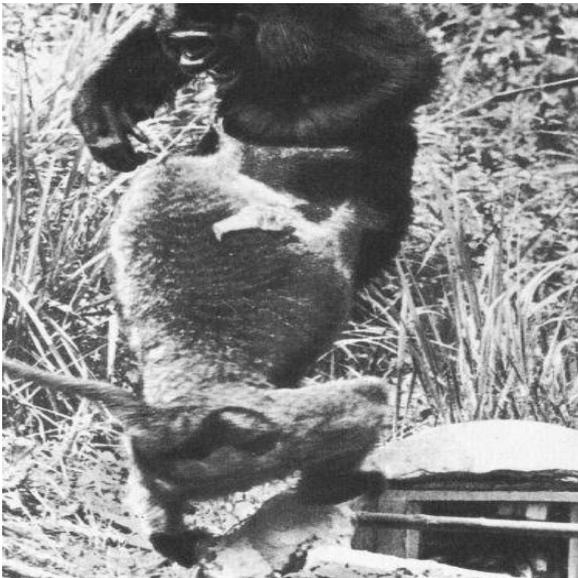
Фабен угрожающе размахивает палкой, увидев в зеркале свое отражение.

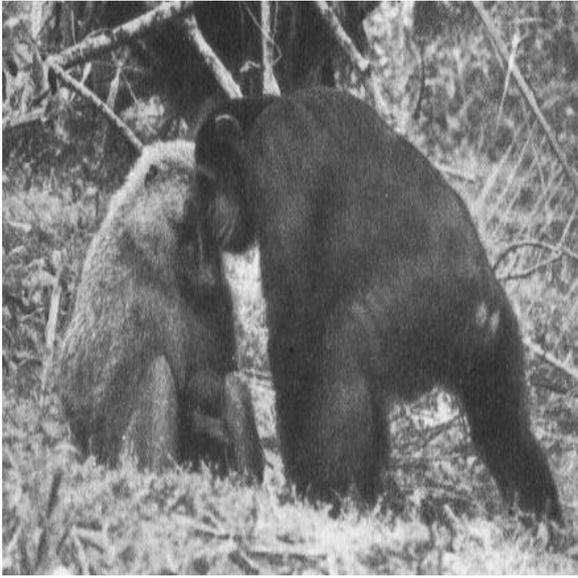
Олли и Гилка отвечают на ухаживания Лики.

Майк, высший по рангу самец, выпрашивает у Лики кусочек мяса.

Фабен бросает камни в павиана, который приблизился к ящику с бананами.

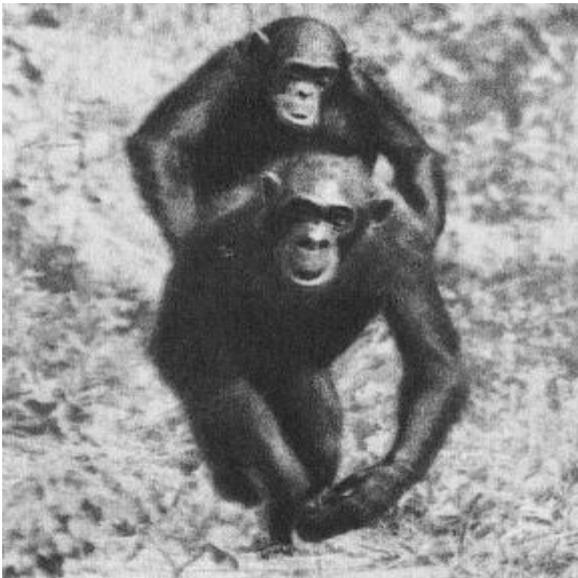
Фабен пытается затеять игру со старым павианом Джобом.

Младенец Олли стал первой жертвой эпидемии полиомиелита.

После смерти матери Снифф взял на себя заботу о сестричке.

После того, как Фло отняла Фифи от груди, та вновь стала вести себя словно беспомощный младенец.

Фло обыскивает Флинта.

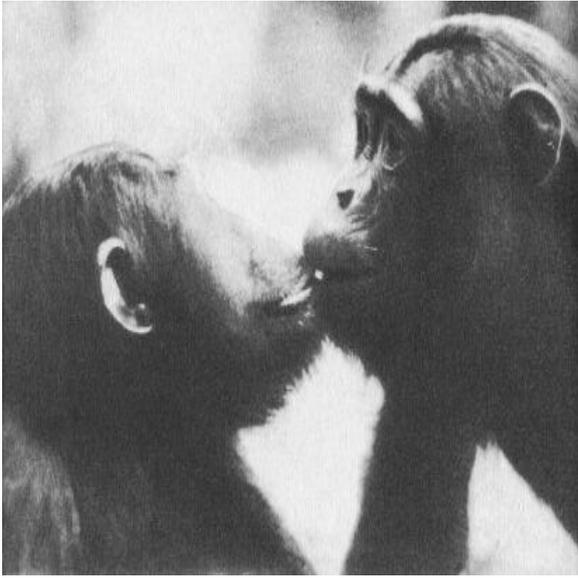
Фло и Флейм.

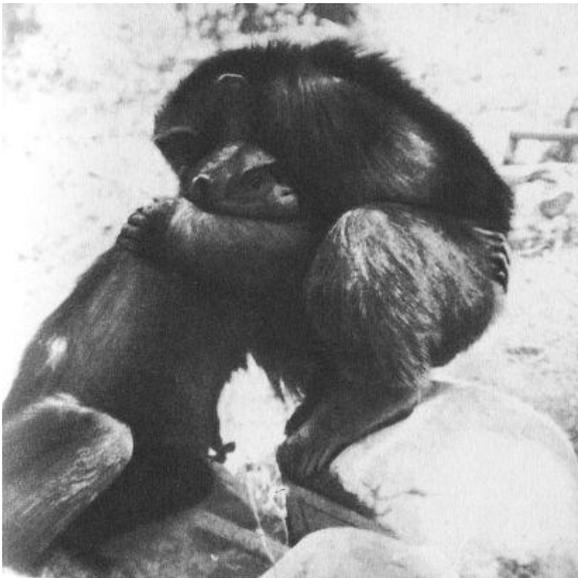
Фло с Флейм и Флинттом.

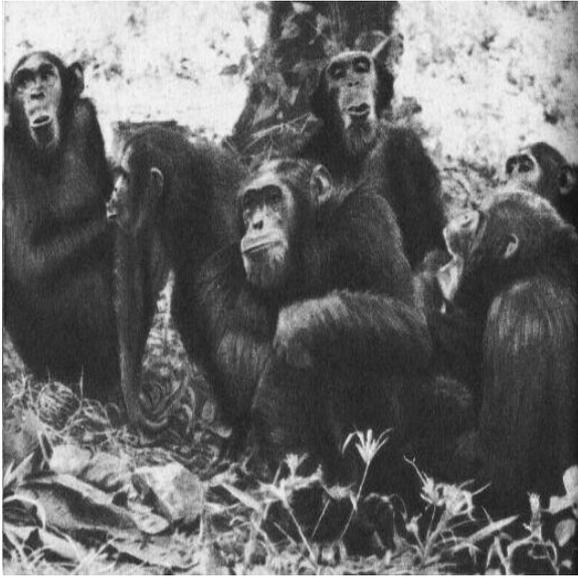
Физический контакт успокаивает, даже если это легкое касание рук.

Дружеский поцелуй.

Два шимпанзе приветствуют друг друга дружеским объятием.

Шимпанзе без сомнения различают голоса друг друга.

* * *

Издательство "Мир", 1974г.

Перевод с английского Е. Годиной

Предисловие д-ра биологических наук проф. М.Ф. Неструха.

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы.

